

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Майков, Л. Н.

**О БЫЛИНАХЪ
ВЛАДИМИРОВА ЦИКЛА.**

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Л. МАЙКОВА

×

на степень магистра русской словесности.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Печатать дозволено по опредѣленію Историко—Фило-
логическаго факультета. 18 Мая 1863 г.

Деканъ *И. Срезневскій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ. *Раздѣленіе былинъ на циклы.* Стр. 1.

I. *Общіе вопросы относительно былинъ Владимірова цикла:* Издавія ихъ. Мѣстности, гдѣ сохраняются былинны; внѣшніе пѣвцы былинъ; пересказы. Стр. 5.—Изоженіе основного содержанія былинъ. Стр. 10. — Время и мѣсто сложенія былинъ Владимірова цикла; кто могъ пѣть ихъ въ старину? среди какаго общества онѣ возникли? Стр. 21. — Подвѣйшія наслоенія, которыя приняли на себя былинны Владимірова цикла въ слѣдствіе храненія ихъ только въ памяти народа. Стр. 36.

II. *Разсмотрѣніе былинъ какъ памятниковъ народнаго быта и понятій:* Народъ Русскій и народы чужіе. Мѣстность, обитаемая Русскими народами. Пути сообщенія. Города и села; жилища. Пища; пивіа; домашняя утварь; одежда; способы сообщенія. Занятія и увеселенія. Стр. 42. — Бытъ семейный; отношенія родителей и дѣтей; отношенія супруговъ. Положеніе женщины. Стр. 56. — Бытъ общественный: князь; его отношенія къ дружинѣ. Дружина. Прочіе классы народа Стр. 61. — Военный промыселъ: вооруженіе; военныя обычаи. Стр. 72. — Торговля внутренняя и иностранная. Судостроеніе. Стр. 79. — Грамотность. Свѣдѣнія и понятія о чужихъ краяхъ и народахъ. Понятія нравственныя; война и миръ; побратимство; уваженіе къ старшимъ; гостепріимство. Варованія; суевѣрія; вероубовѣренія и ея проявленія. Стр. 83— Юридическій бытъ: договоры; наказанія. Стр. 92.

III. *Разсмотрѣніе былинъ въ отношеніи литературномъ*: Былины какъ выраженіе дружиннаго быта. Значеніе лица великаго князя въ кругу лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ. Герои отдельныхъ былинъ — богатыри дружинники; общія черты этого типа и идеализація дѣйствительныхъ лицъ богатырей въ поэзіи: гиперболическое представленіе ихъ свойствъ, элементъ чудеснаго. Характеристика некоторыхъ отдельныхъ лицъ, выведенныхъ въ былинахъ: Илья Муромецъ, Добрыня, Алеша и пр.; женскія лица. Историческое и нравственное значеніе былинъ Владимірова цикла для народа. Стр. 94.

Русскій народный эпосъ, сохранившійся въ тѣхъ стихотворныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, которыя Великорусское племя называетъ *былицами*, *старинными* и *небылицами*, по своему содержанию соответствует нѣсколькимъ, постепенно сдѣлывшимся періодамъ исторической жизни Русскаго народа. Согласно этому дѣленію на періоды и самый эпосъ былицъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ, и въ каждомъ изъ нихъ можетъ быть отдѣлена своя известная совокупность поэтическихъ представлений, которыя опредѣляютъ содержаніе цикла, отражая въ себѣ болѣе или менѣе полно бытъ и понятія каждаго періода.

Былины вспоминаютъ лѣтскій удѣльный періодъ древней Руси въ томъ стилѣ, который гружируется около Владимира Краснаго Солнышка и изображаетъ подвиги и приключенія Владиміровыхъ дружинниковъ-богатырей⁴⁾, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Микайла Потопя Иваноича, Дуная Ивановича, Василія Игнатьевича, Давыды Демьяновича, Дюка Степановича, Чурмлы Пленковича, Хотеня Влудовича, Ивана Годилочича, Ивана Гостиняго сына, Славомы Вудимировича и пр. Эти лица, хотя и введены въ обстановку исторической дѣятельности, не суть по

⁴⁾ Напротивъ того герои другихъ цикловъ эпоса никогда не называются богатырями.

болішей части лица дѣйствительно существовавшія, но вымыслены народнымъ творчествомъ.

Въ слѣдъ за Владиміровымъ цикломъ должно поставить циклъ новгородскій; онъ заключаетъ въ себѣ былины, которыя изображаютъ картины древней новгородской жизни и главнѣйшихъ типическихъ представителей новгородскаго быта, — гостя (Садко богатый, Терентьище) и удалца (Василій Буслаевъ).

Третье мѣсто занимаетъ циклъ царскій или московскій; который изображаетъ историческія личности Ивана Грознаго, Гришки Отрепьева, Михайла Овощина, Алексея Михайловича, Петра Великаго; и событія такіа, какъ Каванское взятіе, Земскій соборъ, Солотечная осада и пр.

Четвертый циклъ одновременно съ предыдущимъ и представляетъ жизнь и подвиги приволжскихъ, донскихъ и сибирскихъ казаковъ, Ермака, Стеньку Разина, взятіе Сибирскаго царства и пр.

Съ переворотомъ, который совершается въ жизни Русскаго народа въ началѣ XVIII столѣтія, народные историческія воспоминанія перестаютъ облекаться въ поэтическую форму былины, и послѣднія замѣняются военными и солдатскими пѣснями.

Но кромѣ былинь, точно приурочиваемыхъ къ главнымъ періодамъ нашего прошедшаго, есть произведенія этого народа, которыя не могутъ быть съ полною опредѣленностью отнесены къ той или другой исторической эпохѣ. Таковы былины: во-первыхъ — о Свитогорѣ, Милуѣ Селяниновичѣ и Волхѣ Всеславичѣ, и во-вторыхъ — о двухъ Липикахъ или Витникахъ, о князѣ Романѣ Митріевичѣ, о князѣ Михайлѣ и пр. Первые изъ этихъ былинь нѣкоторыми исследователями ставятся раньше Владимірова цикла; но рѣшаемся послѣдовать такому мнѣнію, такъ какъ нѣтъ нѣтъ текста

этихъ произведеній представляють слишкомъ много слѣдовъ позднѣйшаго вѣдѣнія; былины же о Ливинахъ и князьяхъ Романѣ и Михайлѣ, не принадлежатъ ни къ циклу Владимірову, ни къ циклу Новгородскому, ни къ царской эпохѣ, вѣроятно должны быть приняты за созданія того переходнаго времени, которое предшествовало утверженію московскаго единодержавія.

Настоящій трудъ посвященъ однимъ только былинамъ Владимірова цикла.

Цѣль этого изслѣдованія — рассмотреть достоинства былинь, какъ произведеній народной поэзіи времени не нашего, а минувшаго. Эта цѣль сама собою обозначаетъ два главные вопроса, которые должны быть здѣсь рѣшены:

во-первыхъ, — къ какому именно времени относится сложеніе былинь Владимірова цикла;

во-вторыхъ, — каково ихъ значеніе, какъ памятниковъ народной поэзіи.

Разсматривая первый вопросъ, должно, по моему мнѣнію, отличать разнообразныя пересказы каждой отдѣльной былины отъ общаго имъ основнаго содержанія, и именно въ немъ искать указаній, въ какое время былины сложились въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ.

Рѣшая второй вопросъ, должно обращать одинаковое вниманіе и на то, въ какой мѣрѣ былины выражаютъ нравы, обычаи и понятія своего времени, и на ихъ поэтическое достоинство. Первая изъ указанныхъ здѣсь сторонъ значенія былинь дастъ новыя данныя для бытовой исторіи ихъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердитъ новыми доказательствами, что онѣ принадлежатъ именно этой эпохѣ. Что касается поэтическаго значенія былинь, то и въ этомъ отношеніи онѣ должны быть разсматриваемы

не престо со стороны эстетической, но со стороны общественной, какъ явления духовной и нравственной образованности народа и въ времени.

Не смѣю думать, что мой трудъ ипачѣ удовлетворительно рѣшаетъ задачу, мною предположенную. Главною моею заботой было собрать какъ можно болѣе положительныхъ данныхъ, избѣгая всякихъ гадательныхъ выводовъ.

I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНО БЫЛИНЪ ВЛАДИМИРОВА ЦИКЛА.

Былины Владимірова цикла впервые появились въ печати въ началѣ нынѣшняго столѣтія подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Древнія Россійскія Стихотворенія. М. 1804 (8).

Это изданіе было сдѣлано на основаніи рукописнаго сборника былинъ, въ половинѣ прошлаго вѣка составленнаго на пермскихъ горныхъ заводахъ Прокофія Акинфіевича Демидова и извѣстнаго похъ названіемъ сборника Кириши Данилова. Редакція этого изданія принадлежала А. Ѡ. Якубовичу. Въ изданіе вошли только двадцать шесть стихотвореній изъ числа шестидесяти одного, содержавшагося въ рукописи.

Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ этого изданія сборникъ Кириши Данилова былъ напечатанъ вполне похъ заглавіемъ:

Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киришею Даниловымъ и вторично изданныя, съ приложеніемъ гравированныхъ нотъ и присовокупленіемъ 35 піесъ, доселѣ неизвѣстныхъ. М. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1818. (4).

Издание появилось въ свѣтъ подъ редакціею и съ предисловіемъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича; онъ сдѣлалъ его по порученію графа Н. П. Румянцова, который въ 1816 году приобрѣлъ въ собственность рукопись былинъ.

Съ тѣхъ поръ вниманіе науки и литературы было обращено на былины: ученые общества и частныя лица занялись отыскиваніемъ и обнаруженіемъ ихъ въ новыхъ вариантахъ. Вновь отысканныя былины появились въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Памятники и образцы народнаго языка и словесности Русскихъ и Западныхъ Славянъ. Изданіе Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Редакторъ *И. И. Срезневскій*. Спб. 1852—1856. (4).

Въ этомъ изданіи помѣщены былины, записанныя разными лицами въ Архангельской, Олонецкой и Томской губерніяхъ.

Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности М. 1860—1862. (8). Четыре выпуска, заключающіе въ себѣ пѣсни *былевыя, время Владимірово*.

Въ это изданіе вошли пѣсни, записанныя П. В. Кирѣевскимъ или сообщенныя ему другими лицами (В. И. Дедомъ, П. М. Языковымъ и др.), также соответствующія пѣсни изъ сборника Кирши Данилова и академическаго. Редакція изданія принадлежитъ особой комиссіи, выбранной отъ общества; къ изданію присоединены примѣчанія К. С. Аксакова и П. А. Безсонова.

Пѣсни собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Ч. I и II. Народныя быдины, старины и побывальщины. М. 1861—1862.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены быдины, записанныя г. Рыбниковымъ и другими лицами въ Олонецкой губерніи;

только и сколько пересказовъ второй части сообщены соби-
рателю изъ Египтеринбурга, Пермской губерніи. Редакція
издана и дрифтація принадлежать П. А. Безсонову.

Кромѣ этихъ сборниковъ, составленныхъ изъ произве-
деній, прямо записанныхъ отъ народа въ новое время,
найдено было и сколько былинъ въ старинныхъ рукопи-
сахъ. Такъ, г. Сахаровъ нашелъ рукописный сборникъ
былинъ Бѣльскаго, составленный въ XVIII вѣкѣ, но ка-
жется, не пользовався имъ для печати¹⁾; одна былина, подъ
заглавіемъ «Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ», встрѣ-
дилась въ сборникѣ разныхъ повѣстей и сказокъ, писан-
номъ въ XVII вѣкѣ и принадлежащемъ О. П. Буслаеву, и
была напечатана въ Памятникахъ стариной русской ли-
тературы, изд. м. Гр. Кушелевымъ-Безбородко подъ ре-
дакцію Н. Басмакина, вып. II, Спб. 1860; двѣ были-
ны, изъ которыхъ одна называется «Сказаніе о трехъ бо-
гатыряхъ Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и
Алексѣй Поцковичѣ», а другая «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ
и Соловѣе Разбойникѣ», найдены въ двухъ сборникахъ
XVIII вѣка, принадлежащихъ г. Зибѣлину²⁾; послѣдняя
изъ нихъ напечатана въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ»,
4. И. А. Афанасьевъ, в. I, брѣвъ раздѣленія на стихи.

Въ настоящее время былины Владимірова дѣлаются поются
преимущественно въ Архангельской, Олонекской и Перм-

¹⁾ По крайней мѣрѣ тексты былинъ, напечатанные г. Сахаровымъ
въ Сказаніяхъ русскаго народа, т. II, кн. 4, вполне сходны съ тек-
стами Кириѣ Данилова, только у г. Сахарова соединены въ одно цѣ-
лое былинны о каждомъ богатырѣ, развѣщенные у К. Данилова отдѣль-
но. О сборникѣ Бѣльскаго см. Сахарова. Рус. Нар. Сказки, кн. I,
Слб. 1840, стр. 240.

²⁾ См. Уч. Зап. II Од. Ак. П. кн. IV, стр. 295, ст. Пыльца,

ской губерніяхъ, въ Сибирѣ, на Волжскомъ низовьяхъ, на Дону, т. е. вообще на украинскія древней Руси, въ такихъ мѣстностяхъ, которыя были заняты русскимъ народомъ не въ первые вѣка его исторической жизни, а позже. Какъ памятники старины, былины удерживаются преимущественно на украинскія мѣста со старинными словами, оборотами рѣчи и обычаями потому, что эти мѣстности значительно удалены отъ тѣхъ центровъ, гдѣ главнымъ образомъ развивались и развиваются новыя потребности и формы жизни, и что украинское население по крайней мѣрѣ на половину составилось изъ людей, бывавшихъ отъ этой новизны, и почти наизусть заботливо оберегающихъ все, что касается старины.

Хранителями былиннаго эпоса служить не весь народъ: между тѣмъ какъ бытовая пѣсня известна всемъ и каждому, былины сохраняются въ памяти только отдѣльныхъ лицъ; въ Олонецкой губерніи они известны nochъ наиболѣею *сказителямъ* и очень немногочисленны. Въ край, который наследованъ г. Рыбниковымъ, въ настоящее время только человекъ десять знаютъ много былины, узнавши ихъ «отъ своихъ родителей» или «отъ людей деревенскихъ»; какъ они выражаются, и при этомъ едва ли много найдется охотниковъ унаследовать ихъ познанія. Эти сказители почти все безъ исключеній изъ крестьянства, но большей части люди достаточные; многие изъ нихъ старики или по крайней мѣрѣ въ лѣтахъ, но есть и молодые. Былины они напѣваютъ или тянутъ, всегда въ одиночку и никогда хоромъ. Въ былинахъ есть мѣста, гдѣ пѣніе прерывается и рассказъ идетъ говоркомъ. Сказители пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ. На домашнихъ собраніяхъ, по олонечки — бесѣдахъ, сказителей не биваютъ. Ихъ обыкновенно можно встрѣтить на постоялыхъ дворахъ, во

время деревенских ярмарок. Во время этих ярмарок слышится толпа народа, которая охотно их слушает. Сказителям читаются былины «шреклыми водами», и один из них не съезду рѣшился пѣть былины для г. Рыбинкова во время Петровскаго поста, когда этот сказитель пѣлъ только хлѣбъ да коренья. Впрочемъ въ свѣдѣніе того же убѣжденія, въ одномъ селѣ Нижегородской губерніи, гдѣ еще поминутся былины, крестьянинъ не хотѣлъ пѣть ихъ священнику, считая ихъ водою запретною¹⁾).

Записанныя отъ разныхъ пѣвцовъ и въ разныхъ мѣстностяхъ былины представляютъ въ повѣствователскихъ пересказахъ почти каждый эпизодъ изъ своего содержанія. Особенность этихъ пересказовъ заключается въ томъ, что они, хотя въ своемъ основаніи общій сюжетъ, различиваются отъ въ различномъ объемѣ и съ различными подробностями и отбѣнками. И такъ стало быть, былины не существуютъ какъ нѣчто вполне законченное по изложенію и повсюду передаваемое въ одномъ и томъ же видѣ, но постоянно вновь и вновь воспроизводятся, при чемъ иногда принимаютъ измѣненія и въ содержаніи²⁾).

При изученіи былины прежде всего необходимо отдѣлать основныя сюжеты ихъ отъ тѣхъ редакцій, въ которыхъ они пересказываются разными лицами. Пересказы былины стоять въ тѣсной связи съ ихъ стихотворнымъ складомъ

¹⁾ О сказителяхъ у Рыб., т. II, стр. X и XVI; также Изв. Ак. Н. въ Отд. Р. Яз. и Слов., т. X, ст. *Полноводъ и Молодцова*, ст. 250—253.

²⁾ Подобныя случаи свободнаго воспроизведенія однихъ и тѣхъ основныя сюжеты въ разныхъ пересказахъ довольно часто встрѣчается въ народной поэзіи; такъ напр. у Сербовъ одинъ и тотъ же сюжетъ нередко служитъ основой для несколькихъ пѣсень, см. В. С. Маршалева, *Сербскія народныя пѣсенки*, т. II, стр. 115 и слѣд. 198 и слѣд., 227 и слѣд., 316 и слѣд., и др.

или размеромъ и музыкальнымъ напѣвомъ¹⁾. Такъ какъ весь напѣвъ былинъ заключается въ одномъ стихѣ, то пересказывающій, соблюдая напѣвъ, соблюдаетъ и размеръ, при чемъ, по требованіямъ напѣва, распространяетъ или сжимаетъ содержаніе стиха; такимъ образомъ происходятъ различія отдельныхъ пересказовъ.

Представимъ вкратцѣ то общее содержаніе былинъ, которое положено въ основу отдельныхъ пересказовъ. Такъ какъ иногда одна былина повѣствуетъ о нѣсколькихъ происшествіяхъ, и въ разныхъ ея пересказахъ число и порядокъ происшествій бываютъ различны, то намъ должно раздѣлить нашъ обзоръ не по отдельнымъ былинамъ, но по отдельнымъ происшествіямъ или эпизодамъ, а порядокъ брать тотъ, который находится въ пересказахъ съ наибольшимъ количествомъ эпизодовъ.

I. Илья Муромецъ.

1) *Приобрѣтеніе силы* (К., I, 1, IV, 1, Р., I, 34, II,

2). Илья тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; пришли къ нему странники и напоили его чуднымъ пойломъ; съ тѣхъ поръ получилъ онъ возможность двигаться. Первые опыты своей чрезвычайной силы Илья обнаружилъ еще дома (К., IV, 1, Р., II, 2).

2) *Подвиги на пути въ Кіевъ*. Принявши родительское благословеніе, Илья ѣдетъ въ Кіевъ на службу ко Владимиру. Дорогой онъ, во первыхъ, спасаетъ отъ осады невѣрныхъ Черниговъ, мнано Чернягинь, Смоленичъ; Кидищъ,

¹⁾ О размѣрѣ былинъ см. статью *Средневековіе* «Нѣсколько замечаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсень», въ Изв. II Отд. Ак. Н., т. IX, ст. 345 и слѣд., а о музыкальномъ напѣвѣ былинъ статью *Турма*, тамъ же, т. IV, ст. 23 и слѣд.

Кривель, Бометовецъ (П. и обр., 116, К., I, 26, 79, IV, 4; Р., I, 46, 54, II, 5, 326); во вторыхъ, силой своей наводятъ страхъ на разбойниковъ, которые на него напали (К. Д., 418, П. и обр., 354, К., I, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 27, 32, 40; Р., I, 62, II, 319); въ третьихъ, въ дѣсахъ Брыдскихъ наѣзжаетъ на Сокола Разбойника, побѣждаетъ его и его дѣтей и призываетъ въ Кіевъ (К. Д., 352, П. и обр., 117, К., I, 28, 31, 33, 78, IV, 3, Р., I, 47, 55, II, 6, 330).

3) *Илья и Прекрасная Королевица*. Въ одну изъ своихъ багатырскихъ побѣдокъ Илья наѣхалъ на огромный теремъ Прекрасной Королевицы. Она предлагаетъ ему свою любовь, чтобы захватить его къ себѣ въ ялѣнь, но Илья узнаетъ ея хитрость, убиваетъ Королевицу и освобождаетъ ея многочисленныхъ плѣнниковъ (П. и обр., 355, Р., I, 64, II, 320).

4. *Битва съ неизвестнымъ богатыремъ*. Стоя на сторожевой заставѣ, кіевскіе богатыри замѣчаютъ, что къ нимъ приближается какой то неизвестный богатырь; послѣ неудачныхъ попытокъ Адеши и Добрыни сразиться съ нимъ, выѣзжаетъ самъ Илья и одолеваетъ его; побѣжденный, Збутъ Королевицъ, Бориса, Жидованъ, также Нахмалъ-ицкъ, Спосольникъ, Соловникъ или, по некоторымъ пересказамъ, поляница, женщина, оказывается сыномъ (дочерью) Ильи, нѣкогда прижитымъ съ царичей Заоданской, иначе бабай Датыгоркой или Латымиркой (К. Д., 361, П. и обр., 161, 357, К., I, 2, 3, 4, 6, 46, IV, 12, Р. I, 65, 66, 75, 81, II, 345).

5) *Илья и Идолица*. Илья осмѣливаетъ и побѣждаетъ невѣрнаго великана Идолице, который обнесильничалъ Кіевъ (по другимъ пересказамъ, Царьградъ или Иерусалимъ) во время отсутствія Муромца. Известіе о томъ Илья

получилъ отъ калкии пересказаго, котораго встрѣтилъ въ полѣ (К., IV, 16, 22, Р., I, 65, 86, 89. Пам. Костомарова, вып. II, 311); пересказъ въ Пам. Костомарова представляеть значительными отличіями отъ прочихъ.

Слѣдующія два событія изъ дѣятельности Ильи:

7. *Ссора съ Владиміромъ* (П. и обр., 381, К., I, 84, IV, 46, Р., I, 95, II, 334) и

8. *Отраженіе Татаръ отъ Кіева* (К. Д., 246, П. и обр., 145, 305, К., II, 38, Р., I, 97, 106, 114, 118) изложены въ пересказахъ съ такими различіями, что уловить общую нить ихъ содержанія нѣтъ возможности. Одинъ пересказъ соединяеть оба событія. Во второмъ экиводѣ одинъ пересказъ вводитъ участіе Ермака, а другіе о немъ умалчиваютъ.

9. *Побѣжденіе черкесъ* Ильей упоминается въ пересказахъ П. и обр., 356, и Р., II, 322).

10. *Смерть Илья* (см. ниже).

II. Добрыня Никитичъ.

1. *Добрыня и Марина*. Вопросы затронуто матери, Добрыня идетъ гулять въ ту улицу, гдѣ живетъ развратная Марина, и выстрѣлившій попадаетъ стрѣлою въ ее окошко. Марина обидившись привораживаетъ его къ себѣ. Потомъ Добрыня выгоняеть изъ ее черема (по другимъ пересказамъ — убивають) ее жила друга змѣя; за это Марина обращаетъ его туромъ (или лошадей), но его мать крестная (по инымъ пересказамъ — сестра) заставляеть ее возвратитъ ему образъ человѣческій. Марина предлагаетъ ему на ней жениться, но Добрыня казнитъ ее смертью (К. Д., 61, К., II, 41, 43, 45, 48, Р., I, 172, II, 19).

2) *Ворьба во змѣемъ на змѣю*. Добрыня стиресился у матери погулять; мать отпустила его съ условіемъ не ку-

налеся во Пучай рѣкѣ (также Сафатъ или Израй рѣкѣ), но Добрыня не послушался: едва вышлѣлъ онъ на середину рѣки, какъ налетѣлъ на него огненный Змѣй Горыничъ (или Невѣжа); они вступили въ борьбу, Добрыня поразилъ Змѣя, освободилъ отъ него сестру (или племянницу) Владимира и возвратилъ ее въ Кіевъ. (К. Д., 345, К., II, 40, Р. I, 120, 122, II, 14, 13).

Пересказы Р., I, 122 и К., II, 40 присоединяютъ къ предъидущему разсказу слѣдующій эпизодъ о *женихѣ Добрыни*: моравини Змѣя, Добрыня встрѣтилъ великана на келѣ, вступилъ было съ нимъ въ бой, но поляница убедилъ его и посадила къ себѣ въ карманъ, а потому, признавъ его красавцемъ, пошла за него замужъ.

3) *Добрыня и его жена*. Добрыня, уѣзжая въ цѣльбу богатырскую, позволяетъ своей женѣ Настасьѣ, по прошествіи извѣстнаго срока, идти замужъ за кого она захочетъ, только не за Алешу Поповича. Когда срокъ минулъ, Алеша имѣнно сватается за Настасью, и она принуждена идти за него по настоянію князя. Во время самаго ширя свадебнаго въ надатахъ Владимира возвращается Добрыня и приходитъ на ширъ, переодѣтый скomorохомъ; посредствомъ особаго знамя отырывается онъ своей женѣ, объявляетъ свои права на нее и пристыжаетъ Алешу и Владимира, хлопотавшаго объ этой свадьбѣ (К. Д., 61, II и обр., 86, 317, 360, К., II, 1, 2, 4, 30, Р. I, 129, 139, 146, II, 16, 21).

4) *Побѣненіе неспршной силы* Добрынею въ одну изъ *подвѣдковъ* богатырскихъ составляетъ предметъ быдны Р. II. 24.

III. Василій Игнатьевичъ или Казиміровичъ.

1) *Василій при осадѣ Кіева*. Царь Батый подсту-

наетъ въ Кіеву съ огромнымъ войскомъ; за отсутствиемъ другихъ богатырей Василій призванъ ко Владиміру, чтобы отразить врага; онъ убиваетъ одного изъ родственниковъ царя; послѣдній требуетъ выдачи виноватаго, князь выдаетъ Василю, и Василій, побиваетъ ихъ и обращаетъ Батня въ бѣгство (К. Д., 245, II. и обр., 88, Р. I, 174, II, 34, 39, 352).

2) *Попѣдка Василя и Добрыни съ орду.* Владиміръ посылаетъ Василя въ орду, съ данями; Василій беретъ себя въ товарищи Добрыню; когда они прѣѣзжаютъ въ орду; царь предлагаетъ посламъ разные испытанія, какъ наприм. стрѣльбу изъ лука, игру въ шахматы, борьбу и проч. Добрыня торжествуетъ въ этихъ состязаніяхъ; потомъ русскіе богатыри побиваютъ Татаръ и уѣзжаютъ, незаплативши дани (II. и обр., 113, К., II, 83, Р. I, 146 и слѣд.)

IV. Алеша Поповичъ.

1) *Битва Алеши съ Тугариномъ.* Алеша, выѣхавши изъ Ростова съ товарищемъ Екимомъ Ивановичемъ, встрѣчаетъ калику, который рассказываетъ ему о Тугаринѣ. Алеша мѣняется съ каликой платьемъ, и въ этой одеждѣ борится съ Тугаринымъ, убиваетъ его и надѣваетъ его платье. По этому Екимъ и калика не узнаютъ его, и Екимъ чуть было не убиваетъ Поповича. Потомъ Алеша прѣѣзжаетъ къ князю. Здѣсь онъ опять находитъ Тугарина.¹⁾ въ гостяхъ у князя, опять вступаетъ съ нимъ борьбу и окончательно его побиваетъ (К. Д., 180).

2) *Алеша и Збродовичи.* На одномъ пиру князя братья Збродовичи похвастали добрыми нравами своей сестры; но

¹⁾ Такое противурѣчіе съ предъидущимъ вѣроятно произошло въ славствіе невольнаго соединенія двухъ бывшихъ въ одну.

Алеша объявилъ, что онъ коротко ее знаетъ и въ доказательство упомянулъ о часѣ, который назначила ему Збродовщина для свиданія; слова его оправдались, и братья уже хотѣли было казнить ее смертию, но Алеша на ней женился (по другимъ пересказамъ, братья убиваютъ ее) (К. II, 67, 64, 66).

1) *Алеша и его сестра.* (см. ниже, тотъ же сюжетъ въ былинѣ о Михайлѣ Казариновѣ).

V. Дунай Ивановичъ.

1) *Женитьба князя Владиміра и Дуная.* Дунай вѣкогда живадъ у короля Подитовскаго и сдружился съ его старшей дочерью Настасьей. Потомъ сталъ онъ служить Владиміру, и когда послѣдній задумалъ жениться, Дунай указалъ ему на младшую дочь короля Оправсу или Афросинью; Владиміръ послалъ его сватомъ, и Дунай сладилъ это дѣло; когда же онъ поѣхалъ въ обратный путь, то повстрѣчалъ женщину паленницу удалую и вступилъ съ ней въ бой; оказалось, что это Настасья (по некоторымъ пересказамъ — Пѣпра королевщина); они помирились и тоже поѣхали въ Кіевъ жениться (К. Д., 85, II, и обр., 370, К., III, 52, Р. I., 172, 186, II, 45).

2) *Ссора Дуная съ женой.* На одномъ княжескомъ пиру жена Дуная похвастала, что она умѣетъ стрѣлять изъ лука лучше своего мужа; это показалось Дунаю обидно, и онъ лишилъ ее жизни, несмотря на всѣ просьбы о пощадѣ; но потомъ найдя въ ея чревѣ зачатого младенца, съ отчаянія убилъ и самъ себя (К. Д., 94, II, и обр., 166, 376, К., III, 55, Р. I., 182, 192, 194, II, 48) пересказъ Р., I., 194, имя Дуная замѣняетъ Доломъ.

VI. Михайло Потокъ Ивановичъ.

1) *Его женитьба на Бллой Лебеди и ея обмираніе.* Въ

одну изъ своихъ богатырскихъ побѣдохъ Михайло Цетокъ повстрѣчался съ дѣвой оборотнемъ, Бѣлой Лебедью, привезъ ее въ Кіевъ и женился на ней; при женитьбѣ они предложили, что если одинъ изъ нихъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ долженъ лечь въ гробъ вмѣстѣ съ покойнымъ. Вскорѣ Лебедь Бѣлая умираетъ, а Михайло хоронитъ ее и самъ помѣщается въ той же могилѣ; въ первую же дочь огромная подземная змѣя подползаетъ къ могилѣ, и при помощи ея Михайло оживляетъ свою жену. (К. Д., 215, P. I, 205, 205, 212, II, 59).

2) *Излѣна жены.* Во время отсутствія Михаила невѣрный царевичъ Оедоръ Ивановичъ (иначе царь Вахрамей или король Политовскій) похитилъ его жену. Узнавши объ этомъ, Михайло идетъ ее разыскивать, но когда онъ приходитъ къ своему сопернику, Лебедь Бѣлая, измѣнившая Цетоку, обращаетъ его въ камень. Его братья крестовые богатыри идутъ его разыскивать, и царедѣй каинка, имъ повстрѣчавшійся, снова обращаетъ Михайла изъ камня въ человѣка. Тогда Михайло опять идетъ къ женѣ; она поитъ его питьемъ забудущимъ и приковываетъ къ стѣнѣ, но дочь ея втораго мужа освобождаетъ Михайла, который убиваетъ Лебедь Бѣлую и женится на своей освободительницѣ (P. I, 210, 220, 229, II, 63, 71, 80).

VII. Иванъ Годиновичъ.

Онъ ѣдетъ свататься за дочь Дмитрія гостя Настасью, но такъ какъ она уже просватана за невѣрнаго царя Афромей Афромеевича (иначе Концелъ, Идолица, Оедора Иванова), то Иванъ беретъ ее насильно. Узнавъ о похищеніи, первый женихъ нагоняетъ похитителя, беретъ его въ плѣнъ и овладѣваетъ Настасьей съ ея согласіемъ; но случивъ освобождаетъ Ивана, и онъ наказываетъ камѣнницу смертью

(К. Д., 135, К. III, 9, Р., I, 197, 202, II, 52, 57; последний пересказъ называетъ по ошибкѣ Ивана Васильемъ).

VIII. Иванъ Гостинный сынъ.

Своимъ вѣщимъ конемъ онъ состязается съ лучшими конями Владиміра и выигрываетъ огромный закладъ (К. Д., 54, К. III, 1, 3).

IX. Ставръ Гоудиновичъ и Василиса.

На княжескомъ пиру Ставръ похвалился своей женой; за это Владиміръ велѣлъ посадить его въ погребъ. Василиса, узнавъ о томъ и побѣжала въ Кіевъ, переодѣвшись въ мужское платье, подъ видомъ грознаго посла Василія, чтобъ выручить мужа. Племянница князя (по нѣкоторымъ пересказамъ, дочь или жена) предупреждаетъ его, что по примѣтамъ это не мужчина, а женщина, но Владиміръ не вѣритъ и предлагаетъ Василію разные испытанія, которыя могли бы доказать, что онъ мужчина, какъ напр. борьбу, стрѣльбу изъ лука и пр. Василій торжествуетъ во всѣхъ этихъ испытаніяхъ и сватается за князеву племянницу (дочь; по другимъ пересказамъ, просто собирается въ обратный путь); на пиру князя Василій соскучился и просить, чтобы его развеселили игрою скомороховъ: онъ желалъ бы слышать Ставра, который поетъ и играетъ лучше всѣхъ скомороховъ; Владиміръ не рѣшается ему противиться: тогда Василій даетъ себя узнать Ставру, потомъ и Владиміръ узнаетъ все дѣло, и милостиво отпускаетъ супруговъ домой (К. Д., 123, Р. I, 241, 244, II, 93, 103, 113).

X. Д а н и л о.

Князю Владиміру приближенные сказали, что у Данила Ловчанина или Денисьевича красавица жена; князь задумалъ

мать отнять ее у своего дружинника; для этого онъ отпра-
вилъ его въ дальнюю поѣздку и послалъ за нимъ убійцъ,
а его жену потребовалъ къ себѣ; но узнавши о предсто-
ящей ей участи, она лишила себя жизни (II. и обр., 81,
К., III, 28).

XI. Данило Игнатьевичъ и Сынъ его.

Старый богатырь Данило отпросился у Владиміра въ
монастырь постричься. Между тѣмъ подъ Кіевъ подступила
невѣрная сила; такъ какъ у Владиміра не оказывается бога-
тырей защитниковъ, то побить невѣрныхъ вызывается
двѣнадцати-лѣтній сынъ Данилы, Иванъ или Михайло; онъ
побиваетъ враговъ и возвращается къ отцу въ монастырь,
гдѣ старикъ чуть было не убилъ его неувзавши (II. и обр.,
273, К., III, 39).

X. Хотень или Гордень Блудовичъ.

На княжескомъ пиру вдова Блудова задумала посватать
своего сына за дочь вдовы Чесевой; послѣдней это пока-
залось обидно, и она оскорбила вдову Блудову. Тогда Хо-
тень Блудовичъ затѣялъ ссору съ вдовыми сыновьями
Чесовичами, побѣдилъ ихъ и женился на ихъ сестрѣ (К.
Д., 148. II., и обр., 377, Р., I, 251, 255, II, 120; Р. I,
315, о Дюкѣ).

XII. Чурило Пленковичъ.

1) *Первое знакомство его съ Владиміромъ.* Однажды
донесли Владиміру, что какіе то неизвѣстные люди произ-
водятъ опустошительную охоту на его заповѣдныхъ лугахъ;
оказывается, что это дѣло богача Чурилы и его дружины;
Владиміръ самъ отправляется въ жилище Чурилы, въ
Кіевецъ. Чурило и его отецъ Пленко угощаютъ князя, и

Владиміръ беретъ Чурилу къ себѣ на службу. Въ Киевѣ Чурила поражаетъ всѣхъ своею красотою (К. Д., 155, Р. I, 261, П. и обр., 120).

2) *Чурила и жена Бермяты*. Служа у князя въ должности позовщика, Чурила явился въ домъ Бермяты и соблазнилъ его жену Катерину; Бермята узналъ объ этомъ и убилъ жену (а по нѣкоторымъ пересказамъ — и Чурилу) (К. Д., 163, П. и обр. 259, Р. I, 267, 269, П., 123, 125).

XIV. Дюрь Степановичъ.

Напутствуемый материнскимъ благословеніемъ, Дюкъ пріѣзжаетъ къ князю Владиміру и здѣсь хвастаетъ своими богатствами, рассказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, составляетъ съ Чурилой блескомъ своихъ одеждъ и пр., такъ что Владиміръ посылаетъ въ его землю оцѣнщиковъ (а по нѣкоторымъ пересказамъ, и самъ ѣдетъ) оцѣнивать его богатства: здѣсь ихъ встрѣчаютъ великолѣпнымъ угощеніемъ, но богатства Дюка оказываются такъ огромны, что ихъ нельзя описать (К. Д., 22, Р. I, 271, 283, 295, 308, П., 135, 137, 152, 158).

XV. Михайло Казариновъ.

Михайло Казариновъ пріѣхалъ на службу во Владиміру и князь велѣлъ ему поохотиться для его стола; во время охоты Михайло увидѣлъ вѣщаго ворона, который повѣдалъ ему о добычѣ богатырской, русской полоняночкѣ, которую Михайло могъ бы освободить отъ Татаръ. Михайло ѣдетъ по указанію ворона и наѣзжаетъ на шатеръ, въ которомъ находятъ Татаръ и русскую дѣвицу; онъ убиваетъ Татаръ, а дѣвица оказывается его родной сестрою (К. Д., 203, ср. П. и обр., 167, въ этомъ пересказѣ герой названъ *Алесью Поповичемъ*).

*

XVI. Соловей Будимировичь.

Богатый гость Соловей Будимировичь приѣзжает на Соколѣ кораблѣ въ Кіевъ, въ саду княжеской племянницы Запавы строить «снаряденъ дворъ» и сватается за Запаву. Владиміръ соглашается на бракъ и молодые уѣзжаютъ (К. Д., 1, Р., I, 318, 325, II, 184).

XVII. Сорокъ каликъ со каликою.

Калики собрались во Іерусалимъ и, проходя черезъ Кіевъ, были приняты княземъ и княгинею; молодой красивый атаманъ каликъ, Касьянъ Михайловичъ, иначе Ома Ивановичъ, Михайло Потокъ, такъ понравился княгинѣ, что она хочетъ его соблазнить, но онъ остается непреклоненъ согласно каличей заповѣди о цѣломудріи. Тогда въ отмщеніе княгиня велитъ одному изъ своихъ приближенныхъ положить въ дорожную сумку атамана золотую чашу, и когда калики уходятъ, то за ними посылаютъ погоню, какъ за ворами; чаша найдена у атамана, и калики казнятъ его тѣмъ, что закапываютъ въ землю по поясъ и пр. Когда они возвращаются, то видятъ, что онъ чудомъ остался живъ, и это служитъ для каликъ его оправданіемъ (по пересказу К. Д., атаманъ, прийдя потомъ въ Кіевъ, испѣляетъ княгиню, которая слегла съ тѣхъ поръ, какъ соблазнилась его красотою) (К. Д., 226, К., III, 81, Р., I, 236, 237, II, 87).

XVIII. Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси. (Смерть Ильи Муромца).

Богатыри Годенко Блудовичъ, Василій Игнатъевичъ, Иванъ Гостинный сынъ, Василій Буслаевичъ, Добрыня, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ выѣхали на поѣзду

богатырскую, стали на распутіи и легли спать; едва проснулся Добрыня, какъ на него напалъ Татарченокъ и убилъ его; потомъ тотъ же Татарченокъ напалъ на Алешу, но не выдержалъ его отпора и былъ побѣжденъ; вѣнцій воронъ упросилъ Алешу не убивать Татарина и за то принесъ ему живой воды, которой воскресели Добрыню. Всталъ наконецъ отъ сна и Муромецъ, видитъ онъ — огромная сила идетъ на богатырей, но они цобиваютъ и прикалываютъ ее; возгордившись, они вызываютъ силу нездѣшнюю, и явилось двое вонтелей; богатыри принялись ихъ рубить, но тѣмъ болѣе они рубятъ, тѣмъ болѣе растетъ нездѣшняя сила. Испугались богатыри, побѣжали въ каменные горы и тутъ окаменѣли. (К., IV, 108, Р., I, 118, II. и обр., 356, К., IV, 51).

Содержаніе былинъ Владимірова цикла хотя и вымышленное, но представляется въ обстановкѣ, заимствованной изъ положительной исторіи, и поэтому хотя между сюжетами былинъ есть и такіе, которые можно возвести въ эпоху до историческаго сродства индо-европейскихъ преданій¹⁾, тѣмъ не менѣе все содержаніе былинъ, а въ томъ

¹⁾ Такъ напримѣръ эпизодъ о боевой встрѣчѣ отца съ сыномъ, не узнавшими другъ друга, который извѣстенъ по былинѣмъ объ Ильѣ Муромцѣ, по основному мотиву родится съ нѣмецкою пѣснью VIII вѣка о Гальтбрата и Гадубрата и подобными же сказаніями Кельтовъ и Персовъ (см. *Ed. Duméril, Histoire de la poésie Scandinave*); преданіе о неожиданномъ возвращеніи Добрыни къ жентѣ въ то время, когда она выходятъ за мужъ за Алешу Поповича, встрѣчается и въ нѣмецкомъ сказаніи о рыцарѣ Брауншвейгъ и пр. (см. *Bulletin de l'Académie de Sciences de St. P. b*, t. IV, 279, 280, ст. *Шибнера*); борьба вѣтяя съ огненнымъ змѣемъ изъ за похищенной змѣемъ женщины, воспѣвается въ поэзіи многихъ народовъ (см. *Буслаева Истор. Очерки*, т. I, стр. 284 и слѣд.); преданію объ освобожденіи Михаила Потова изъ пѣтви дочерью или сестрою невѣрнаго

числѣ и эти древнѣйшія преданія, представляются въ такой редакціи, которая можетъ быть приурочена только къ положительнѣ-историческому періоду. Поэтому необходимо вѣсмотрѣться въ главныя историческія данныя, встречаемыя въ былинахъ Владимірова цикла; изъ отношенія ихъ къ положительнымъ историческимъ показаніямъ можно съ нѣкоторою точностію опредѣлить эпоху самаго сложена былинъ, такъ какъ вообще народный эпосъ по своему первоначальному образованію всегда современенъ или воссѣваемому событію, или по крайней мѣрѣ живому впечатлѣнію этого событія на народъ^{*)}.

Былины Владимірова цикла представляютъ Русь христіанскую, сосредоточенною подъ властью великаго князя кіевскаго Владиміра, въ постоянныхъ сношеніяхъ преимущественно враждебныхъ съ Татарами. Дѣйствіе былинъ происходитъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ или около него, а изъ другихъ городовъ упоминаются преимущественно Черниговъ, Галичь Волынскій, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ. Между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII

царя, который взялъ его въ плѣнъ, соответствуетъ подобное же преданіе о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ, рассказанное въ одномъ средневѣковомъ англійскомъ романѣ, и пр.

*) Эту мысль высказываетъ относительно бретонскаго эпоса *Вильмарке* (см. его *Chants populaires de la Bretagne*, t. I, стр. XXV), а относительно пѣсенъ новогреческихъ *Форіель* (см. стр. LXVIII и слѣд. нѣмецкаго перевода его введенія къ новогреческимъ пѣснямъ). Если же мы отдѣлимъ дѣйствительное событіе отъ его новогреческаго воспроизведенія значительнымъ пространствомъ времени, то должны будемъ предположить въ народныхъ пѣвцахъ намѣренное, ученое воспроизведеніе прошедшаго, а это едва ли возможно по степени и характеру ихъ образованности.

и XIII вѣкамъ ¹⁾). Напротивъ того, въ былинахъ Владимірова цикла — не видно преобладанія Москвы ни какъ великаго княжества, ни тѣмъ болѣе какъ царства; Москва даже

¹⁾ Считаюмъ уместнымъ здѣсь сблизить эти летописныя указанія съ упоминаніями въ былинахъ:

а) *Великій князь Владимірѣ*. Два знаменитыхъ историческихъ лица этого имени, Владиміръ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, могутъ быть сблизяемы съ былиннымъ Владиміромъ, согласно — кіевскимъ.

Уже въ древней Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 996 годомъ, находится слѣдующее замѣчательное по поэтическому характеру мѣсто о пирахъ Владиміра Святославича:

«... Се же каки творяще людемъ своимъ по все недѣля, уставъ на двору въ градѣицѣ пиръ творити и приходити бодромъ, и грядежъ, и съидежъ, и десняцекити, в нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше иждьство отъ мяса, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъяхуться, начыяхуть роптати на князь, глаголюще: «зело есть нашимъ главамъ! да намъ ясти деревяными дѣждьцами, а не серебряными». Се слышавъ Володимерь, поведъ искovati лжицѣ серебряны ясти дружинѣ, ракъ сице: «яко серебромъ и златомъ не иждь надѣсти дружини, а дружиною надѣзу серебро и злато, адоже дѣдъ мой и отецъ мой донскася дружиною злата и серебра. Бѣ бо Володимерь любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ» (П. С. Р. Л., т. I, 54).

По былинамъ, отношенія Владиміра къ дружинѣ являюся въ такомъ же видѣ: князь съ ласковою рѣчью обращается къ своей дружинѣ хороброей, а богатыри въ подсыта надѣются, въ поляныа напиваются и хвалятся своими подвигами и богатствами; Владиміръ имъ имъ отвѣчаетъ:

У меня ли нѣтъ злата, серебра?

У меня ли нѣтъ красца золота?

У меня ли нѣтъ скагна жемчуга?

(К., III, 53):

Другое упоминаніе о пирахъ Владиміра Святославича, именно по поводу подвига богатыря его Александра Поповича, встрѣчается подъ 1001 годомъ въ Никоновской лѣтописи (см. ниже, стр. 27 примѣч.).

никогда въ нихъ не упоминается, есть столько московскія сторожевыя заставы (напр. Р. I, стр. 66). Соображая эти данныя, имѣемъ право думать, что содержаніе былинъ Вла-

Подъ тѣмъ же годомъ, въ Никоновской летописи, въ слѣдъ за разсказомъ о богатыряхъ, встречаются слѣдующія слова:

«... посла Володомеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ съглядати землю ихъ, и обычаевъ ихъ»¹⁾.

Это извѣстіе, равно какъ и извѣстное упоминаніе летописей о посылкѣ Владиміровыхъ для испытанія разныхъ религій, нельзя не сопоставить съ часто упоминаемою въ былинахъ посольскою службою, которую Владиміръ даетъ своимъ богатырямъ.

Сходство съ былинами этихъ подробностей летописныхъ, и въ особенности словъ древней Повѣсти временныхъ лѣтъ, позволяетъ предполагать, что уже въ эпоху составленія Повѣсти (т. е. въ началѣ XII вѣка) историческая личность Владиміра Святославича вошла въ народный эпосъ и даже отчасти на основаніи его была изображена летописцемъ. Съ другой стороны, въ былинномъ Владимірѣ нельзя не узнать и нѣкоторыхъ историческихъ чертъ, относящихся къ Владиміру Всеволодовичу Мономаху. Такъ и о его гостепримствѣ есть свидѣтельство въ словахъ митрополита Никифора (въ посланіи послѣдняго къ Мономаху о постѣ): «И вѣмы, яко еже нѣмѣ на ѿбѣдѣ свѣтлѣ гоговиши, и бываеши всѣмъ всяческая, да всѣхъ приѿбращеши, и законныя и безаконныя, величества ради княжскаго; и самъ оубо слоужши и стражеша роукама своима»²⁾. Какъ по былинѣ XVII вѣка³⁾ богатыри Владиміра стольно-кіевскаго ходятъ войною въ Царьградъ, такъ и Мономахъ посылалъ свое войско противъ византийскаго императора. Объ этомъ событіи есть древнее извѣстіе въ Ипатьевской летописи подъ 1116 годомъ⁴⁾, которое повѣствуетъ о малоуспѣшномъ содѣйствіи Владимірова войска и воеводѣ зятю Владиміра Леону, сыну императора Діогена, противъ Алексѣя Комнина.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IX, стр. 68.

²⁾ Русск. Достоп., т. I, стр. 69.

³⁾ Пам. стар. р. лѣт., изд. подъ редакцію Костомарова, вып. II, стр. 312 и слѣд.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. II, стр. 8.

дмитрова цнела выработывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣтоваго периода, а уступившись не позже времени татарскаго влады-

б) *Добрыня*. Двое лѣтописныхъ Добрынь могутъ быть сблизены съ Добрыней былинъ: одинъ, упоминаемый въ концѣ X вѣка, дядя Владиміра Святославича, братъ его матери Малуши, родомъ изъ Любеча; соответственно этому обстоятельству въ былинахъ Добрыня тоже родственникъ Владиміра, только не дядя, а вояновичъ его, но дѣятельность дядя Владимірова, какъ историческаго лица, не находитъ себѣ отъзвучія въ былинахъ. Другой Добрыня, въ началѣ XIII вѣка, является въ лѣтописяхъ прямо какъ богатырь, участвующій и убитый въ Калкскомъ побойщѣ 1224 года, и называется *Рязанцемъ Златымъ поясомъ* (цитату и разборъ ея см. ниже, при разборѣ лѣтописныхъ упоминаній объ Алешѣ Поповичѣ). Этотъ Добрыня соответствуетъ Добрынѣ по былинѣ Кирша Данилова (Др. Росс. Ст., стр. 346), гдѣ онъ является сыномъ богатаго гостя Рязанскаго Никиты.

в) *Алеша Поповичъ* упоминается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, подъ именемъ Александра Поповича¹⁾. Одно упоминаніе находится въ Никоновской лѣтописи, подъ 1216 годомъ, въ разсказѣ о Лицевой битвѣ и обстоятельствахъ, ей предшествовавшихъ и ее сопровождавшихъ, разсказъ, который по своему складу напоминаетъ занесенныя въ лѣтопись сказанія, какъ-бы напр. о Калкскомъ побойщѣ, о Дмитріи Донскомъ и т. п. Вотъ слова лѣтописи:

«... князь Костянтинъ Всеволодичъ Ростовскій ста на речѣ на Лицѣ со всюю силою своею, снѣмже и два храбра, Добрыня Златый поясъ, да Александръ Поповичъ со своимъ слугою съ Торопомъ, славныя богатыри... И прииде на него (на князя Новгородскаго Мстислава Мстиславича Удалого, союзника Костянтинова) Александръ Поповичъ нивя мечъ нагъ, хотя рассеци его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онже возопи глаголя, яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородскій; онже уставиш, и тако спасе его Богъ, отъ смерти. І рече ему Александръ Поповичъ. «Княже, то ты не дер-

¹⁾ Имена Александръ и Алеша сближаются и сливаются въ одно имя черезъ посредство Олеса т. е. Алеша; случай такого сближенія мелодичнѣе въ Соединскомъ прошеніи (Н. С. Р. Л., т. V, стр. 87, см. также Изв. Н. Оуд. Ак. Н., X, 167) гдѣ именно Олесъ—Алешей принять за Александра.

чества, и даже иногда той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ сильна была память о норманнскихъ

дѣл, но скорѣе и скорѣе; когда уже ты глаза убьешь блудца, и что суть чина, и како се имъ дати. ¹⁾

Другая упомянутая покрывается въ сказаніи «о Киделеи Побойни», вѣселою въ Малековскую лѣтопись подъ 1224 годомъ:

«...депованннхъ людей только бысть побояно, аю на десятый отъ нихъ всеможе побожети, в Александръ Половца и сажу его Торона, и Добрыню Раданча Задого волса, и семидеати волинникъ и три бысть богатырей, аса побояна быша гнѣвомъ божиимъ за грехи наша отъ Татара ²⁾».

Въ этихъ извѣстіяхъ лѣтописи общими съ былинной мотивации оказы-
ваются: 1) то, что при Алещѣ есть служба, — Торона на лѣтописи, Еклитъ Ивановичъ по былинѣ ³⁾; 2) т. е., что Алещѣ побитъ гнѣвомъ Божиимъ отъ Татаръ, какъ въ былинѣ «Съ какихъ поръ перевелся вѣдѣн на Свѣтой Русѣ» (Кир., IV, 108—115), гдѣ разсказывается, что богатыри въ сраженіи съ Татарами на Свѣатъ рѣкѣ, побивши этихъ земныхъ враговъ, сами были побиты восточными недвѣтними изъ наказаніе за свою гордость.

Кромѣ этихъ упоминаній, относящихся Алещу Поповича къ XIII вѣку, есть въ Никоновской лѣтописи упоминаніе о немъ изъ начала XI вѣка: подъ 6508 годомъ:

«Ирине Володаря, съ Половцы къ Києву, забывъ благодареніе господна своего князя Владдиара, дѣмономъ наученъ, Володарю же тогда въ Череславцѣ на Дунаѣ, и бысть смѣтеніе гнѣие въ Києвѣ, и цыде кнѣзю во стрѣленіе нѣ Александръ Поповичъ, и уби Володаря, и бра-
та его и нѣмъ множество Половецъ изби, а нѣмъ въ поде прогна. И се слышалъ: Володарю, возрадовася зѣло, и вѣзложи на нь гривну злату, и оловори и вельможа въ подати своей ⁴⁾».

¹⁾ Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. II, стр. 223, 320, 331.

²⁾ Р. Л. по Н. см., т. II, 352, 344 стр. Востр. л., въ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 132.

³⁾ По варианту одной былинѣ о бѣ Добрыни, который былъ известенъ Чулкову и изъ котораго сдѣлалось только алешское сказаніе, спутникъ Добрыни назывался Торонемъ (Русскія сказки, Чулкова, 3 изд. 1820 г., т. I, стр. 122 и 123).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. IX, стр. 28.

эпохи Миса. Такой эпохой можно считать вторую половину удельно-вещного периода, вѣка XIII и XIV.

Скюдсти историческая повѣстная летопись насъ возмемъ

Это упоминаете помѣщено подъ 1000 годомъ ошибочно: во время Владиміра Святославича Половецъ еще не было, да и какой Володаръ (русское имя, сѣд. русский князь) могъ быть ему современникомъ? Собственно вышеприведенныя слова летописи должны быть поставлены ровно сто годовъ позже, именно подъ 1100 годъ. Тогда подъ Владиміромъ летописнаго свидѣтельства должно будетъ разумѣть Мономаха, который въ 1100 году действительно былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ, между тѣмъ какъ въ его отсутствіе Володаръ Перемышльскій могъ поднять протавъ Кіева Половецъ.

подъ 6509 годомъ:

«Александръ Поповичъ, и Янъ Усмошевецъ, убивши Печенъжскаго багатыря, избивша множество Печенъгъ, и князя ихъ Родмана, и съ тремя сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ и по монастыремъ, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ больнымъ и клясымъ великіа кади и бочка меду, и квасу, и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овозіе, что кто требоваше, и ядыше»¹⁾.

подъ 6512 годомъ:

«Идоша Печенъзи на Бѣлградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошеца съ многими силами. Печенъзи же слышавше, побѣгоша въ поле»²⁾.

Эти три показанія летописей объ Александрѣ Поповичѣ замѣчательны во первыхъ тѣмъ, что помѣщаютъ его въ двѣ разныя эпохи, удаленныя одна отъ другой пространствомъ въ сто лѣтъ; во вторыхъ, второе и третье свидѣтельство замѣчательны тѣмъ, что сближаютъ Александра—Алешу съ другими богатыремъ Владимірова времени, о которомъ есть подробное преданіе въ древнѣйшихъ летописяхъ и кромѣ того доселѣ существуетъ память въ народѣ³⁾; на-

¹⁾ Н. С. Р. А., т. IX, стр. 68.

²⁾ Н. С. Р. А., т. IX, стр. 68.

³⁾ См. великорусскую сказку о Никитѣ Кожемякѣ въ Р. Сказкахъ Аван., вып. III, и малорусскую о Кирилѣ Кожемякѣ, въ Зап. о Южн. Руси, Кутинѣ, т. I.

ности подкрепить этот вывод, исключенный из-за сомнения былин, свидетельством других памятников. Тем не менее нельзя пропустить одно любопытное указание, встрѣ-

конце в третьих замечательны эти показанія темъ, что выставляють Александра=Алешу какъ постоянного противника юго-восточныхъ индоевропейскихъ враговъ Руси, Печенѣговъ и Половцевъ, въ борьбу съ которыми относятся поэтическія преданія о подвигахъ Мстислава Тмутораканскаго и Владиміра Мономаха и Слово о Плѣху Игоревѣ,

Однаго того обстоятельства, что автописныя показанія объ Александрѣ=Алешѣ Поповичѣ, помѣщаются въ разные эпохи, отдаленныя одна отъ другой почти цѣлымъ столѣтіемъ, одного этого обстоятельства довольно чтобы сказать, что эти упоминанія взяты автописцемъ изъ народнаго преданія. Но когда совершился этотъ переходъ? Полагаемъ, что въ значительное древнее время и именно въ такое, когда въ народной памяти Поповичъ слыль врагомъ не только Татаръ (какихъ исключительно мы видимъ его въ ипѣющихся у насъ былинахъ, записанныхъ въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ), но также и Половцевъ, и даже Печенѣговъ. Благодаря ужасамъ татарскаго нашествія замѣна Татарами всѣхъ прежнихъ враговъ должна была скоро совершиться въ народной памяти.

г) *Ставръ* упоминается въ первой Новгородской автописи подъ 1118 годомъ:

«...приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыя Кыеву, и заводи я въ честному хресту и пусти я домовъ, а шныя у себе остави: разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу и на сочскаго на Ставра, и заточи я вся»¹⁾.

Упоминаемый здѣсь князь есть Мономахъ, ко времени котораго относится событіе, но былина отодвигаетъ Ставра ко времени Владиміра Святославича. Ставръ по былинѣ бояринъ, по автописи только сочскій, но ни та, ни другая не считаютъ его богатыремъ. Впрочемъ заключеніе Ставра составляетъ мотивъ общій и автописи, и былинѣ. Всѣ эти упоминанія автописи о лицахъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, идутъ не позже XIII вѣка. При этомъ должно замѣтить, что автописи знаютъ и о такихъ богатыряхъ, которые не воспѣты въ былинахъ; такъ во времена Владиміра упоминаются Янъ Устоишевецъ, о которомъ говорено было выше, и Радгай Удалой, и «Радгай Удалой, иже нѣвѣжаше сея на вѣрста

¹⁾ П. С. Р. Л., т. III; стр. 4.

чаемое въ одномъ изъ важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ XII вѣка. Таковы слѣдующія слова «Слова о плыку Игоревѣ»: «не льно ли ны бынеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о плыку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тѣмъ прѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Боялю»¹⁾).

Основываясь на этихъ словахъ, можно предположить, что былины, какъ особый родъ эпоса, существовали въ нашей народной поэзіи уже въ XII вѣкѣ, и что содержаніе ихъ заимствовалось изъ событій современности, — показаніе вполне согласное съ тѣмъ соображеніемъ объ отношеніи эпоса къ историческимъ явленіямъ, которое мы представили выше. Подобнымъ образомъ по живымъ слѣдамъ событій, могли сложиться и былины о великомъ князѣ Владимірѣ, Добрынѣ Рязаничѣ, Алешѣ Поповичѣ и проч. Но татарское нашествіе замѣнило именемъ Татаръ имена прежнихъ степныхъ враговъ Кіева, безъ сомнѣнія упоминавшія-

вонъ» (Ник. л. подъ 1000 годомъ)¹⁾, при Мстиславѣ Изяславичѣ — Деблявѣ Кудесовичѣ съ слугою своимъ Тарасомъ (Ник. л. подъ 1148 годомъ), слышій за «человѣка божьего»²⁾, въ Липецкой битвѣ, кромѣ Добрыни и Александра Поповича — Неведій Якунь при Константинѣ Ростовскомъ (Ник. л. подъ 1216 годомъ), да при Мстиславѣ Удаломъ «нужи храбри зело и велицы богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша на себѣ ранъ» (Р. л. по Н. сп., т. II, стр. 325). Подобныя упоминанія о богатыряхъ тоже не идутъ въ летописяхъ дальше XII вѣка. Изъ всего этого можно заключать, что въ сознаніи летописцевъ XIII вѣка представлялся предѣломъ богатырской эпохи.

¹⁾ Р. Д. т. III, стр. 1, 2, 3. Въ Словѣ о Задонщинѣ встрѣчаемъ подобное мѣсто: «Лудчи бо дамъ, братіе, начати повѣдати иными словесы... начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ» (см. Изв. М. Отд. А. Н. т. VI, ст. 348).

¹⁾ П. С. Р. А., т. IX, стр. 68.

²⁾ П. С. Р. А., т. IX, стр. 177 и 178.

ся въ этихъ былинахъ, и въ содержаніи послѣднихъ присоединило дѣльнѣ рядъ новыхъ эпизодовъ, изображающихъ такая явленія жизни, которыя раньше татарскаго нашествія не были возможны (таковы осада Кіева Татарами въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Василиѣ Игнатьевичѣ¹⁾), отъездъ даней выходовъ въ орду, дѣйствіе Татарами русской дѣвочки) и только въ соединеніи съ этой примѣсью, дошло до насъ содержаніе былинъ Владимірова цикла. Потому мы и обозначили XIV вѣкомъ предѣлъ, когда оно могло установиться²⁾.

Выпущенными слова изъ «Слова по плъбу»

¹⁾ Конечно, нельзя въ этихъ былинахъ картинѣхъ кіевской осады искать исторической точности, но тѣмъ не менше нельзя и не замечать въ этихъ эпизодахъ чертъ общія съ тѣмъ рассказомъ объ осадѣ Кіева Батыемъ, который находится въ Миллеровской летописи году 1240 годомъ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 177 и 178), и вообще со «Сказаніемъ о нашествіи Батия на Русскую землю», которое къ сожалѣнію сохранилась только въ подправленномъ видѣ (см. Сахарова Сказанія Р. нар. т. I, кн. 4). Все эти повѣствованія безъ сомнѣнія сложились подъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ ужаса, произведеннаго татарскимъ нашествіемъ.

²⁾ Къ этимъ указаніямъ о времени, когда сложилось содержаніе былинъ Владимірова цикла, можно присоединить еще одно соображеніе. Въ германскій эпосъ еще въ XII вѣкѣ, а можетъ быть и раньше того, введены были русскія дѣйствующія лица, известные намъ по былинамъ Владимірова цикла: въ исландской Thidrekssaga, въ половинѣ XIII вѣка составленной изъ древнихъ саксонскихъ пѣсень и преданій (см. *Raszmann, Die deutsche Heldensage und ihre Heimat*, В. II, стр. V и VI) упоминается король русскій Вольдемаръ — Владиміръ и его братъ ярьль Илья Греческій или Русскій — вѣтъ Илья Муромецъ. Thidrekssaga называетъ его греческимъ по его греческой вѣрѣ (см. *Müllenhof, в Zeitschrift für das Deutsches Alterthum*, В. III, 349). О Владиміръ еще можно сомнѣваться, — перешелъ ли онъ въ нѣмецкій эпосъ изъ русскаго преданія, т. е. былины, или изъ исторической дѣйствительности, но очевидно Илья сомнѣній быть

Игорявъ- вмѣстѣ съ временемъ указываютъ и на мѣстность, въ которой могли быть пѣты былинны въ XII вѣкѣ. Это была южная Русь (откуда родомъ пѣвущъ Слова), вѣроятно область Киевская, въ предѣлахъ, которой помещается большая часть происшествій, описываемыхъ въ былинахъ Владимірова цикла. Въ противоположность этому факту древности въ настоящее время былинъ въ южной Русѣ не существуетъ: есть только въ некоторыхъ малорусскихъ преданіяхъ упоминанія о дѣдахъ, воспоминанія въ былинахъ Владимірова цикла. Какъ объяснить это явленіе? Уже со времени основанія Владиміра Златѣскаго, Ярославля и проч., въ X и XI вѣкахъ, мы видимъ восточнѣе движеніе южно-русскаго населенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ; мы видимъ, что это движеніе особенно усиливается въ XII вѣкѣ, когда великокняжескій столъ былъ перенесенъ во Владиміръ; если мы признаемъ возможнымъ существованіе былинъ въ это время, то легко можемъ предположить, что онѣ были перенесены этими переселенцами съ юга въ тѣ мѣста, которыя въ послѣдствіи составили центръ великой Руси, и здѣсь уже подверглись дальнейшей разработ-

не можетъ: Илья существуетъ не въ исторіи, а въ одномъ эпосѣ, и именно подлѣ Владиміра, какъ и въ Thidrekssaga; кромѣ того имя его передано по исландски не Elias, какъ бы слѣдовало по общегерманскому употребленію этого ветхозавѣтнаго имени, но Ilias von Riuzen, очевидно со славянскаго Илья. Должно однако замѣтить, что происшествія, въ которыхъ участвуетъ имя Илья, не имѣютъ ничего общаго съ известными намъ былинами подвѣдана Илья Муромца. Путь, по которому могли перейти эти русскія имена въ эпосъ германскій, — безъ сомнѣнія, рассказы ниже-нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь. Съ другой стороны, должно замѣтить, что еще въ XVII вѣкѣ путешественникъ путешествовавшій по пещерамъ, что Илья Муромецъ прежде Антонія Печерскаго, т. е. прежде начала XI вѣка, вселенся въ эти пещеры (см. статью Стасова въ Изв. Археол. общ., т. III, вып. 3).

къ въ постоянномъ устномъ храненіи. Какъ уже сказано выше, въ болѣе позднее время развитіе новыхъ потребностей и формъ жизни въ великой или московской Руси отодвинуло храненіе былинъ. Владимірова цыгла изъ центра на крайны, вмѣстѣ съ другими остатками старины.

Опустошеніе южной Руси Татарами въ XIII вѣкѣ и паденіе ея образованности подѣ литовскимъ владычествомъ въ XIV и XV были причиною, что здѣсь былины Владимірова цыгла не были удержаны народною памятью, а когда въ XVI вѣкѣ южнорусское населеніе сложилось въ новыя формы казачества, то оно создало свой особый кругъ эпическихъ сказаній, окончательно заслонившій собою Владиміровъ цыглъ въ народномъ воображеніи. Эта смѣна цыгловъ доказывается и тѣмъ, что тѣ отрывки, которые въ вытѣшней народной поэзіи южно-русской напоминаютъ кievскій періодъ или по крайней мѣрѣ дѣйствующихъ лицъ изъ Владимірова цыгла, представляютъ свое содержаніе и своихъ героевъ въ исторической обстановкѣ казацкой эпохи. Такъ Алена Поповичъ великорусскихъ былинъ, родомъ изъ Ростова, называется Олексіемъ Поповичемъ Пирятинскимъ, писаремъ войсковымъ, казакомъ лестровымъ, и дѣйствуетъ на морѣ¹⁾, а былинный богатырь Василій Пяница и богатырь Михайлушко, сынъ Данилы Игнатьевича (П. и обр., 273), вѣроятно соединяются въ лицѣ лица-ря Михайлика²⁾.

Указавъ на существованіе былинъ на Руси въ XII вѣкѣ, можемъ остановиться и на вопросѣ: кто пѣлъ ихъ въ старину? Упомянутія о лицахъ, пѣвшихъ пѣсни, встрѣчаются какъ въ письменныхъ памятникахъ, этого времени, такъ и

¹⁾ Ивр., IV., стр. XXIII, также см. Основу 1862 г., № 8, стр. 20.

²⁾ Кулиша, Зап. о Южной Руси, I, 3.

въ былинахъ Владимірова цикла. Въ житіи преп. Феодосія есть такое указаніе: «Въ іединъ же отъ дѣнии шьдъшу къ тому благому богоносному отъцю нашему Феодосью, яко вѣниде въ храмъ, иде же бѣ князь, сѣде, и се видѣ *многгя играющя прѣдъ нимъ — овы гусльнзгя гласы испущающи друггя же органнзгя гласъ поющи, итмъ мусккнскзгя (= замзрныя) пнськзгя гласщнмъ, и тако всъмъ играющнмъ и веселящнмъся, яко же обзчамъ гестъ прѣдъ княземъ, блаженгя же бѣ въскрай іего сѣдн и долу ннчя. И яко мало въсклоннвъся и рече къ тому: То будетъ ли снде на ономъ свѣтѣ! Тѣ же ту абнне съ словомъ блаженаго умнлнся и малгя просльзн сн, и повелѣ гѣмъ прѣстатн. И отътолѣ аңе колн прнставнше гѣя игратн, тн слышаше блаженаго прншьдѣша, то повелѣваше гѣмъ прѣстатн отъ таковы игры»¹⁾. Отсюда видно, что на пирахъ князя Святослава Ярославича (во второй половинѣ XI вѣка) былъ обычай прѣдъ княземъ играть на гусляхъ, органахъ и замбрахъ и пѣть пѣсни. Въ памятникахъ поучительной литературы, относящихся къ періоду до-татарскому, находимъ и обличенія противъ скомороховъ, гудцевъ и игрецевъ и пѣнія пѣсенъ бѣсовскихъ или мірскихъ²⁾.*

Соотвѣтственно этимъ показаніямъ и въ былинахъ Владимірова цикла находимъ веселыхъ молодцевъ— гудошниковъ и скомороховъ (или лицъ, переодѣтыхъ скоморохами) на княжескомъ пиру. Они поютъ и играютъ на звончатыхъ яровчатыхъ гусляхъ или гудкѣ. Отчасти изображено въ бы-

¹⁾ Учен. зап. по II Отд. Ак. Н., т. II, в. 2, 192.

²⁾ См. слѣдующія слова въ поученіи Феодосія Печерскаго: «дѣволъ лѣтитъ въ другнн правы... скоморохи, гусльнн, запѣлн и веселннн игрннн...» См. Уч. Зап. по II отд. Ак. Н., т. II, в. 2, стр. 195), также слово христороубца по двумъ вариантамъ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, *Толкованнн* т. IV.

динахъ и самое пѣніе скомороховъ: Ставръ, по пересказу
Кирши Д., 132 и 133,

Сыгрышь игралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгиню,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ....

а по пересказу Рыбн., II, 101:

Сталъ тутъ Ставръ гуселокъ налаживать,
Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью отъ Іерусалима;
Повелъ онъ танцы великіе,
Припѣвки-то припѣвалъ изъ за синя моря.

Въ томъ же родѣ и пѣніе Соловья Будиміровича (Р., I,
324), Садка богатаго гостя (изъ былинъ новгородскаго
цикла). Добрыня, (по пересказу Рыбн., I, 136, ср. 144,
167 и II, 31),

Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тья струночки золоченыя,
Учалъ по струночкамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ новаживать,
Играетъ онъ въ Цари-гради,
А на выигрышь беретъ въ Кіевѣ ¹⁾).

Кромѣ того Добрыня бралъ содержаніе для пѣсень изъ
обстоятельствъ, лично до него касающихся. Подобно тому
въ былинѣ о гостѣ Терентьицѣ, (изъ новгородскаго цикла,
см. К. Д., 13) скоморохи веселые, люди вѣжливые и очест-
ливые (стр. 15), играютъ въ гусельцы и поютъ Терентьи-
щу пѣсню про него самого (стр. 19).

¹⁾ Слѣдуетъ понимать выигрышь, слова пѣсни.

Соображая всё эти показанія, нельзя не признать гусельниковъ и пѣвцевъ, пѣвшихъ передъ Святославомъ, а также скомороховъ, гудцевъ и игрецевъ, упоминаемыхъ въ поученіяхъ, за одни и тѣ же лица съ гудошниками и скоморохами нашихъ былинъ; и, хотя нѣтъ возможности точно опредѣлить содержаніе ихъ пѣсень,—нельзя не предположить, что были между этими пѣснями и эпическія, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ былинъ ¹⁾. Въ такомъ случаѣ можно сблизить древнихъ скомороховъ и гудошниковъ съ нынѣшними одонецкими сказителями, и при томъ вспомнить, что какъ скоморохи въ свое время подвергались осужденію духовенства ²⁾, такъ и нынѣшніе сказители считаютъ свои пѣсни вещами мірскими, запретными ³⁾.

Допустивши возможность существованія былинъ между тѣми пѣснями, которыя древніе скоморохи и гудцы пѣли

¹⁾ Одинъ пересказъ у Рыбн., I, 249, даже прямо указываетъ на эпическій характеръ пѣсень Ставра:

Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
Игръ играть, напѣнокъ напѣвать,
Про стары времена и про нынѣшны
И про всё времена досюдешны.

²⁾ Въ этомъ отношеніи важны постановленія Стоглавника, облачающія гудцевъ, гусельниковъ, органиковъ, прегудниковъ и скомороховъ, которые играютъ на свадьбахъ или «ходятъ по дальнимъ странамъ... ватагами многими по шестидесять и по семьдесятъ человекъ» (см. Стоглавъ, Спб. 1863, стр. 135, 136 и 137).

³⁾ Мысль о грѣховномъ характерѣ скоморошескихъ пѣсень и игръ не чужда и былинамъ: въ одномъ изъ пересказовъ былины о Садкѣ новгородскомъ (Р., I, 369), его игры, совершенно одинакія съ вышеописанными играми и пѣснями Добрыни, Ставра и Соловья, называются бѣсовскими; при этомъ должно замѣтить, что такое обличеніе вкладается въ уста старчищу (сравнительно съ другими варьянтами—старчищу плагришину или св. Миколѣ).

*

на пирахъ княжескихъ, мы уже указали и на ихъ слушателей, т. е. на тотъ классъ древнерусскаго общества, для котораго создавались эти произведенія народной поэзи. Это былъ—впрочемъ не исключительно—классъ высшій, т. е. княжеская дружина. Тоже подтверждаетъ и одна заключительная припѣвка къ былинѣ, сохранившаяся въ сборникѣ Кирши Данилова (пѣвецъ говоритъ отъ имени своего и другихъ пѣвцовъ):

Гдѣ-ко пиво пьсмъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

(К. Д., 283).

Какого бы поздняго происхожденія ни была эта припѣвка, она свидѣтельствуетъ, что въ старину былины не были исключительнымъ достоянiемъ простаго народа, какъ въ настоящее время. Самое содержанiе былинъ, по большей части воспѣвающее приключенiя богатырей дружинниковъ и, въ противурѣчiе лѣтописямъ, совершенно умалчивающее о военныхъ подвигахъ самихъ князей, только подтверждаетъ то соображенiе, что военный, богатырскiй эпосъ былинъ возникъ и первоначально существовалъ въ кругу княжеской дружины; въ такомъ случаѣ поэзія княжескихъ пѣвцовъ, каковы были Боянъ и авторы Словъ о Плѣку Игоревѣ и о Задонщинѣ, должна быть противопоставлена былинамъ, какъ преимущественно прославлявшая самихъ князей.

Принимая удѣльно-вѣчевой періодъ за время, когда сложились былины Владимірова цикла, мы легко поймемъ сопоставленiе великаго князя Владиміра съ Литвою, Поль-

шею, Швецією и Татарами, при чемъ упоминаются цари Батый, Сартанъ, Мамай и поле Куликово. Такое сближеніе однородныхъ явленій изъ разныхъ эпохъ совершенно въ обычаяхъ народнаго эпоса; но долговременное храненіе нашихъ былинъ единственно въ народной памяти и свободный пересказъ ихъ были причиною, что и періоды народной жизни, послѣдовавшіе за XIV вѣкамъ, наложили свой слѣдъ на эти произведенія. Такъ въ былинахъ встрѣчаются иногда упоминанія о Турціи, царствѣ Астраханскомъ, Казани, степяхъ Саратовскихъ и Цидарскихъ и т. п. Эти черты уже отзываются XV, XVI и XVII вѣками. Точно также отзывается позднѣйшее время въ именахъ дѣйствующихъ лицъ, какъ Малюта Скуратовъ, Ермакъ, Никита Романовичъ, и въ измѣненіи нѣкоторыхъ характеровъ (какъ это будетъ показано ниже), и наконецъ въ подробностяхъ внутреннаго быта. Приведемъ нѣсколько примѣровъ бытовыхъ измѣненій въ духѣ временъ позднѣйшихъ: по одной былинѣ (К. I, 77), Илья Муромецъ собирается съѣздить да посмотрѣть

Земли свѣторусскія
И кружела государевы.

По другой былинѣ (Р., II, 61), Михайло Потожъ говоритъ князю Владиміру:

Лучше дай мнѣ указъ за печатью за красною
Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ.

По третьей былинѣ, Владиміръ разрѣшаетъ Дюку Степановичу торговать въ Кіевѣ безданно безпошлинно (Р., I, 308). Примѣры этого обычая восходятъ не ранѣе XVI вѣка.

Счетъ въ былинахъ постоянно ведется на рубли и копейки, вѣсь тоже современный; въ нихъ упоминается употребленіе стеколь въ окнахъ, кареть, бумаги гербовой, подзорныхъ трубокъ нѣмецкихъ и т. п. Все это черты новыя.

Кромѣ времени, и мѣстность, въ которой хранились и были записаны былины, оказала свое вліяніе на ихъ содержаніе, внеся въ него мѣстные образы и черты. Такъ напр. былина, записанная въ тундристомъ онежскомъ приморьѣ, слѣдующими словами изображаетъ природу края, въ которомъ ѣздить Илья Муромецъ:

Ише гладкіе онъ мзи да промежь ногъ спущалъ,
А и синее то море онъ въ околѣ скакалъ.

(П. и обр., 353)

Или въ былинѣ, записанной на сѣверовостокѣ Россіи или въ Сибири, въ числѣ разныхъ враговъ Руси упоминаются и мелкіе сибирскіе народцы, Чюкши и Алкюторы. (К. Д., стр. 196 и слѣд.).

Иногда мѣстнымъ образамъ соотвѣтствуютъ и мѣстные слова, иногда же мѣстные слова и обороты являются для понятій общихъ. Былины нерѣдко сами объясняютъ мѣстное слово, ими употребленное, напр.

Наѣхали на стараго стайшники,
По нашему русскому разбойники.

(К. Д., 419)

Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣстности разрабатываютъ извѣстный эпизодъ изъ содержанія былинъ, исторически имъ соотвѣтствующій: на волжскомъ низовьи, гдѣ долго процвѣтало казачество и разбойничество, много разъ и въ разныхъ пересказахъ была записана былина о встрѣчѣ стараго казака Ильи Муромца со камышниками, т. е. разбойниками, скрывающимися въ камышахъ.

О влияніи мѣстныхъ условій на сохраненіе былинъ въ народной памяти говорено было выше. При богатствѣ эпическихъ припоминаній и свѣжести эпическаго творчества въ глухихъ, отдаленныхъ отъ метрополіи мѣстностяхъ понятно, что пересказы былинъ, здѣсь записанные, отличаются отъ пересказовъ изъ другихъ мѣстностей съ одной стороны богатствомъ чертъ древнихъ, а съ другой — подробностью и разнообразіемъ въ разработкѣ сюжетовъ.

Какъ совершался процессъ постояннаго воссозданія и переработки былинныхъ пересказовъ согласно съ измѣненіемъ историческихъ условій, можно видѣть изъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ нынѣшнихъ пересказовъ одного и того же сюжета: одинъ пересказъ излагаетъ сюжетъ въ большей подробности, другой въ меньшей; одинъ сообщаетъ сюжету древнею въ отношеніи быта обстановку, другой подновляетъ эту обстановку и вводитъ подробности новыя. Прямѣрами растяжимости былинныхъ сюжетовъ могутъ служить многочисленные пересказы былинны о борьбѣ Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ: въ нѣкоторыхъ пересказахъ въ двухъ словахъ рассказывается то, что въ другихъ занимаетъ цѣлыя десятки стиховъ, подобно тому, по пересказу Кириши Данилова (стр. 27), въ нѣсколькихъ стихахъ описана есора Дюка Степановича съ Чурилою Пленковичемъ, между тѣмъ какъ въ олонецкихъ пересказахъ она составляетъ содержаніе цѣлыхъ большихъ былинъ¹⁾). Иногда распространеніе состоитъ въ томъ, что къ былинѣ, по содержанію

¹⁾ Подобнаго рода распространенія одного и того же содержанія совершенно въ обычаяхъ народной поэзіи; такъ напр. известная северно-французская пѣсня о Роландѣ по редакціи XII вѣка имѣетъ около 1800 стиховъ, а по другой редакціи, позднѣйшей, состоитъ изъ 10000 стиховъ (см. *Récueil des chants historiques français, par Leroux de Lincy, I, MDCCCXLI*).

примыкающей ко Владимірову циклу, присоединяется эпизодъ посторонній, изъ другаго цикла; такъ напр., по одному онежскому пересказу (II. и обр., 370), въ началѣ былины о Дунаѣ поставленъ эпизодъ, относящійся къ былинамъ о Ванькѣ Ключникѣ, Настасьѣ Королевицѣ Политовской и пр. Примѣрами того, какъ въ былицахъ уничтожается древняя бытовая обстановка, можетъ служить слѣдующее: вообще въ былицахъ Владиміръ называется великимъ княземъ, но въ нѣкоторыхъ пересказахъ ему дается названіе царя (напр. К., I, 41)¹⁾. Точно такъ въ часто упоминаемомъ Черниговѣ править то князь, то воевода карскій, то наконецъ какой-то невѣрный царь Черниговецъ. По нѣсколькимъ пересказамъ былины о Хотенѣ, въ которой разсказывается исторія его женитьбы, Хотенъ родомъ бояринъ или дворянинъ изъ Владиміровой дружины, а нежста его — тоже боярышня или дворянка; по его пересказу Рыбн., I, стр. 315 и слѣд., отцы ихъ — садовникъ и огородникъ (а самъ Хотенъ смѣшанъ съ Дюкомъ Степановичемъ); это показываетъ, что пѣвецъ крестьянинъ перевелъ содержаніе пѣсни изъ древней обстановки въ современную, болѣе соотвѣтствующую его личному положенію и болѣе ему знакомую. То же отношеніе видимъ мы между былиною объ Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Эбродовичахъ (К., II, 67) и двумя ея пересказами (К., II, 64 и 66): по первой — дѣйствіе происходитъ на пиру у Владиміра, между тѣмъ какъ по послѣднимъ — происшествіе помѣщено въ поповскомъ домѣ. Такое перенесеніе сюжета изъ обстановки исторической въ современно-бытовую указываетъ на одинъ изъ фа-

¹⁾ Впрочемъ, названіе царя уже издревле усвоивалось некоторымъ князьямъ, см. напр. въ словѣ Даниила Заточника по ред. Пам. словесности XII в., стр. 231; ср. *Соловьева Ист. Росс.*, т. III, стр. 3.

зисовъ, въ который можетъ вступить былина при исключительно устномъ храненіи.

Есть однако такія измѣненія въ основномъ содержаніи былинъ, которыя произошли не подъ вліяніемъ времени, но зависятъ отъ личнаго творчества отдѣльныхъ пѣвцовъ. Такъ напр. исходъ быliny • женичьбѣ Алеши Поповича по разнымъ пересказамъ различенъ: большею частью Алеша и Добрыня расстаются мирно, но пересказъ въ П. и обр , 319, говоритъ, что они съѣзжались на смертный бой. Такое же различіе развязки видно въ разныхъ пересказахъ быliny о походе Чурилы Пленковича въ домъ Бермяты.

III.

РАЗСМОТРѢНІЕ БЫЛИНЪ, КАКЪ ПАМЯТНИКОВЪ НАРОДНАГО БЫТА И ПОНЯТІЙ.

Разсматривая содержаніе былинь Владимірова цикла въ отношеніи историческомъ, видимъ, что онѣ, несмотря на значительныя позднѣйшія наслоенія, представляютъ довольно полное изображеніе народнаго быта и народныхъ понятій Руси въ тотъ періодъ, когда онѣ сложились. Постараемся собрать эти историческія данныя и сблизить ихъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ того же времени. Такимъ образомъ мы увидимъ—на сколько представленія былинь близки къ эпохѣ ихъ сложенія, и окончательно утвердимъ право древности за этими произведеніями русскаго народнаго эпоса.

Какъ произведеніе народа Русскаго, былины противуполагаютъ Русь, Русскій народъ другимъ, иноплеменнымъ, и Русскую землю представляютъ главнымъ своимъ центромъ въ географическомъ отношеніи, главнымъ мѣстомъ своего дѣйствія.

Земля, обитаемая Русскимъ народомъ, носитъ названіе свѣторусской, свѣтлорусской, святорусской, святой Руси; народъ Русскій иначе называется крещенымъ, христіанскимъ, православнымъ, языкъ—человѣческимъ.

Прочіе народы и страны суть Литав хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское; земля Польская, королевство Ляховинское или Ляховецкое, Карела поганая или богатая; Чудь бѣлоглазая; земля или царство Латинское; земля Веденецкая, съ городомъ Леденцомъ, земля Греческая съ Царьградомъ; городъ Іерусалимъ; земля или царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живеть Сорочина долгополая; орды певѣрнныя, немирныя, дальныя, темныя, великія — Большая, Золотая, населенныя Татарами, улановьями, злыми, басурманами; Индѣя богатая; Агаряне. Всѣ эти названія съ разу понятны или по крайней мѣрѣ могутъ быть объяснены историческою географіею. Королевство Ляховинское или Ляховецкое есть очевидно Польша, земля Ляшская, Лядская древнихъ памятниковъ; подъ землею Латинскою, безъ сомнѣнія, разумѣтся европейскій западъ вообще, какъ страна, въ которой господствуетъ латинская вѣра; въ такомъ смыслѣ «Латины» употребляется вообще въ древней русской литературѣ. Земля Веденецкая, при которой названіе Леденца (К. Д., 1.) можно считать за позднѣйшее осмысленіе, напоминаетъ Венедицевъ, Венеціанъ въ Словѣ о Пльку Игоревѣ. Должно замѣтить, что изъ Веденецкой земли приѣзжаетъ по морю Соловей Будиміровичъ, знаменитый строитель, папоминающій тѣхъ западныхъ мастеровъ, которые съ XII вѣка приходили на Русь ¹⁾. Сорочина долгополая — конечно Сарацины; какъ народъ, — Арабы, Сарацины могли быть извѣстны на Руси съ древнѣйшаго времени по своимъ торговымъ сношеніямъ; названіе же Сорочинина встрѣчается подъ 1116 годомъ въ Кіевской лѣтописи ²⁾. Приданное Индіи прозвище

¹⁾ См. Исторію Русской церкви, еп. Макарія, т. III, стр. 67.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 128.

богатой подтверждаетъ тѣмъ извѣстіямъ о богатствѣ Индіи, которыя издревле были распространены въ Европѣ; для Руси это названіе то же объясняется древними торговыми сношеніями и соединеннымъ съ ними обменомъ извѣстій: положительно извѣстно, что въ XIV вѣкѣ товары русскіе были въ ходу въ сѣверной Индіи ¹⁾, но они могли заходить туда и гораздо ранѣе, такъ какъ уже отъ IX вѣка мы имѣемъ извѣстіе о пребываніи славянскихъ купцовъ по дорогѣ въ Индію, въ Багдадѣ ²⁾. Съ другой стороны слухи о богатствѣ Индіи находили себѣ издревле подтвержденіе и въ книжныхъ пованіяхъ: въ русской литературѣ въ XIV вѣкѣ, а вѣроятно и ранѣе того, существовалъ переводъ фантастическаго византійскаго «сказанія объ Индіи богатой» ³⁾. Названіе Агарянъ можетъ имѣть только книжное происхожденіе, но оно встрѣчается довольно часто въ древнихъ памятникахъ ⁴⁾.

Кромѣ этихъ понятныхъ географическихъ названій есть въ былинахъ и другія неясныя; таковы земля Гленская, улусы Загорскіе, Могозея, земля или орда Заоданская, земля Жидовская, царство Альберское. По словамъ «орда, улусы» можно однако предполагать, что не рѣдко подъ этими названіями разумѣются предѣлы восточные, погра-

¹⁾ Зап. Ак. Н. по Отд. Рус. яз. и Слов., т. II, вып. 2, стр. 226.

²⁾ См. ст. *Срезневскаго* «Слѣды древняго знакомства Русскихъ съ южною Азією», стр. 5.

³⁾ Древнѣйшій извѣстный списокъ его находился въ томъ же сборникѣ XIV—XV вѣка, въ которомъ было помѣщено и Слово о Патку Игоревѣ; см. Уч. Зап. Ак. Наукъ по Отд. Рус. яз. и Слов., т. IV, 90, 91.

⁴⁾ Напр. въ Пов. вр. л., П. С. Р. Л., т. I, 9.

ничные съ Азією или азіятскіе. Названія орды и Литвы употребляются въ смыслѣ общемъ, нарицательномъ:

Ты коей орды, ты коей земли?
(Р., I, 229),

или

Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы.

Собственно русскую мѣстность былины изображаютъ ровною¹⁾: это или лугъ, или степь, или далекое раздолье поле чистое, или наконецъ страна, покрытая темными, зелеными, дремучими лѣсами. Особенно знамениты лѣса Брынскіе. Русскую землю орошаютъ много рѣкъ—Днѣпръ или Нѣпра, знаменитый своими глубокими омутами (К. Д., 1), тихій Дунай, Донъ, Волга, Кама, Черега или Сорoga, Пучай или Почай рѣка свирѣпая, Смородина быстрая, широкая и глубокая. На Руси же предполагаются Израй-рѣка и Сафать-рѣка²⁾. Рѣки суть и главные пути сообщенія, но кромѣ того упоминаются и сухопутныя дороги, окольные и прямоѣзжія, какова напр. дорога изъ Мурoma въ Кіевъ черезъ Брынскіе лѣса и Черниговъ.

Быть населенія представляется осѣдлымъ; оно живетъ въ селахъ, каковы Карачарово, Рязань (пока не стала городомъ, К. Д., 345), и городахъ. Города имѣютъ свои прозвища: Кіевъ называется стольнымъ и славнымъ; иногда послѣднее названіе придается еще Чернигову и Мурому; Ростову и Волынцу Галичью усвоивается названіе красныхъ городовъ. Ростовъ считается богомольной стороной (Р., I., 177); это объясняется важнымъ церковнымъ значе-

¹⁾ По-видимому не въ предѣлахъ Руси предполагаются упоминаемыя въ былинахъ горы Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора Аванасьева Скагъ-гора.

²⁾ О названіи Сафатъ см. Учен. Зап. Акад. Наукъ по Отд. Рус. яз. и Слов., т. II, вып. 2, стр. 231 и 232.

ніемъ Ростова въ древности. Еще въ 992 году основанъ былъ въ Ростовѣ епископскій престолъ, возвышенный въ послѣдствіи до сана архіепископскаго и митрополичьяго. Въ X же вѣкѣ положено было основаніе соборному храму ростовскому Успенія Пресвятой Богородицы, за который сражались Ростовцы, какъ Новгородцы за святую Софію, и который въ началѣ XIII вѣка былъ великолѣпно перестроенъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ и потомъ постоянно украшаемъ святителями ростовскими. Въ X и XI вѣкахъ въ Ростовѣ подвизались просвѣтителі края преподобный Авраамій и св. епископы Леонтій и Исаія. Уже въ XII вѣкѣ были открыты ихъ чудотворныя мощи, а въ XIV вѣкѣ преподобный Сергій Радонежскій, потомокъ ростовскаго боярскаго рода, приходилъ на поклоненіе ростовскимъ чудотворцамъ ¹⁾.

Кромѣ городовъ и сель упоминаются еще пригороды и приселки, а также и отдѣльныя загородныя жилища, какъ напр. у Чурилы, который живетъ пониже малаго Кіевца, на Сорогѣ или Черегѣ рѣкѣ (К. Д., 159). Подобныя тому загородныя жилища упоминаются и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ: теремъ каменный у Ольги ²⁾, также дворъ Владиміровъ въ Берестовѣ ³⁾.

Въ Кіевѣ широкія улицы и мелкіе переулочки (К. Д., 61). Онъ обнесенъ необходимою на случай осады каменною стѣною, съ воротами, приборотенками и башнями наугольными; главныя ворота золотыя (Р., II, 354). По Повѣсти временныхъ лѣтъ знаемъ, что построеніе каменнаго города въ Кіевѣ, съ золотыми воротами, принадлежитъ

¹⁾ См. Древнія Святцы Ростова Великаго, соч. гр. М. Толстаго. М. 1860.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 23.

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, 34.

Ярославу Владиміровичу ¹⁾). Есть городова стѣна и въ Черниговѣ.

Общее названіе жилища, какъ и въ другихъ памятникахъ древности, — дворъ, дворъ княжій, княженецкій, дворы боярскій, дворъ Ставра (К. Д., 5, 124). Эти жилища состоятъ изъ двора собственно, называемаго широкимъ, и деревянныхъ или каменныхъ палатъ или хоромъ ²⁾). У палатъ крыльца красныя (К. Д., 65), сѣни перенныя (Р., I, 97), частоберчатыя, рѣшетчатыя (Р., I, 263); окна косячатыя, терема высокіе ³⁾). Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, съ воротами. На княженецкомъ дворѣ столбъ точеный съ золотымъ кольцомъ, чтобы привязывать коней (Р., I, 50). При домахъ сады зеленые, вишенья, орѣшенья. Названія покоевъ — горницы, свѣтлицы, спальни, ложни спальныя, повалуши ⁴⁾); въ княжескихъ палатахъ свѣтлая гридня, гридня столовая, мѣсто собранія княжеской дружины для думы и пировъ. И по Повѣсти временныхъ лѣтъ, пиры Владиміра происходятъ у него «на дворѣ въ гридницѣ» ⁵⁾). Общій видъ жилища извнѣ и внутри можно видѣть изъ слѣдующаго описанія жилища Чурилина:

Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужникѣ,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 65.

²⁾ Ср. *хоромы* въ Повѣсти врем. лѣтъ, напр. П. С. Р. Л., т. I, 61.

³⁾ Слова *скляи*, *тереме* въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, напр. П. С. Р. Л., т. I, 23, 35.

⁴⁾ Въ Пов. вр. л. соответственно спальнямъ упоминаются *одрины*, П. С. Р. Л., т. I, 23; *повалуши* упоминается въ одномъ поученіи, найденномъ въ сборникѣ XII вѣка, см. Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. X, стр. 550.

⁵⁾ См. выше, стр. 23.

Среди двора сѣтаны столгы,
Гридни бѣлудобовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица то валженая,
Поль середа одного серебра,
Крюки да пробой по булату алачены;
Перые у него ворота вахлячатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные.

(К. Д., 159 и 160, сравн. 124, К, II, 24 и проч.)

или еще изъ описанія «стариннаго двора», построенаго
Соловьемъ Будягиревичемъ:

Три терема златоверховаты,
Да трой сѣни косячатыя,
Да трой сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяць, въ теремѣ мѣсяць.
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, и въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.

(К. Д., ср. 6, Р., I, 263, 306).

Участіе поэтической фантазіи въ этихъ описаніяхъ очевидно, но и при томъ изъ нихъ можно составить нѣкоторое понятіе о характерѣ древнихъ построекъ. Въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ тоже упоминаются златоверхіе терема у великаго князя Святослава ¹⁾).

Въ хоромахъ — печи глиняныя и муравленныя (К. Д., 27), столы бѣлудобовы, стулья ременчаты, сѣмьи; лавки брусовыя (Р., I, 50) или бесѣды, подки, вѣшалки, кованы сундуки, кровати тѣсовыя, или изъ слоновой кости (К. Д., 9),

¹⁾ Рус. Достоп., т. III, стр. 120.

съ пуховыми перинами и одѣлами сободными. Эти предметы известны и изъ древнихъ памятниковъ ¹⁾. Въ углу палаты образъ Спаса съ Богородицей. При княжескомъ дворѣ дворъ конюшенный (Р., I, 116), бани (какъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, въ разсказѣ объ Ольгиной мести Древлѣнамъ) ²⁾, подвалы (К. Д., 162) или погреба глубокіе, холодныя, служащія темницами и кладовыми. Что таково было двойное назначеніе погребовъ и въ древности — видно изъ разныхъ памятниковъ, напр. изъ сказаній о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ и лѣтописей ³⁾. Дюкъ Степановичъ о своихъ медовыхъ и винныхъ погребахъ разсказываетъ слѣдующими словами:

А меду сладкіе, водочки стоялыя
Повѣшены въ бочки сороковки
Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебряны,
Туда подведены вѣтры буйныя:
Какъ повѣютъ вѣтры буйныя,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Такъ загогочуть бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихихъ на заводяхъ;
Такъ вѣкъ не затхнутъ напѣточки сладкіе,
Чару пьешь, другую пять душа горитъ,
Другу пьешь, туетья съ ума нейдетъ.

(Р., I, 282).

¹⁾ Напр. *Псалтыря Бесѣда* въ Пов. вр. л., П. С. Р. Л., т. I, 23, *кровати тишовыя* въ Слово о Пяку Игоревѣ, Р. Дост., т. III, 120, *перина* въ поученіи XII вѣка, Изв. II Отд., т. X, ст. 548, *соболыныя одѣла* въ Слово Даниила Заточника, Изв. II Отд., т. X, 267. Стулу соотвѣтствуетъ *столецъ*, упоминаемый въ Ипат. л., П. С. Р. Л., т. II, 72.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 24.

³⁾ См. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Археологич. общ., ст. 30, 31; также П. С. Р. Л., т. I, 150.

Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ ¹⁾ тоже упоминается медовый погребъ, «медуша», на княжескомъ дворѣ въ Владимірѣ; въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1146 годомъ, говорится слѣдующее о дворѣ, который князь Игорь Ольговичъ устроилъ въ своемъ «сельцѣ»: «бѣ же ту готовляни много въ бретьянцахъ и въ погребѣхъ вина и медова, и что тяжкого товара всякого до желѣза и до мѣди, (его но-бѣдители) не тягли бяху отъ множества всего того выезити» ²⁾.

Общее названіе *мищи*—яства сахарныя; изъ числа ихъ упоминаются щи, каша (Р., I, 258), лебедь бѣлая, утка сѣрая, гусь, пироги, хлѣбъ, иногда въ видѣ ковригъ монашескихъ (напр. К. Д., 190).

Въ числѣ питій, вообще называемыхъ хмѣльными, упомянуты меды сладкіе, стоялые, брага прѣсная (К. Д., 190), пиво пьяное, квасъ, зелено вино; употребляется вино, разведенное медомъ (Р., I, 148) для изготовленія и хранения яствъ и питій употребляются слѣдующіе *сосуды* серебряные, золотые, деревянные: блюда, мисы, чары, стопы, кубки, рюмы (Р., II, 42), чаши, ковши, братины, турьи рога, котлы, горшки, ведра, бочки, чаны.

Почти всѣ эти роды пищи, питій и столовой утвари извѣстны намъ изъ нашей древней литературы; такъ напр. упоминаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ находимъ въ одномъ русскомъ поученіи XII вѣка, заключающемъ въ себѣ слѣдующее описаніе роскошной обстановки богатыхъ пировъ: «на обѣдѣ же слоумьба бѣ многа. *сосуды златомъ скованы. и сребромъ*, брашно много и различно. тетеря. *гоуси*. жеравие. *рѣбі*. *голоуби*. *коури*. *замаци*. *телени*. *вепреве*. *ди-*

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 55.

²⁾ П. С. Р. Л., т. II, 26. Ср. тамъ же, стр. 27 о медовыхъ на Путявльскомъ дворѣ Святослава Ольговича.

чина. чамары. гуртыва. печени. крѣпаннѣа. шемьлянѣа. пирове. пѣтъянѣа. множество сакачѣа. работающе и дѣлающе съ потѣмь. и мнози текоуще. и на пѣрстѣхъ *блюда* носяще. ини же махающе съ боязнию. *чаши сребрѣныя великѣа позлащенѣа. коубѣци и котѣли.* питіе же многоіе. *медь и кѣлсѣ. вино.* медь чистѣа. пѣшѣранѣа» ¹⁾. Бочки и ведра упоминаются въ Повѣсти временныхъ лѣтъ ²⁾, братины напоминаютъ медовыя бретьяницы князя Игоря (см. выше), а образецъ серебряныхъ позолоченыхъ чаръ XII вѣка даже сохранился до нашего времени ³⁾.

Одежда извѣстна въ былинахъ какъ подъ этимъ названіемъ, такъ и подъ древнимъ названіемъ портовъ. Кромѣ общей одежды упоминается особое платье богатырское, подъ которымъ повидимому должно разумѣть одежду воинскую, и дорожное платье каликъ переходящихъ. Изъ числа разнаго рода одежды упоминаются рубахи или сорочки, штаны, однорядки (Р., I, 268), кафтаны, шубы различныхъ мѣховъ, епанчи, сарафаны, сояны, манаты. Употребленіе этихъ частей одежды восходитъ къ древнѣйшему времени; о кафтанахъ и исподнемъ платьѣ упоминаетъ уже Ибнъ-Фоцланъ въ первой половинѣ X вѣка ⁴⁾, сорочки извѣстны по описанію одежды Святослава Игоревича у Льва Діакона ⁵⁾ и изъ рисунковъ въ Святославовомъ сборникѣ 1073 года, гдѣ изображены также и кафтаны, и древній корзѣна, соотвѣтствующія епанчамъ въ былинахъ ⁶⁾.

¹⁾ Изв. И Отд. Акад. Наукъ, т. X, ст. 548.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 54, 55.

³⁾ Зап. Археол. Общ. по Слав. Отд., т. III, 151 и слѣд.

⁴⁾ *Frühn.* Ibn Foslan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, стр. 15.

⁵⁾ Исторія Льва Діакона, стр. 97.

⁶⁾ См. *Висковатова*, Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ, стр. 7 и 8. Объ одеждѣ каликъ см. статью *Срезневскаго*: Русскіе калики древняго времени, въ Уч. Зап. Акад. Наукъ, 1862, т. I, кн. 2.

Отдѣлка одежды въ былинахъ не рѣдко великолѣпная такъ напр. у Чурилы и Дюга одежда драгоцѣнная:

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,

Другая строчена краснымъ золотомъ.

(Р., I, 290).

Употребленіе золотого и серебрянаго шитья въ древности тоже засвидѣтельствовано вышеупомянутыми изображеніями Святославова сборника и подтверждается Лаврентьевскою и Ипатьевскою лѣтописью ¹⁾.

Головные уборы, упоминаемые въ былинахъ, суть шляпы земли Греческой, употребляемыя преимущественно калитами, и шапки, какъ напр. шапка пушистая и завѣсистая у паленицы удалой, бьющейся съ Муромцемъ (Р., I, 66). Такого рода шапки тоже изображены на картинѣ Святославова сборника, а равно и на картинѣ Сильвестровскаго сборника XIV вѣка, представляющей Владиміра и Бориса ²⁾.

Способъ носить верхнюю одежду указанъ слѣдующими словами: Владиміръ

Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,

Шаночку соболью на одно ушко.

(Р., I, 60).

Эту привычку народную подмѣтилъ еще Ибнъ-Фозланъ въ X вѣкѣ ³⁾.

Изъ обуви былины указываютъ на чулки, башмаки, лапотки, чеботы и сапоги, обыкновенно изъ зеленого сафьяна. Лапти и сапоги извѣстны также по Повѣсти времен-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 118, II, 427.

²⁾ См. копію съ этой картины въ вышеупомянутомъ изданіи Сказаній о Борисѣ и Габѣ, заимствованныхъ изъ этого сборника.

³⁾ Frähn Ibn-Fozlan в т. д., стр. 5.

ныхъ лѣтъ ¹⁾. Кромѣ того саюги, и именно зеленого цвѣта, видимъ на картинѣ Святославова сборника. Наконецъ въ былинахъ упоминаются пояса, сумки, подсумки (у каликъ); на рукахъ у женщинъ злечены нерстни.

Для ѣзды служатъ сани и телѣги ордынскія. Сани, извѣстныя вообще по памятникамъ древности, употребляются по тогташнему обычаю и для того, чтобы возить мертвыхъ (К. Д., 222) ²⁾. Телѣги ордынскія служатъ и для того, чтобы возить дани князя въ орду. Разсказъ Ипатьевской лѣтописи о нашествіи Татаръ на Кіевъ упоминаетъ уже о телѣгахъ въ обозахъ татарскихъ ³⁾.

Естественно, что при осѣдлости быта былины выставляютъ земледѣліе главнымъ занятіемъ массы народной; но такъ какъ простой классъ, составляющій эту массу, рѣдко упоминается въ былинахъ, то и о земледѣліи очень мало рѣчи. Торговля и военный промыселъ занимаютъ прочіе классы народа: Ниже мы скажемъ объ этомъ подробно.

Рядомъ съ занятіями изображаются и увеселенія народные. Изъ числа ихъ былины упоминаютъ о пирахъ, составленіяхъ, пѣніи и музыкѣ, охотѣ и игрѣ въ шахматы.

Піры описываются преимущественно княжескіе:

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра
Было пированье, почестной пирь,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые..

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 36.

²⁾ См. текстъ и древніе рисунки къ сказаніямъ о Борисѣ и Глебѣ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. II, 477.

Будеть дець въ половинѣ дня,
Будеть ширъ во полу ширѣ, —
Князь и бояра пьють, ѣдятъ, потѣщаются,
И великимъ княземъ похваляются.

(К. Д., 123).

Выше были уже приведены слова лѣтописей о пирахъ Владиміра Святославича и слова митрополита Никифора о пирахъ Мономаха. Въ лѣтописяхъ же есть упоминанія и о пирахъ многихъ другихъ князей съ дружиной, а иногда и всѣми горожанами ¹⁾. На пирахъ князя присутствуютъ и женщины; упоминаются даже особые пиры у женщинъ и для женщинъ: у Марины (К. Д., 64), у Василисы Микулишны (Р., II, 94). Упоминается о складчинѣ всѣхъ гостей для пира княжескаго (К. Д., 163). Тоже, кажется, должно разумѣть и въ слѣдующихъ словахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: когда, въ 1072 году Ярославичи собрались въ Кіевъ для перенесенія мощей Бориса и Глѣба, то къ день этого торжества, по совершеніи его, «обѣдаша братья на скупъ, каждо съ бояры своими, съ любовью великою» ²⁾.

Былины указываютъ на различные поводы къ княжескимъ пирамъ: то новый подвигъ, совершенный кѣмънибудь изъ богатырей дружинниковъ (К. Д., 351), то чьянибудь свадьба (К. Д., 12), то пріѣздъ новаго дружинника (К. Д., 12).

На пирахъ княжескихъ нерѣдко происходятъ состязанія между дружинниками въ бѣрьбѣ, въ стрѣльбѣ въ щѣль, въ конскомъ ристаніи; такъ состязались своими конями Дюкъ Степановичъ и Чурила Пленковичъ (Р., I и II). О подобныхъ же забавахъ упоминаетъ и Ипатьевская лѣтопись подъ 1150 годомъ: утвердившись въ Кіевѣ послѣ побѣды

¹⁾ См. *Погодина, Исследования*, т. VII, 458 и слѣд.

²⁾ П. С. Р. Д., т. I, 78.

надъ Георгіємъ Долгорукимъ, «Изяславъ же оуъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры (его союзники) позва съ собою на обѣдъ, и Кіянн, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество»¹⁾).

О пѣніи и музыкѣ на пирахъ было уже отчасти говорено выше, и при томъ слова былины были сблизены съ показаніями другихъ памятниковъ (стр. 32 и слѣд.); обычное мѣсто скомороховъ во время пира на печкѣ, на запечкѣ (Р., I, 156). За искусную игру князь награждаетъ скомороха тѣмъ, что пересаживаетъ его на болѣе почетное мѣсто, кормить и поить и даетъ золоту казну. Въ числѣ скоморошескихъ пѣсень былины упоминають величанія князю и княгинѣ: это напоминаетъ «пѣснь славнѣ», пѣтую князьямъ галицкимъ Даниилу и Василю за ихъ побѣду надъ Ятвягами въ 1251 году²⁾ и «похвалу велику», которую дали Андрею Боголюбскому дружинники его отца послѣ войны 1149 года³⁾).

Кромѣ пировъ, немаловажною потѣхою какъ князей, такъ и другихъ лицъ служить охота: такъ на охотѣ встрѣчали Владиміра калики переходіе:

Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
Сверхъ тое рѣки Черети.
На его потѣшннхъ на островахъ,
У великаго князя Владиміра,
А и вышли они изъ раменья,
Встрѣчу имъ то Владиміръ князь,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. II, 56.

²⁾ П. С. Р. Л., т. II, 187.

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, 140.

Вздытъ онъ ва охотоу,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ утокъ,
Лисецъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ....

(К. Д., 227, 228).

Въ параллель съ этимъ описаніемъ Поученіе Мономаха и лѣтописи довольно подробно повѣствуютъ объ охотничьихъ походахъ нашихъ князей и ихъ страсти къ этой потѣхѣ. У Владиміра, по былинамъ, были свои займища (К. Д., 156), вѣроятно заповѣдныя, подобныя довищамъ Ольги и тому лѣсу, въ которомъ Олегъ Святославичъ повстрѣчалъ Люта, сына Свѣнельдова ¹⁾. Дружинники въ былинахъ охотятся то по своей волѣ, то по приказу князя, который велитъ имъ настрѣлять птицъ для его княжескаго стола (К. Д., 206).

Игра въ шахматы вальщаты довольно употребительна; дружинники играютъ въ нее преимущественно съ невѣрными царями, къ которымъ ихъ посылаетъ князь (К., II, 124).

Общее понятіе о семейной жизни въ былинахъ выражается словами: семью сводить, дѣтей наживать. (Р., I, 333). Семья состоитъ изъ мужа, жены и дѣтей; иногда при супругахъ живетъ кто нибудь изъ родни, такъ напр. при Владимірѣ его племянница Завава. Любопытно названіе племянницы ближею (Р., I, 260), вполне соответствующее названіямъ родственниковъ «ближній, ближигъ» въ древнихъ памятникахъ ²⁾. При женатомъ сынѣ живетъ его вдовая мать. Родители для дѣтей — государь батюшка (Р.,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 25 и 34; ср. Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 5. Исследование *Бьялеса* о Несторовой лѣтописи, стр. 32, 33.

²⁾ См. Изв. Акад. Наукъ по II Отд., т. III, ст. 283.

I, 57), свѣтъ государыня матушка (К., II, 21): По родителямъ почеть ихъ дѣтямъ: нѣстому при встрѣчѣ съ незнакомцемъ, должно спросить у него отчину, родину, дѣдину (Р., I, 188).. Дѣти относятся къ родителямъ съ глубокимъ уваженіемъ: сынъ, отбывая изъ дому, проситъ родительскаго благословія; старшее позволеніе въ отношеніи къ младшему всегда сохраняетъ свое право быть наставникомъ: мать руководитъ своимъ сыномъ даже и въросшимъ; мать Добрыни блюдетъ за его нравственностью и не велитъ даже ходить въ ту улицу, гдѣ живетъ развратница Марина (К., II, 44); мать Соловья Будиміровича не позволяетъ ему жениться, пока онъ не расторгнется (К. Д., 6). Владиміръ слѣдующими словами отвѣчаетъ на желаніе Ермака ѣхать противъ враговъ:

«Любимый мой племянчикъ,
«Младый ты Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты малешенекъ-глупешенекъ,
«Отъ роду тебѣ вѣку двѣнадцатъ лѣтъ,
«Устрашишься ты, ужаснешься
«Силы войска татарскаго;
«Не дамъ тебѣ прощеньца-благословеньца
«Изъ города Кіева повывхать».

(Р., I, 116).

Родители вступаются за честь своихъ дѣтей; такъ оскорбленію этой чести служить предлогомъ ссоры вдовы Блудовой и вдовы Чесовой.

Браки совершаются или по непосредственному соглашенію сочетающихся, или посредствомъ сватовства жениха у родителей невесты. Примѣромъ перваго можетъ быть женитьба Михайла Потока на Марьѣ Лебеди Бѣлой, Добрыни на Настасьѣ Никулицѣ, Дуная на Настасьѣ Королевицѣ. Примѣромъ втораго служить сватовство гроз-

наго после Василия за Звану: Василий обращается съ просьбой къ ее отцу (по инымъ пересказамъ — въ дядѣ) Владиміру, и отецъ, прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, думаетъ о томъ съ самой Званой (Р., I, 247). Такъ и по Повѣсти временныхъ лѣтъ, когда Владиміръ сватается за Рогнеду у ее отца, Рогволодъ отдаетъ дочери на рѣшению — выходить ли ей за мужа за этого князя ¹⁾). Въ былинахъ Званя выражаетъ свое согласіе слѣдующими словами:

«Родитель ты мой, дядишка!

«А воля твоя то есть!»

(Р., II, 96, 97).

Иногда предложеніе дѣлается женихомъ не лично, но черезъ сватовъ; такъ князь посылаетъ Дуная своимъ сватомъ за Афросинью Королевницу. Точно такъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, Владиміръ посылаетъ отроковъ своими сватами за Рогнеду ²⁾). По былинамъ, Владиміръ самъ берется быть сватомъ Алещи передъ Настасьей Никудишной (Р., I, 132). Употребляется названіе свата ³⁾, свахи, тысяцкаго и дружки (Р., I, 130, К., II, 8). Невѣста послѣ сватовства дѣлаетъ подарки свату, свахѣ и жениху (К., II, 15). Упоминается и обручный перстень (напр. Р., I, 169), и приданое въ смыслѣ имущества, передаваемого отцемъ невѣсты жениху вмѣстѣ съ нею (II и обр., 315); но древнее слово вѣно, имѣющее и это значеніе, и значеніе выкупа, не употребляется. Женихъ называется княземъ (Р., I, 167), невѣста — княжною порученою (Р., I, 168), молодая — княгинею.

Женитьба всегда предполагается въ молодые годы (К., I,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 32.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 32.

³⁾ Это слово см. въ Ипат. лѣт., напр. подъ 1187 г., П. С. Р. т. II, 136, въ Словѣ о цѣлю Игоревѣ и проч.

21), согласно древнему обычаю, который видѣнъ въ раннихъ браковъ нашихъ князей ¹⁾.

Мужъ и жена называютъ другъ друга семья, семейшка (Р., I, 134, 244). Кроме того жена даетъ мужу такіа названія:

Мила ты моя ладушка ²⁾,
Крышкан сдержавушка, стѣна городовая!

(Р., I, 145).

Общее понятіе о женѣ выражается въ слѣдующихъ словахъ Дуная, который проситъ за князя Опраксу Королевичну:

Она ростомъ высока,
Станомъ ода становитая,
И лицомъ она красовитая,
Пюходка у ней часта и рѣчь баска,
Будеть тебѣ князю, съ нами жить до старости,
Дума думати, долгиѣ вѣки коротати,
И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
Всѣмъ могучимъ богатырямъ
И всему красному городу Киеву.

(Р., I, 179).

Отношенія мужа къ женѣ, власть надъ нею — чисто нравственная: отъѣзжая въ долгій путь, Добрыня поручаетъ Настасью своей матери (П. и обр., 87) или же самъ даетъ такой наказъ:

Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ;
А если бо не дождешься въ шесть лѣтъ,
То жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
Коди пройдесть шесть лѣтъ,

¹⁾ См. *Плюдина*, Исслѣд., т. VII, 455.

²⁾ Слово *лада* встречается и въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, см. Р. Д., т. III, 318.

Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названого,
За молода Алешу Поповича.

(К. Д., 197).

Мужъ, оскорбленный женою, казнить ее смертью. Вообще, смыслъ этихъ супружескихъ отношеній напоминаетъ слова Мономаха въ его Поученіи дѣтямъ: «жену же свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти»¹⁾, или одну изъ притчъ, приводимыхъ Даниломъ Заточеникомъ: «не мѣжь въ мужехъ, коимъ своя жена обладаетъ»²⁾.

Общее понятіе о женитьбѣ былины выражаютъ такъ:

Всякъ то на семь свѣтъ женится,
А не всякому женитьба издавается.

(Р., II, 20).

Нравственное различіе въ отношеніяхъ мужа къ женѣ и къ родственникамъ выражается тѣмъ, что на ниру

Умный-разумный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

(Р., II, 93).

Отношенія Владиміра къ Запавѣ, а также отношенія Дюка и Добрыни къ ихъ матерямъ указываютъ на самостоятельное положеніе женскихъ лицъ въ семьѣ. Это видно и изъ того, что жена представляется какъ полная хозяйка въ домѣ. Такъ княгиня Опраксія, наравнѣ съ Владиміромъ, принимаетъ гостей на пирахъ, подчуетъ ихъ (Р., I, 144), содержитъ особую дружину (К. Д., 138): такъ и по сагѣ Олафа Тригвасона, у жены Владиміра были свои придворные стражи, которыхъ она содержала на свой счетъ, со-

¹⁾ П. С. Р. Д., т. I, 102.

²⁾ Изв. II Отд. Ак. Н., т. X, 270.

перничалъ съ мужемъ въ нѣвъ колѣстѣхъ ¹⁾; по рассказу Константина Порфиророднаго, почетная стража сопровождала Ольгу въ Царьградъ ²⁾. У холостяго богатыря, назовемъ Дюкѣ Степановичъ, мать держитъ все домашнее хозяйство, такъ и Ольга, по смерти Игоря и даже послѣ Святославова совершеннолѣтія, не будучи самозванною княгиней, имѣла власть правительницы. Въ былинахъ даже у женатаго Добрыни домашнее хозяйство на рукахъ старой матери, а не молодой жены. Жены дружинниковъ вмѣстѣ съ мужьями бывають на княжескихъ пирахъ и сами устраивають пиры, на которыхъ собираются, однѣ женщины.

Высшая власть государственная имѣетъ своего представителя въ лицѣ великаго князя. Былины знаютъ одного великаго князя столично — кievскаго — Владиміра (иногда Всеславича), котораго называютъ сударемъ, государемъ, батюшкой, ласковымъ, краснымъ соднышкомъ. Ему подчинены князья подколѣнные (Р., I, 58, 109), дружина и весь остальной народъ. Значеніе князей подколѣнныхъ, а также дань или другой какой нибудь образъ подчиненія не указаны; упоминается только дань князю отъ народовъ иноплеменныхъ; князь посылаетъ своихъ дружинниковъ чтобы выхаживать ее, т. е. собирать; такъ Илья беретъ дань съ Литвы (Р., I, 73) и съ Золотой Орды (тамъ же, 228), Добрыня со Шведовъ (тамъ же). Подобно тому и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1071 годомъ, видно, что воевода Янь, сынъ Вышатины, собиралъ дань на князя въ Бѣлозерскомъ краѣ ³⁾. Самое названіе даней въ былинахъ

¹⁾ Antiquités Russes, t. I, 279.

²⁾ Изв. Визант. истр. собр. Стримицкому, т. III, 83.

³⁾ П. С.: Р. Л., т. I, 85.

данныи — *сысходы* и собирали ихъ *сысходомыслиемъ*. новозначеніе употребленіе словъ *сысходъ* и *пошлины* грамотами и летописями въ томъ же смыслѣ ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ былинкахъ упоминается о томъ, что самъ великій князь долженъ платить дань въ Орду; такъ напр., по его порученію, Василій Казиміровичъ и Добрыня Никитичъ отвезли къ Батю

дань пошлины,
Всѣ выходы княженецкіе.

(Н. и обр., 118).

Князь — домосѣдъ; самъ онъ не ходитъ на войну, но посылаетъ своихъ богатырей дружинниковъ съ княженецкую ратью (напр. Н. и обр., 257). Изображеніе князя домосѣдомъ, непринимающимъ личнаго участія въ войнахъ, можетъ показаться противурѣчіемъ историческимъ показаніямъ; но должно замѣтить, что былины вообще умаляютъ о междоусобіяхъ между князьями, а по летописямъ, именно удѣльные распри и были главными причинами княжескихъ перевѣдовъ и войнъ.

Князь совѣщается, думаетъ со своей дружиною:

Какъ во славномъ было городѣ Києвъ,
У ласкова князя Владиміра
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
Собиралися думушку думать.

(Н. и обр., 145).

¹⁾ Примеры изъ летописей см. у Попова, Исслед., т. VII, 24, 25. Слово *сысходъ* въ значеніи дань встрѣчается и въ грамотахъ, напр. догов. гр. в. кн. Дмитр. Из. съ в. к. Тверскимъ Михаиломъ Ярослав. 1375 г.: «ни выходовъ не дадохъ себѣ на Тверь Кашину тинути»; см. еще догов. гр. в. кн. Василія Дн. съ в. кн. Владиміромъ Андр. 1389 г.

Тоже свидѣтельствуютъ и лѣтописи. По былинамъ, на такихъ думяхъ рѣшаются походы, женитьба князя (К., III, 70), отдача за мужъ княжеской племянницы (Р., II, 97). Передъ дружиной князь принимаетъ иноплемениныхъ пословъ, и ей передаетъ яранки, ими привезенные (К., IV, 40). Когда князь обращается къ дружинѣ съ рѣчью, то

Всѣ другъ за друга хоронятся:
Большой князь хоронится за средняго,
А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣта нѣтъ.

(К., III, 53).

Поэтому дружина вообще съ опаскою противорѣчить князю; иногда однако дружинники обращаются къ нему съ очень рѣзкими словами и даже сгоряча называютъ его дурнемъ (напр. Р., I, 52). Если въ свою очередь дружинникъ провинится передъ княземъ, послѣдній приказываетъ его казнить: Илью сажаютъ въ котребъ глубокий (П. и обр., 83), Мипатычку Путитина бросаютъ въ котель смолы (П. и обр., 86). Вообще князь — судья своей дружины. Тѣмъ не менѣе князь дорожитъ своей дружиной, и конечно она дала ему прозванье ласковаго. Съ нею дѣлитъ князь свои увеселенія: угощаетъ ее постоянными пирами въ своей гридницѣ столовой, съ нею охотится, любителю состязаніями дружинниковъ въ берьбѣ, конскомъ ристаніи и проч.

Князь изъ равныхъ мѣсть, отовсюду набираетъ себѣ дружину: въ дружинѣ Владиміра есть и Муромецъ, и Ростовецъ, и Рязанецъ, и Галичанинъ, и наконецъ иностранцы. Такъ и по свидѣтельству Повѣсти временныхъ лѣтъ, отовсюду собирали дружину Святославъ Игоревичъ и Владиміръ Святославичъ¹⁾; въ дружинѣ послѣдняго и дружинѣ Ярославъ были Варяги, въ дружинахъ князей позднѣйшихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 27, 33, 34.

Половци, Лахи, Торки ¹⁾). Въ сагѣ объ Олафѣ Триггвассонѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что если къ Владиміру явится новый пришелецъ, то и онъ, и княгиня старались привлечь его въ свою дружину ²⁾; по быдинамъ, когда новый князь приходитъ къ князю—обыкновенно во время пира—князь встрѣчаетъ его ласковою рѣчью:

Гой еси удача, добрый молодець?
Отколь прѣехалъ, отколь тебѣ Богъ придесть?
Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По отчеству можно пожаловати.

(К. Д., 205).

Узнавши имя, отчество и происхожденіе новопріѣзжаго, князь говоритъ:

По отчеству садись въ большее мѣсто, въ передній
уголокъ,
Въ другое мѣсто богатырское
Въ дубову скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто, куда самъ захошь....

(К. Д., 187).

Князь самъ зоветъ къ себѣ на службу Чурилу Пленковича:

Гой еси, Чурила Пленковичъ!
Не подобаеъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаеъ тебѣ, Чуридѣ, въ Кіевѣ жить,
Князю служить.

(К. Д., 163).

Князь заманиваетъ къ себѣ дружинниковъ подарками:
На прѣздѣ васъ жалую по добру коню,
По добру коню, по латынскому, по богатырскому.
(П. и обр., 118).

¹⁾ См. *Поюдима*, Исследования, т. VII, 124 и 125.

²⁾ *Antiquités Russes*, t. I, 279.

Такиѣ подарки князя не прекращаются и во время службы:

Стану и вась дарити, жаловать,
Кого буду дарить чистымъ серебромъ,
Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ?

(П. и обр., 306).

Эти подарки служатъ посуломъ или наградою за подви-
ги дружины: Владиміръ, посылая Дуная сватомъ къ Опрак-
си, говорить ему:

Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Бери-тко ты, Дунай, да что тѣ надобно,
Города тѣ нать-ли съ пригородами,
Или села ли тѣ нать да съ приселками,
Али многа тобѣ надоть золота казма.

(П. и обр., 374).

Такъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ говорится подъ 980
годомъ, что Владиміръ роздалъ города Варягамъ, пришед-
шимъ въ его дружину ¹⁾, а подъ 1036 лѣтописецъ замѣ-
чаетъ, что Мстиславъ Владиміровичъ «любяше дружину
повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденя не бра-
няше» ²⁾. Такія показанія нерѣдко встрѣчаемъ и о дру-
гихъ князьяхъ.

Богатый и ласковый князь славится своимъ счастьемъ
(Р., I, 120). Добрая молва о немъ и въ чужой землѣ:
когда кievскій князь присылаетъ Дуная къ королю Ляхо-
винскому сватомъ за его дочь, король говоритъ:

«За Владиміра можно дѣвка отдавать,
«Хорошій женихъ—во славі, во почести».

(К., III, 55).

Изъ словъ Мономаха мы видѣли, что хорошій князь
долженъ дорожить своей извѣстностью.

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 34.

²⁾ П. О. Р. Л. т. I, 65.

Вообще былины съ сочувствіемъ изображаютъ князя, но тѣмъ не менѣе вполнѣ обнаруживаютъ его дурныя свойства: онъ пугается появленія враговъ подъ Кіевомъ (К. Д., 50), за веселой чашей не слушаетъ челобитья своихъ людей (К. Д., 157), зарится на чужую жену и хочетъ отнять ее у мужа по праву сильнаго (П. и обр., 83). Указанія на эти княжескіе пороки не рѣдко встрѣчаются и въ лѣтописяхъ; такъ напр. въ 1135 году, послѣ побѣды Суздальцевъ и Ростовцевъ надъ Новгородцами на Ждановой горѣ, послѣдніе возвратились въ свой городъ и князь ихъ Всеволодъ Мстиславичъ «умысли бѣжати въ Нѣмцы». Но Новгородцы задержали его, посадили подъ стражу, «а се вины его творяху: почто не блюде черныхъ людей, почто восхотѣ сѣсти въ Переславлѣ, почто восхотѣ ити на Суздальцы и Ростовцы, и пошедъ, почто не крѣпко бися, и почто напередъ всѣхъ побежалъ, и почто возлюбилъ играти и утешатися, а людей не управляше, и почто ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше, и не управляше,» и проч. ¹⁾. Эти обвиненія противъ Всеволода тѣмъ особенно замѣчательны, что въ нихъ выражаются чисто народныя требованія отъ князя. Но самымъ большимъ порокомъ князя былины считаютъ то, что онъ пренебрегаетъ укоромъ правдиваго дружинника и напротивъ того слушаетъ клевету и навѣты боярскіе, жертвою которыхъ выступаютъ лучшіе изъ приближенныхъ князя (П. и обр., 82, 306, К. Д., 124 и проч.) Эта слабость къ наушничеству издревле служила предметомъ обвиненій для князей. Такъ на примѣръ митрополитъ Никифоръ укорялъ ея Мономаха: «мнить же

¹⁾ Никоновская лѣтопись, П. С. Р. Л., т. IX, 159. Сравн. П. С. Р. Л., т. III, Новгородская первая лѣтопись, стр. 7.

ми ся, яко не мога самъ вся творити шчима своимъ шт слушающихъ шроудиѣмъ твоимъ и приносящимъ ти въсно-минаніа, тѣ шт тѣхъ нѣвако приходитъ ти пакѣсть доушев-ная, и штверстоу соушоу слоухоу, тѣмъ единѣмъ стрѣла входитъ ти: тогѣ ради Солшмонъ повелѣваетъ намъ глаго-ля: блюдѣте, да не смерть внидетъ шконци вашими » ¹⁾). Подобно тому и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подѣ 1093 годомъ, говорится, что Всеволодъ Ярославичъ « нача люби-ти смыслъ уныхъ, съвѣтъ створа съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своя первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша ти уни грабити, люди продавати, сему не вѣдушоу въ болѣзняхъ своихъ » ²⁾). На-конецъ на наушничество князю указываютъ и слѣдующія слова Данила Заточеника, представляющія общую харак-теристику князя и его приближенныхъ: « князь не самъ впадаетъ въ вещь (злоую), но доумцы вводятъ. Съ добрымъ бо доумцею доумая князь высокого стола додоумаетъ, а съ лихими доумцами доумаетъ. и малаго лишень будетъ » ³⁾).

Лица, ближайшія къ князю и составляющія его дружину наборную, хоробрую, суть князья и бояре, богатыри и по-ляницы; князья и бояре иногда получаютъ общее названіе князей-бояръ (К. Д., 54, К., III, 28), которое встрѣчается еще въ договорахъ съ Греками; впрочемъ въ былинахъ всѣ эти названія употребляются смѣшанно; видно только, что подѣ ними разумѣются люди одного слоя общества, пре-имущественно военные; по лѣтописямъ, эти члены княже-ской дружины называются также *боярами* или въ болѣе об-щемъ смыслѣ *мужами*. Того различія, которое замѣчается

¹⁾ Р. Д., т. I, стр. 71 и 72.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 93.

³⁾ Изв. II Отд. Ак. Н., т. X, 270.

въ лѣтописяхъ между дружиною старшею и младшею, въ былинахъ не видно; тѣмъ не менѣе при нѣкоторыхъ дружинникахъ, очевидно принадлежавшихъ къ разряду старшихъ, упоминаются товарищи младшіе; такъ напр. при Дунаѣ Василій паробокъ Заморскій; вотъ какъ былина опредѣляетъ его обязанности:

Ему Васильюшкѣ коней сѣдлатъ,
Ему Васильюшкѣ разсѣдлыиать,
Плети подавать, плети принимать.

(Р., I, 188).

Названіе паробка и по своему значенію можетъ быть сближено съ названіями *отрока* и *дѣтскаго*, которыми называются младшіе дружинники въ древнихъ памятникахъ. Упомянутія послѣднихъ объ отрокахъ указываютъ, что они составляли ближайшую прислугу княжескую; таковы же обязанности и Василія паробка только не въ отношеніи къ князю, а къ его послу, дружиннику богатырю ¹⁾.

¹⁾ Въ некоторыхъ пересказахъ былины о Дюкѣ Степановичѣ онъ называется боярскимъ или княжескимъ сыномъ (Р., I, 283 II, 137); въ одной былинѣ у Кур. IV, 8, упоминается Грѣшка боярскій сынъ. Названіе *дѣтей боярскихъ* входитъ въ употребленіе въ XIV вѣкѣ (Соловьева Исторія Россіи, т. IV, 219), означая одинъ изъ младшихъ отдѣловъ княжеской дружины и самымъ смысломъ своимъ указывая на свое происхожденіе. Но уже подъ 1149 годомъ оно встрѣчается въ Ипатьевской лѣтописи «песаше Болеславъ сынъ боярскы мечеть многи» (П. С. Р. Л., т. II, 6). Погодинъ (Исследования, т. VII, 94) полагаетъ, что здѣсь должно разумать именно сыновей бояръ, а не дѣтей боярскихъ, какъ ословіе. Тотъ же смыслъ можно придать и прозвищу Дюка, такъ какъ въ иныхъ пересказахъ онъ прямо называется молодымъ бояриномъ. Изрѣдка въ былинахъ Владимірова цикла встрѣчается названіе *дворянинъ* (напр. Памятники стар. литер. изд. подъ редакціею Костомарова, стр. 341). Придаваемое тоже членамъ княжеской дружины; оно же является предъ

По былинамъ, дружина постоянно набирается, пополняется, и доступъ въ нее открытъ для всякаго, отличившагося какимъ-нибудь подвигомъ, будь онъ и не изъ бояръ. Изъ разсказа Повѣсти временныхъ лѣтъ о Ягѣ Усмошведѣ и его отцѣ видимъ тоже самое: они были возвышены въ великіе мужи изъ низкаго званія за свои личныя заслуги¹⁾.

Мы видѣли уже, что, по былинамъ, дружинники—и думцы князя, и постоянные его товарищи; что они получаютъ отъ князя земли, города съ пригородками, села съ приселками, золотую казну (Р., I, 197), одежду (К. Д., 97, Р., I, 202), коней (К., III, 10). Упомянуты были и лѣтописныя свидѣтельства, подтверждающія эти показанія. По былинамъ, такія выдачи случаются преимущественно въ то время, когда князь даетъ дружиннику какую-нибудь службу или порученіе.

Кромѣ военныхъ обязанностей, дружинники исполняютъ еще слѣдующія: они собираютъ дань, дѣлаютъ для князя закупки (К., II, 93), охотятся для князя, служатъ у него при дворѣ, наконецъ пословничаютъ, т. е. ѣздятъ послами въ чужія земли, и это считается дѣломъ очень почетнымъ. Изъ должностей придворныхъ (и въ то же время отчасти хозяйственныхъ) упоминаются слѣдующія: позовникъ (Р., I, 266, К. Д., 163, 164), приворотникъ (Р., I, 172), чашникъ (Р., I, 180) кравчій (К., II, 7), стольникъ (Р., I, 180), постельникъ (Р., I, 266), ключникъ, конюхъ (Р., I, 180),

¹⁾ 1173 годоу въ Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. I, 157); ср. *дворъ* въ собирательномъ смыслѣ въ Новгород. I-й лѣт. подъ 1192 годоу (П., С. Р. Л., т. III, 20).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 53.

курятникъ (Р., I, 265). Значеніе ихъ по большей части объясняется изъ самыхъ названій; подъ позовщикомъ разумѣется дружинникъ, котораго князь посылаетъ

Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти руб-
левъ.

(К. Д., 163).

Нѣкоторыя изъ этихъ должностей извѣстны и по лѣтописямъ XI — XIV вѣковъ ¹⁾.

У дружинниковъ княжескихъ въ свою очередь есть свои дружины; такія дружины упоминаются у Добрыни (К. Д., 346), у Ивана Годиновича (К. Д., 161) и проч. Такъ и по Повѣсти временныхъ лѣтъ, была своя дружина (отроки) у Свѣнольда ²⁾. Въ сопровожденіи этихъ людей дружинники охотятся (К. Д., 139), гуляютъ (К. Д., 346) и пр. Къ числу ихъ вѣроятно принадлежить и домашняя прислуга дружинниковъ (упоминаемая напр. у Р., I, 133 и слѣд.).

Внутренніе интересы дружины не забыты былинами: со-держимые и обогащаемые княземъ дружинники на его пирахъ хвалятся и имъ самимъ, и тѣми богатствами, которыми онъ ихъ одаряетъ. По богатству опредѣляется и та степень почета, которой достоинъ дружинникъ. Поэтому Чурила Пленковичъ, завидуя богатству Дюка, старается уни-зить его передъ княземъ и называетъ его холопиной дво-

¹⁾ Стольникъ упоминается подъ 1194 г. въ Лавр. лѣт. (П. С. Р. Л., т. I, 194), ключникъ подъ 1154 г. въ Ипат. лѣт. (П. С. Р. Л., т. II, 75); конюхъ въ Нов. вр. л. подъ 1097 г. (П. С. Р. Л., т. I, 111 и слѣд.); должности постельника вѣроятно долженъ со-отвѣтствовать *подкладникъ* — названіе, которое встрѣчается въ этомъ смыслѣ подъ 1168 г. въ Ипат. лѣт. (П. С. Р. Л., т. II, 95).

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 23.

рянскою (Р., I, 284). Подобно тому, когда мать Хотена Блудовича сватаетъ сына за дочь вдовы Чесовой, послѣдняя отвѣчаетъ ей:

А сыннице то твой уродище:
Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
Ищетъ-то упалаго зернышка,
А чѣмъ бы ему голова пропитать.

(Р. I, 256).

И слово Данила Заточеника подтверждаетъ, что въ его время было уже въ обычаѣ жениться «оу богата (теста) чести дѣля великіе»¹⁾.

Значительнѣйшій послѣ дружины классъ народа составляютъ купцы или гости богатые; они выставляются сословіемъ очень почтеннымъ: они на ряду съ дружиной пируютъ у князя; изъ ихъ семей дружинники, напр. Иванъ Гадиновичъ, берутъ себѣ женъ. Такое значеніе торговаго сословія вполне подтверждается многими свидѣтельствами древности, изъ которыхъ видно, что гости вмѣстѣ съ дружиной составляли два главные преобладающіе класса древне-русскаго общества. Остальные классы народа суть люди духовнаго званія, попы и поповичи, и простолюдины въ городахъ и селахъ, являющіеся подъ названіями черныхъ мужиковъ и крестьянъ (К., III, 10, 11). Этотъ классъ очевидно соотвѣтствуетъ *смердамъ* древнихъ лѣтописей²⁾. Наконецъ упоминаются и рабы, подъ названіемъ *холопей*

1) Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. X. X, 270.

2) Впрочемъ уже въ XII вѣкѣ появляется названіе черныхъ людей (см. *Соловьева* Исторія Россіи, т. III, 2). Названіе крестьянъ для сельскаго населенія появляется въ концѣ XIV вѣка, см. уставную грамоту митрополита Кипріяна, Константиновскому монастырю, 1391 г. (Акты Археогр. Эксп., т. I, № 11).

(напр. холопина дворянская у Р., I, 284): станишникъ разбойники, которыхъ напугалъ Илья, говорить ему:

«Возьми ты насъ въ холопство вѣковичное,

«Дадимъ рукописанье служить до вѣку.

(К. Д., 420).

Названіе и общественное положеніе холопей извѣстно уже изъ Русской Правды. Кромѣ того въ одной былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ (Р., I, 269 и слѣд.) встрѣчается названіе *дѣвка челядника*. Челядью рабы называются вообще въ древнихъ памятникахъ.

Былины, изображая военные обычаи Руси, ставятъ значительное различіе между княжеской дружиной и войскомъ, которое называютъ, согласно древнему употребленію, *полкомъ* (Р., I, 259) или *ратью* сильною княженецкою (II. и обр., 258). Во главѣ его предполагается кто нибудь изъ дружинниковъ (II. и обр., 258). Такъ и по лѣтописямъ различаются дружина и вой, и воеводою послѣднихъ выставляется кто нибудь изъ принадлежащихъ къ дружинѣ князя.

О составѣ, вооруженіи и военныхъ дѣйствіяхъ рати былины умалчиваютъ, но зато опѣ съ подробностью повѣствуютъ о военныхъ обычаяхъ дружины. Какъ въ былинахъ описывается составъ и наборъ ея—говорено было выше. Главная боевая сила ея—сильные могучіе богатыри и паленицы удалыя. Подъ этимъ названіемъ былины разумѣютъ лучшихъ представителей княжеской дружины, обладающихъ чрезвычайною силою физическою и различными воинскими доблестями, какъ-то: безстрашіемъ, храбростью, смѣлостью, стойкостью. Они не только сражаются въ главѣ прочихъ воиновъ, но еще выѣзжаютъ на враговъ по одиночкѣ, или по двое, по трое; кромѣ того, соединяясь небольшими отря-

дами, они стоят на заставах и охраняют Кіевъ отъ вражескаго нашествія. Такое значеніе богатырей въ военномъ быту древней Руси не лишено историческихъ основаній: въ древности былъ обычай рѣшать битву единоборствомъ, и естественно, что для этого выбирался сильнѣйшій и храбрѣйшій воинъ, таковъ и былъ Илья Усмошвецъ, поборовшій печенѣжскаго великана: въ древнѣйшей лѣтописи онъ служитъ представителемъ того рода военныхъ людей, которыхъ былинны называютъ богатырями, хотя и не носятъ этого названія; въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ, слова которыхъ приведены нами выше, онъ называется богатыремъ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія лица; изъ числа ихъ особенно замѣчательнъ Демьянъ Куденевичъ, о которомъ встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1148 годомъ рассказъ довольно подробный и имѣющій всѣ признаки достоверности; изъ этого рассказа видно, что Демьянъ, жившій въ Переяславлѣ южномъ, у князя Мстислава Изяславича, подобно богатырямъ былинъ, выѣзжалъ противъ враждебныхъ войскъ одинъ или въ сопровожденіи нѣсколькихъ отроковъ и успѣшно съ ними бился. О подвигахъ отдельныхъ лицъ, храбрецовъ, въ разныхъ битвахъ также есть лѣтописныя упоминанія ¹⁾). Все это даетъ поводъ думать, что богатыри, какъ особый разрядъ военныхъ людей, могли существовать въ дѣйствительности; ихъ то лица, конечно идеализированныя, и вошли въ былинны. Оставляя въ сторонѣ идеальную сторону въ лицѣ богатырей, возвращаемся къ обзорѣнью военныхъ обычаевъ Руси, насколько они выразились въ дѣятельности богатырей дружинниковъ.

Богатыри носятъ на себѣ доспѣхи крѣпкіе, въ составъ которыхъ входятъ шоломъ и броня, называемая кольчугою

¹⁾ Напр. о шести храбрыхъ въ Невской битвѣ 1241 года, см. П. С. Р. Л., т. I, 206.

или латами кольчужными, панцыремъ, куюкомъ. Оружіе ихъ: чингалища булатныя, мечи, сабли вострыя, копыя, палицы желѣзныя, рогатины, тугой лукъ, хранимый въ налушнѣ, и каленыя стрѣлы въ колчанѣ. Употребленіе въ древности этихъ частей военной одежды и оружія общеизвѣстно; впрочемъ должно замѣтить, что названія разныхъ родовъ брони панцырями и куюгами не засвидѣтельствовано древнѣйшими памятниками; о броняхъ кольчужныхъ упоминаетъ уже Левъ Дьяконъ, въ X вѣкѣ¹⁾; о палицахъ говорится въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1114 годомъ²⁾, о рогатинахъ въ Лаврентьевской подъ 1149 годомъ³⁾.

Богатыри всегда ѣздятъ на коняхъ: собираясь въ путь, богатырь

Идетъ на конюшенку стоялюю,
Беретъ онъ своего добраго коня,
Сѣдлаъ бурка въ сѣдло черкасское,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырुтилъ.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпенки у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавнеть,
Молодецъ на конѣ сидитъ — не старнеть.

(Р., I, 122).

Въ дополненіе къ этому описанію конской сбруи должно присоединить стремяна булатныя и потники. Въ томъ же

¹⁾ *Погодина, Исследования*, т. III, 240.

²⁾ П. С. Р. Л., т. II, 5.

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, 140, о рогатинахъ см. *Высокотова, Историч. опис. вооруж. росс. войскъ*, т. I, 66.

видѣ конская сбруя изображена на рисункахъ сказаній о св. Борисѣ и Глѣбѣ и представляется по лѣтописямъ; только въ послѣднихъ потниги называются *подкладомъ* ¹⁾). Чтобы погонять коня богатырь употребляетъ плеточку шелковую, которою

Онъ бьетъ бурка промежду ноги,
Промежду ноги между задня.

(Р., I, 126).

Когда нужно стрѣлять, богатырь вынимаетъ

Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыви рога у туга лука....

(К. Д., 217).

Богатыри ѣздятъ въ поле чистое, какъ на прогулку или на охоту; это называется поѣздкой богатырскою. Иногда богатыря сопровождаетъ его дружина (К., II, 50), или товарищъ въ родѣ оруженосца, какъ Екимъ Ивановичъ при Алешѣ (К. Д., 180 и слѣд.) и Дунай (К., III, 72).

Во время такихъ поѣздокъ богатыри иногда располагаются на отдыхъ:

Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатерь,
Отпускали коней по шелковой травѣ-муравѣ,

¹⁾ См. напр. П. С. Р. Л., т. I, стр. 27.

Зелену траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатръ полотняномъ витязи
Опочивъ держать.

(К., III, 109).

Шатры издревле извѣстны въ военномъ обиходѣ Русскихъ: о нихъ упоминаетъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, описывая походные обычаи Святослава, при чемъ рѣдкостью считастъ неупотребленіе имъ шатровъ ¹⁾).

На восходѣ краснаго солнца богатырь умывается студеной водой или росою, утирается тонкимъ полотенцомъ, молится чудну образу и потомъ ѣдетъ дальше въ путь (К., II., 71, IV, 109). Если во время дороги богатырю приходится переправляться черезъ топкое мѣсто или рѣку, онъ моститъ мостъ; такъ про Илью Муромца говорится:

Скоро случался онъ съ добра комя,
Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы.

(Р., I, 47).

По дѣтписямъ извѣстно, что тоже приходилось дѣлать и дѣлымъ войскамъ: такъ напр., собираясь въ походъ противъ Ярослава, Владиміръ сказалъ своимъ людямъ: «требите путь и мостите мостъ» ²⁾).

При встрѣчѣ съ врагомъ въ полѣ чистомъ первая обязанность богатыря распросить его

о дѣлицѣ, отчинѣ,
И чей такой добрый молодецъ? —
Царь ли царевичъ,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. 24, 7.

²⁾ П. С. Р. Л., т. 4, 54.

Король ли королевичъ,
Или русскій могучій богатырь?
Если русскій могучій богатырь,—то побрататься,
А невѣрный—порази́дагся.

(К., I, 8).

Въ виду противника, какъ бы вызывая его на бой, бога-
тырь

Мечетъ острое конье подъ вышину небесную,
На конѣ подѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко коньемъ поворачиваетъ...

(К., IV, 13).

Такъ и Левъ Діаконъ повѣствуетъ, что во время одной схватки Русскихъ съ Греками вождь русскій «выѣхалъ на средину мѣста, раздѣлявшаго оба (враждебные) отряда и, махая длиннымъ коньемъ, началъ вызывать Грековъ на единопорство»¹⁾. Передъ борьбой богатырь творитъ молитву (К., II, 78). Самая борьба происходитъ слѣдующимъ образомъ: сперва враги стѣзжаются на коняхъ и бьются палицами желѣзными, потомъ колятся коньями мурзаецкими, потомъ ударяются саблями острыми широкими. Если ни одинъ противникъ не уступаетъ, то оба сходятъ съ коней, хватаются за руки и бьются рукопашкою, пока одинъ не сронитъ другого на землю; тогда побѣдитель садится побѣжденному на грудь, и если противники при первой встрѣчѣ не сказались одинъ другому, кто они такіе, то теперь побѣдитель спрашиваетъ побѣжденнаго:

«Кого, молодець, города, которой земли,
«Какъ молодца ишепемъ зовуть,
«Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?»

Наконецъ торжествующій поретъ противнику груди бѣ-

¹⁾ А. Черткова Описание войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—974 годахъ, стр. 45.

дыя, чтобы вынуть ретивое сердце, да и съ печенью, рубить ему буйную голову, втыкаетъ ее на копье булатное (К., I, 51), а тѣло его разрываетъ на полы (см. былины о борьбѣ Ильи Муромца съ сыномъ).

Подобные случаи единоборства, съ одинаковыми приемами, встрѣчаются и въ началѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ; такъ и о борьбѣ Мстислава Тьмутороканскаго съ Редедю Касожскимъ говорится: «И ястася бороти крѣпко, и надолзѣ борующемася има, нача изнемогати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: «о пречистая Богородица! помози ми: аще бо удовлѣю сему, свижю церковь во имя твое». И се рекъ удари имъ о землю и вонзе ножъ, зарѣза Редедю»¹⁾.

Для борьбы съ женщиной у богатыря особый приемъ (К. Д., 365).

Когда богатырю одному приходится имѣть дѣло съ цѣлой толпой враговъ, то будучи на конѣ, онъ однихъ колетъ, а другихъ топчетъ конемъ (Р., I, 46), а пѣшій,—онъ хватаетъ одного изъ враговъ за ноги и помахиваетъ имъ, какъ палицей.

Служба богатырей на крѣпкой заставѣ богатырской имѣетъ то назначеніе, что охраняетъ Кіевъ отъ неожиданнаго нападенія какой нибудь невѣрной силы. На заставѣ бываесть обыкновенно двѣнадцать богатырей (Р., II, 48), и одинъ изъ нихъ атаманъ, другой податаманъ, а третій есаулъ (К., I, 48).

Что по край было снѣя моря
На богатырской на заставѣ
Стояли тутъ пять богатырей...
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, 63.

Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскачаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летить —
Перо выронить;
Добрый молодець бѣжить —
Головой вершить.

(П. в обр., 161).

Слово застава, «еже есть сторожевой полкъ», встрѣчается въ Никоновской лѣтописи подъ 1367 годомъ ¹⁾, но употребленіе сторожевыхъ пограничныхъ ставокъ извѣстно было гораздо ранѣе; такъ по сагѣ объ Олафѣ Тригвасонѣ видимъ, что этотъ Норманнъ служилъ у Владиміра начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ ²⁾. И въ Повѣсти временныхъ лѣтъ не разъ упоминаются *сторожи* въ томъ же смыслѣ.

Данныя былинъ относительно промышленности и торговли не многочисленны.

Изъ разныхъ видовъ промышленности точное указаніе имѣемъ только на ткашь полотень (К., III, 13) да на ремесло древодѣловъ: упоминается о постройкѣ деревянныхъ зданій (К. Д., 6); въ описаніи вооруженія Дюка Степановича говорится, что знаменитыя стрѣлы, купленныя ему матерью, были строганы въ Новѣгородѣ (К. Д., 23, 24). Изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (подъ 1016 годомъ) извѣстно, что уже въ началѣ XI вѣка Новгородцы славились какъ плотники. О прочихъ видахъ промышленности можно заключить только по упоминанію различныхъ предметовъ домашняго обихода, одежды, мѣховъ (печерскихъ, бурнастыхъ лисиць, черныхъ соболей, куницъ, сѣдыхъ бобровъ)

¹⁾ Ник. лѣт., т. IV, 21.

²⁾ Antiquités russes, t. I, 278.

и пр., хотя впрочемъ здѣсь съ осторожностью должно отличать предметы домашняго производства и прикѣзные.

Нѣкоторые факты въ былинахъ касаются торговли иностранной. Сообразно географическимъ представленіямъ былинъ предметы ея торговли могутъ быть распредѣлены по мѣстамъ своего происхожденія: былины называютъ шелкъ шемаханскимъ (напр. Р., I, 237), будать иверьянскимъ (Р., I, 246), стремена и сѣдла черкасскими (напр. Р., I, 48), золото и мѣдь аравитскими или яровицкими (К., I, 91, Р., II, 143), пшено и козры сорочинскими (К., III, 6, 24), платье, коней и сѣдла латинскими (Р., I, 266; К., II, 7), копыя — мурзаметскими, свинецъ чебурацкимъ (К. Д., 184). Къ числу иностранныхъ же товаровъ должно отнести и сафьянную обувь (Р., II, 88), и атласъ, и рытій бархатъ (Р., I, 296), и аксамиты (Р., II, 17)⁹, и оукно; и бѣло-хрущатую камку, узоръ который описанъ въ слѣдующихъ словахъ:

Хитрости Царяграда,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья сына Будиміровича,

т. е. купца, привезшаго эту камку (К. Д., 4).

Такимъ образомъ былины свидѣтельствуютъ о привозѣ на Русь товаровъ кавказскихъ, арабскихъ, греческихъ и западно-европейскихъ. Эти свѣдѣнія подтверждаются и историческими свидѣтельствами X — XIV вѣковъ: выдѣлка оружія и конской сбруи издревле занимала кавказское племя Кубечей¹⁾, и произведенія ихъ уже въ IX вѣкѣ могли быть получаемы на Руси черезъ посредство базарскихъ и арабскихъ купцовъ; благодаря послѣднимъ проникали на

¹⁾ Мухамедаиская пунизматика въ отношенія къ русской исторіи.
И. Савельева, стр. LVIII и LIX.

Русь и произведенія арабскія ; въ арабскихъ извѣстіяхъ есть указанія на то, какъ Русскіе X вѣка дорожили различного рода уворочьемъ арабской работы ¹⁾). Отъ X-го же вѣка у насъ есть извѣстіе и о торговлѣ съ западомъ въ словахъ Святослава, которыя именно упоминаютъ о доставкѣ на Русь коней изъ Чехіи и Венгріи ²⁾); извѣстія XII и XIII вѣковъ подтверждаютъ существованіе этихъ торговыхъ сношеній ³⁾). Къ числу предметовъ, привозимыхъ съ запада, должно отнести и сукна, такъ какъ уже въ грамотѣ, данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви Іоанна Предтечи въ 1136 году упоминается «ишьское сукно» (*dgar d'Irges*) ⁴⁾. Сафьяны могли быть привозимы на Русь изъ волжской Болгаріи, которая славилась ихъ изготовленіемъ ⁵⁾). Торговныя сношенія Руси съ Царьградомъ достаточно извѣстны, и потому мы о нихъ не распространяемся; въ числу предметовъ, вывозимыхъ изъ Греціи, должно отнести и аксамиты, упоминаемые въ былинахъ безъ указанія на мѣста изготовленія; объ аксамитахъ говорится въ Ипатьевской лѣтописи уже въ XII вѣкѣ ⁶⁾).

Иностранные купцы и привозимые ими товары вообще называются въ былинахъ заморскими; единственный торговый путь въ Кіеву, который знаютъ былины, — водный, Днѣпръ и море синее или Окіянъ-море; поэтому и купцы

¹⁾ Тамъ же, стр. LXXXIX.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 28.

³⁾ Такъ напр. Ипат. лѣт. подъ 1174 годомъ говорятъ о латинскихъ купцахъ въ Кіевѣ (П. С. Р. Л., т. II, 111), Слово о плъку Игоревѣ упоминаетъ о латинскихъ шлемахъ на Русскихъ и проч.

⁴⁾ Р. Д., т. I, 78.

⁵⁾ Ист. Г. Р., III, стр. 212, (изд. См.).

⁶⁾ П. С. Р. Л., т. I, 114.

часто называются гостями-корабелщиками. Размеры торговли представляются очень значительными: къ Кіеву приѣзжает цѣлая эскадра торговая въ тридцать одинъ корабль (былины о Соловьѣ Будиміровичѣ). Подобно тому, и изъ разсказа Ипатьевской лѣтописи, подъ 1170 годомъ, о походѣ князей на защиту греческихъ купцовъ можно заключить о значительности торговыхъ каравановъ. Приѣзжающіе въ Кіевъ купцы платятъ товарную пошлину со всѣхъ кораблей, со всего живота, и кромѣ того подносятъ подарки князю и княгинѣ (К. Д., 4). О подобныхъ дарахъ было уже упомянуто выше. Торговля пошлины въ XII вѣкѣ извѣстна изъ грамоты князя Всеволода Новгородской царицы Юлианы Предтечи.

Упомянутся особня мѣста въ городѣ, предназначенныя для торговли, — гостинные дворы и базары.

Судоходству въ былинахъ дано незначительное мѣсто; онѣ совсѣмъ не упоминаютъ о походахъ по морямъ и рѣкамъ; суда служатъ въ былинахъ только для торговыхъ сношеній.

Изъ различнаго рода судовъ упоминаются русскіе насады (К., III, 1), извѣстные и изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ ¹⁾, и корабли заморскаго гостя Соловьѣ Будиміровича ж парусные, и гребные: его знаменитый Соколъ - корабль описывается такъ:

У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено на яхонту;
Вмѣсто бровей было прибivano
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 59.

Вмѣсто ушей было веткнуто
Два остра конья мурзамецкія;
И два горюстая повѣшаны,
И два горюстала, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Видѣте гривы прибываю
Два лисца бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшано
На томъ было Соколъ-корабль
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туринному,
Бока взведены по звѣриному....
На томъ Соколъ корабль
Сдѣлашь мурзалець чердакъ,
Въ чердакъ была бесѣда — дорога рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытѣмъ бархатомъ.
(К. Д., 2, 3, ср. у Р., I и II).

На корабляхъ упоминаются маты, паруса крупчатые и явори булатные, весла, шести мѣрные; при корабляхъ сходни.

Умственное образованіе и грамотность не чужды лицамъ, дѣйствующимъ въ былинахъ Владимірова цикла; самъ князь получаетъ ярлыкѣ скорописчатые отъ иностранныхъ государей. Обученіе грамотѣ и письму, по былинамъ, полагается въ семилѣтнемъ возрастѣ (К. Д., 345). Человѣкъ поученный грамотѣ пользуется уваженіемъ (К. Д., 181). Умѣнье русской грамоты и четья-пѣтя церковнаго считается однимъ изъ главныхъ достоинствъ женщины (II и обр., 83). Впрочемъ, общій характеръ образованія дѣйствующихъ лицъ не книжный: свѣдѣнія, которыя они высказываютъ, они не извлекли изъ чтенія, но накопили собственнымъ наблюденіемъ. По понятіямъ былинъ, далекія странствованія доставляютъ познанія, а за ними и почетъ человѣку. Поэтому почетная обязанность быть книжескимъ

сватоу налагається на Дунай, какъ на челоуѣка бывалаго, который много земель знаетъ (Р., I, 187, 188), служилъ въ семи ордахъ, семи королямъ (К. Д., 96). Поэтому же князь почестливо встрѣчаетъ гостя изъ дальнихъ странъ, Соловья Будиміровича. Таковъ былъ вообще обычай хорошихъ князей въ древности; это видно и изъ слѣдующихъ словъ Мономоха: «и болѣе же чтите гостя, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, — брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, любу добрымъ, любу злымъ»¹⁾.

Многія географическія свѣдѣнія, которыя въ былинахъ высказаны, являются какъ бы результатомъ странствованій, совершенныхъ разными дѣйствующими лицами былинъ; другой источникъ этихъ свѣдѣній суть военные столкнове-нія Русскихъ съ сосѣдними народами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ эти географическія свѣдѣнія характеризуютъ то время, когда сложены былины.

Вообще всѣ чужія страны представляются въ былинахъ отдаленными и вмѣстѣ съ тѣмъ по большей части враждебными Руси; такое представленіе вполне соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ русской древности; даже бранныя прозвища, которыя даются былинами почти всѣмъ сосѣднимъ народамъ (см. выше), находятъ себѣ въ соотвѣтствіе въ лѣтописяхъ, гдѣ Половцы, Татары и пр. постоянно называются погаными, хотящими «пролить кровь хрестьянскую»²⁾. Въ былинахъ врагамъ Руси и ея богатырей придаются даже чудовищные, страшные размѣры. Таковъ напр. татарскій царь Уланице:

Вить ушница-то у царинша—будто блюдишша.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 102.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, 133.

А глазишша-то у царшиша—будто чаши пивныя,
А носышшо-то у царшиша—будто налица боевая.

(К., III, 49).

Точности въ географическихъ понятіяхъ былинь, особенности послѣ столь продолжительнаго храненія въ народной памяти, искать не слѣдуетъ: онѣ смѣшиваютъ Литву съ Татарами (напр. Р., I, 180, II, 26), называютъ ордынскаго государя королемъ (К. Д., 161) и т. п., но тѣмъ не менѣе въ общемъ представленіи былинь можно отмѣтить тѣ характерныя черты, которыми они различаютъ западъ съ востокомъ и югомъ. Западные государи обыкновенно называются королями (короли Политовскій, Ляховинскій); у нихъ есть дворъ и придворныя должности, въ которыхъ служивали даже княжескіе дружинники, напр. Дунай. Западные страны вообще враждебны Руси, но тѣмъ не менѣе былины иногда называютъ Литву небраннымъ прозвищемъ «хороброу» и даже выводятъ съ запада невѣсту для князя.

Напротивъ того, представленія о восточныхъ странахъ исключительно мрачны. Онѣ называются обыкновенно ордами или царствами, а государи ихъ царями. Ордынскаго царя окружаютъ бурзы-мурзы Татаровья, которыхъ онъ созываетъ на совѣтъ (напр. К., IV, 39). Наружность тако-го мурзы описана слѣдующими словами:

Старъ-горбать, напередъ покляпъ,
Синь кафтанъ, голубой карманъ.

(К., IV., 39).

Посолъ ордынскаго царя къ князю отличается грубостью:

А и будетъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Среди двора княженецкаго,
Скажаль Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,

Видать во грѣдно во свѣтлѣ,
А Спасому образу не молятся,
Владимиру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросая ярыки на круглой столѣ
Передъ великаго князя Владимира.

(К. Д., 243, 244).

Войско татарское, идущее на Кіевъ, безконечно огромно:
Сбиралось съ нимъ (татарскимъ царемъ) силы на сто
персть,

Во все тѣ четыре стороны.

(К. Д., 242, ср. у К., IV и Р., I и II).

Татарскаго царя сопровождаютъ его сынъ, зять и какой-то дьячекъ-выдумщикъ (напр. Р., I, 175), каждый съ лучшимъ войскомъ. Подступая къ Кіеву, ордынскій царь требуетъ выдачи лучшихъ богатырей; въ слѣдующемъ образѣніи его къ князю изображается жестокой способъ веденія войны Татарами:

«Дашь не дашь, за босмъ возьму,
«Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
«Князя со княгинею во полонъ возьму,
«Божьи церкви на дымъ спущу,
«Чудны иконы вонлавъ рѣки,
«Добрыхъ молодецъ полоню ставницами,
«Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами,
«Добрыхъ коней табунами».

(К., IV, 41).

Страны южныя, земля Греческая, Царьградъ, Іерусалимъ, изображаются въ былинахъ хоть и смутно, но въ благопріятномъ свѣтѣ. Это страны единовѣрныя Руси: въ нихъ, какъ на Руси, четье-пѣтье церковное и звонъ колокольный (К., IV, 22); въ Царьградѣ (Р., I, 91) или Іерусалимѣ (К., IV, 22) царствуетъ Константинъ Боголюбовичъ, и

Илья Муромецъ защищаетъ его отъ враговъ, какъ Владиміра. Черезъ Царьградъ проходятъ русскіе каліки переходіе въ Іерусалимъ, ко Гробу Господню, на Ердань рѣку (К. Д., 227); таковъ былъ обыкновенный путь русскихъ паломниковъ.

Такъ какъ былины Владимірова цикла преимущественно служатъ изображеніемъ дружиннаго быта, то война и миръ и составляютъ два главные понятія, къ которымъ примыкаютъ всѣ нравственныя идеи, выраженыя въ этихъ произведеніяхъ русскаго эпоса.

Для лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, существуетъ два повода къ раздорамъ и войнѣ: одинъ, это — месть за оскорбленіе и насиліе надъ ихъ личностью или родивой, другой — состраданіе къ слабому и угнетенному. Герои былинъ не ищутъ ни чьего суда кромѣ Божьяго, и потому всѣ свои домашнія споры, всякую встрѣчу съ иноплеменниками рѣшаютъ кровавой расправой, — твердо въ своей надеждѣ

На Спаса, на Пречистую

На матушку на Божію Богородицу.

(К., III, 85).

Въ этомъ отношеніи ихъ бои напоминаютъ наши древніе судебныя поединки. Даже если дружинники и не сойдутся, но только бьются о закладъ, и то проигравшій стоитъ жизни побѣжденному, если его не помируетъ побѣдитель (см. Р., I, 305). Вооруженное заступничество за угнетеннаго считается дѣломъ богоугоднымъ (К., IV, 16). Вся дѣятельность Ильи Муромца посвящена ему.

Не смотря на склонность рѣшать дѣло кровавой расправой, героямъ былинъ не чужда пощада и замиреніе на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ напр. Добрыня, побѣдивши

Змѣя Горыныча, положилъ съ нимъ заповѣдь великую, по которой Змѣй обѣщаль не тревожить землю Русскую своими посѣщеніями (К., II, 25).

Понятіе о вѣчномъ мирѣ, взаимномъ содѣйствіи и дружбѣ былины выражаютъ въ обычаѣ брататься. Такъ про Илью Муромца и Добрыню говорится:

Они были братьшца крестовые,
У нихъ крестамы побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны,
Слухать большему брату меньшаго.

(Р., I, 95, 96).

На подобный обычай при замиреніи указываетъ и «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 968 годомъ: «Рече князь Печенѣжскій къ Прѣтичу: «буди ми другъ», онъ же рече: «такъ сотворю». И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ»¹⁾.

По былинамъ, братство названное равняется родному, и нарушеніе его считается величайшимъ преступленіемъ. Поэтому Данило Денисьевичъ, видя, что противъ него идутъ родной его братъ Никита и названный Добрыня, съ ужасомъ восклицаетъ:

«Иишо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
«Братъ на брата съ боемъ идетъ».

(II. и обр., 85)

Какъ чувства братской привязанности распространяются на лицъ неродственныхъ, чужихъ, но одного возраста, въ побратимствѣ, — такъ любовь и уваженіе къ родному отцу и матери переносится на всѣхъ людей старыхъ: отсюда

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 28.

обычай былинь называть стариковъ и старухъ батюшкой, матушкой (напр. Р., I, 95), обычай не разъ выраженный и лѣтописями, какъ напр: «Домантъ же рече Псковичемъ: «Братья мужи Псковичи, кто старъ, то отецъ, а кто младъ, той братъ», и пр. ¹⁾).

Самое широкое проявленіе любви къ ближнему былины представляютъ въ обычаѣ гостепріимства, примѣромъ котораго могутъ служить самые пиры Владиміра, сопровождаемые различнаго рода подарками гостямъ.

Религія лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, христіанская, но рядомъ съ истинно-христіанскими вѣрованіями и обрядами у нихъ много суевѣрій и обычаевъ, связанныхъ съ древними вѣрованіями языческими. Они вѣрятъ въ колдовство, наговоры, оборотничество, вѣщую силу нѣкоторыхъ птицъ, дѣйствія зелья спящаго и питья забудущаго; вообще они даютъ мѣсто чуду среди явленій дѣйствительности. Что именно за чудесное ихъ окружаетъ, — будетъ сказано ниже; здѣсь же достаточно отмѣтить вѣру въ него, какъ черту времени, подтверждаемую и другими памятниками древности ²⁾). Упоминаются наговоры на полеть стрѣлы (К., III, 18, Р., I, 63) или копья (К., IV, 13, 14), на оборотничество (К., II, 43, Р., I, 223, II, 66), на листочки лозоревые (Р., II, 11); упоминается суевѣрный обрядъ привораживанія посредствомъ сожиганія слѣдовъ (К. Д., 63, ср. К., II, 44, такъ же Р., I, 73) и обрядъ вѣнчанія подъ деревомъ: такъ, про Дуная и Настасью Королевшину говорится:

¹⁾ Псковская лѣтопись, изд. Погодина, 16.

²⁾ Вѣрованіе въ оборотничество очевидно изъ Слова о И. Иг., вѣрованіе въ вѣщихъ птицъ указано въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго, см. Пам. Слов. XII в., 19.

Тутъ они обручались,
Кругъ рапнтова куста вѣнчались.

(К. Д., 96)

Этотъ обрядъ упоминается и въ пословицѣ: «вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли»¹⁾; близокъ къ нему обычай, упоминаемый въ одномъ сборникѣ XVII вѣка, какъ остатокъ языческой старины: вернувшись изъ церкви, молодые и ихъ гости «кругъ стола всѣмъ поѣздомъ ходить»²⁾.

Дѣйствующія лица былины очень набожны; они обильно раздаютъ милостыню спасеную; молитвой или крестомъ сопровождается каждое ихъ дѣйствіе: они крестятся и молятся, входя въ палату бѣлокаменную, садясь за ѣду (К., IV, 45), передъ боемъ съ врагомъ или изнемогая подъ его натискомъ; отъѣзжая въ путь, богатырь оставляетъ свою жену на Спаса со Пречистою (К., II, 11); богатыри дружинники строятъ часовни, церкви; но самое значительное проявленіе ихъ набожности—то, что богатырь, чтобы спасти душу грѣшную, идетъ въ монастырь (II. и обр., 274), или же отправляется въ Св. Землю. Постриженіе, по былинамъ, обычно въ старомъ возрастѣ (тамъ же, ср. P., I, 79).

Что касается до странствованій въ Святую Землю, то былины изображаютъ цѣлый классъ древне-русскаго общества, образовавшійся въ слѣдствіе нихъ. Такія хожденія равно сдѣлались обычными на Руск: уже въ XI вѣкѣ упоминаетъ о нихъ житіе преп. Феодосія Печерскаго; а въ XII вѣкѣ до такой степени укоренился обычай давать обѣдъ на странствованія въ Св. Землю, что духовные стали такимъ странствованіемъ препятствовать. Люди, ходившіе въ Св. Землю, назывались странниками, паломниками, кали-

¹⁾ Буслаева Истор. очерки, т. I, 83.

²⁾ Тамъ же, стр 47 и 48.

ками переходими ¹⁾). Подъ двумя послѣдними названіями упоминаются они и въ былинахъ Владимірова цикла.

Калики изображаются въ былинахъ старыми, какъ напр. сильный Иванище (К., IV, 18, Р., I, 89) и Данило Игнатьевичъ (К., IV, 22) или молодыми, какъ герой былинны о сорока каликахъ со каликою. Они дорожные, сильные люди. Они носятъ особую одежду, о которой мы уже говорили; въ рукахъ у нихъ вьюка, костыль, посохъ или шелепуга.

Калики отправляются по одному, по двое, по трое или толпами въ двѣнадцать и даже сорокъ человекъ; въ такомъ случаѣ они составляютъ товарищество, кругъ, съ атаманомъ во главѣ:

Становились они во единый кругъ,
Они думали думушку крѣпкую,
Выбирали большаго атамана,
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ на добрыхъ молодецехъ:
А идтить намъ дорога неближняя,
Идти будетъ къ городу Иерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Во Иердань рѣкъ искупатися,
Нетлѣнной ризою утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородами;
А въ томъ вѣдь заповѣдь по дожема:
Кто украдетъ или кто солжетъ,
Али кто пустится на женскій блудъ,

¹⁾ Вообще должно замѣтить, что древніе русскіе калики и по своему вѣшнему виду, и по своимъ обычаямъ похожи на западныхъ странниковъ въ Св. Землю, какъ это доказано въ статьѣ *Срѣзневскаго* о русскіхъ каликахъ, помѣщенной въ Уч. Зап. Ак. Н. 1863 г., т. I, кн. II:

Не скажетъ большему атаману,
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
Едина оставить во чистомъ полѣ
И оконать по плечи во сыру землю.
И въ томъ то вѣдь заповѣдь положена,
Бѣлыя рученьки неприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Податаманъ братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичъ.

(К. Д., 226, 227).

Другіе пересказы этой же былины, выставляя тѣ же преступленія возможными для каликъ, дополняютъ постановленіе о казни преступника слѣдующими словами:

Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ,
Чистъ-рѣчиствъ языкъ выпять темелемъ,
Очи ясныя—косицами,
Ретиво сердце промежду плечей:
Казнена дородна-добра молодца,
Во чистомъ полѣ оставить.

(К., III, 82, ср. Р., I, II).

Это постановленіе о казни напоминаетъ казнь епископа Ростовскаго Феодора въ 1169 году, совершенную по повелѣнію митрополита Константина: «митрополитъ же Константинъ повѣлѣ ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику, и руку правую утяти, и очи ему выняти, зане хулу измолви на Святую Богородицю»¹⁾.

Юридическій бытъ Руси выраженъ въ былинахъ не самими закоположеніями, но только приложеніемъ ихъ въ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, 452. Ср. казнь Дудика, оклеветавшаго Лукку Ждану, во второй Новгород. л., под. 6566 г., П. С. Р. Л., т. II, 422.

жизни; а что былины предполагаютъ существующими извѣстныя постановленія — видно изъ обычая «полагать заповѣдь» при заключеніи какихъ нибудь условій. Что такія постановленія предполагаются писанными и скрѣпленными подписью главныхъ установителей — видно изъ заповѣди каликъ переходожихъ, изъ заповѣди о побратимствѣ, а также изъ условія Михайла Потока съ его женою; когда они вѣнчались, она потребовала слѣдующаго условія:

«Только съ тѣмъ обвиняемся, —
«Сдѣлаемъ запись крѣпкія,
«И положимъ ихъ за престолъ Господень,
«— Который изъ насъ впереди помретъ,
«А другому живому въ гробъ легчи.»
(Р., II, 61, 62).

Это условіе, равно какъ и условіе побратимства, касается дѣлъ частныхъ; напротивъ того заповѣдь каликъ утверждается общей думой всѣхъ участвующихъ. Заключеніе условій сопровождается присягой (К. Д., 221).

Изъ юридическихъ обычаевъ замѣчательно поручительство при закладахъ; при этомъ тоже совершается письменный актъ (К. Д., 56). Объ уничтоженіи этого акта говорится:

Просты поруки крѣпкія, запись всѣ изодранныя.
(К. Д., 60).

Кромѣ вышеупомянутаго церковнаго наказанія въ былинахъ упомянуты слѣдующія казни: ссылка, заключеніе въ погребъ на дѣль желѣзную, погруженіе въ котель смолы, разстрѣляніе (К., IV, 45), отсѣченіе головы (тамъ же), повѣшаніе (II и обр., 82). Исполненіе казни принадлежитъ палачамъ. Эти показанія о казняхъ подтверждаются Русскою правдой и древними лѣтописями.

III.

РАЗСМОТРѢНІЕ БЫЛИНЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ ЛИТЕРАТУРНОМЪ.

Былины Владимірова цикла выражаютъ собою то именно время изъ прошедшаго Руси, когда Русскіе Славяне впервые проявили стремленіе къ прочному государственному строю жизни и, подѣ охраной его, впервые стали горячо отстаивать свою самостоятельность передъ натискомъ иноплеменниковъ; чтобы защитить и сохранить эту независимость потребовалась крѣпкая воинская сила, тѣсно связанная съ высшею властью государственною, — и таковою явилась дружина, окружающая князя. Дѣятельность дружины, выраженная въ подвигахъ ея представителей богатырей, и есть предметъ былинъ.

Охранительно-боевое значеніе богатырской дружины прямо указывается эпосомъ, ее воспитывающимъ: по его словамъ, богатыри сѣзжаются въ Кіевъ, чтобы

Заложиться за Князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру хресьянскую.

(П. и обр., 115, К. Д., 205).

Эпосъ съ сочувствіемъ повѣствуетъ о богатырскихъ подвигахъ, совершенныхъ въ сознаниі этого долга, и самыхъ подвижниковъ, стоятелей и оберегателей Руси, изображаетъ не иначе какъ страшною грозою для ея враговъ: то впадаетъ онъ въ уста одному изъ сильнѣйшихъ богатырей слѣдующую ироническую похвальбу передъ побѣжденнымъ врагомъ:

- Вы пойдѣте по своимъ мѣстамъ,
- Вы чините вездѣ такому славу,
- Что святая Русь не пуста стоитъ,
- На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.

(П. и обр. 116, 117)

то яркимъ и поразительнымъ сближеніемъ опредѣляетъ значеніе богатырей:

Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава—сѣры волки,
Другая застава—зміи лютыя,
Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей.

(Р., II, 135)

Народное творчество не только вполне сочувствуетъ богатырямъ, но даже пристрастно къ нимъ: по его представленію, совершать подвиги есть непремѣнное дѣло дружины, но никогда не выпадаетъ на долю князя; въ отсутствіе богатырей дружинниковъ князь представляется въ былинахъ безсильнымъ, робкимъ, трусливымъ.

Изъ боевой дѣятельности дружины объясняется и преобладающій военный характеръ былинъ Владимірова цикла; но какъ жизнь дружины не ограничивалась однимъ военнымъ промысломъ, то и былинны заимствуютъ иногда свое содержаніе изъ промысла торговаго и быта семейнаго.

Какъ дружина примыкала къ князю, такъ и въ былинахъ

приключенія отдѣльныхъ богатырей дружинниковъ всегда стоятъ въ связи съ однимъ главнымъ лицомъ великаго князя Владиміра Краснаго Солнышка, всегда совершаются въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ и въ одну и ту же эпоху. Это то и составляетъ круговую циклическую связь былинъ, насъ занимающихъ. Такое явленіе въ нашихъ былинахъ соотвѣтствуетъ нѣсколькимъ подобнымъ фактамъ въ поэзіи другихъ народовъ. Такъ, въ эпосѣ кельтскомъ сказанія объ отдѣльныхъ герояхъ, связываются съ эпохой и лицомъ короля Артура, въ эпосѣ сѣверно-французскомъ подобныя же сказанія соединяются около времени и лица Карла Великаго. И какъ здѣсь, такъ и въ нашихъ былинахъ срединныя лица Карла, Артура, Владиміра, будучи постоянными участниками дѣйствія, сами никогда не являются героями поэтическихъ произведеній; такими героями служатъ приближенные этихъ государей — въ нашихъ былинахъ богатыри, и лица срединныя только даютъ направленіе для ихъ дѣятельности или же распутываютъ нить ихъ приключеній; такъ Владиміръ посылаетъ богатырей на подвиги, награждаетъ побѣдителей, казнить виновныхъ и пр. Такіе поступки вполне соотвѣтствуютъ его княжескому положенію.

Однако участіе Владиміра въ событіяхъ, изображенныхъ въ былинахъ его цикла, настолько значительно и постоянно, что не возможно предположить вымыселъ большей части былинныхъ сказаній помимо или раньше созданія срединнаго лица. Напротивъ того, должно думать, что созданіе поэтическаго лица Владиміра Краснаго Солнышка и круговое расположеніе около него богатырей родомъ изъ разныхъ городовъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ фактамъ въ развитіи всей этой группы русскихъ народныхъ сказаній. Существованіе въ первые вѣка Руси такихъ князей, какъ

Владимиръ Святославичъ и Владимиръ Мономахъ, и любовь народа къ этимъ первымъ парадникамъ и собирателямъ земли Русской, первымъ носителямъ идеи объ ея единствѣ, должны были рано вдохновить народное творчество и вызвать его на созданіе того идеально-типическаго лица князя, около котораго группируется весь циклъ Владиміровъ.

Избирая себѣ героевъ изъ богатырей дружинниковъ, окружающихъ Владимира, былинны никогда не описываютъ ихъ жизни въ біографической послѣдовательности; онѣ знаютъ одно или нѣсколько событій изъ жизни богатыря и повѣствуютъ о нихъ эпизодически; поэтому былинамъ рѣдко удается представить всестороннее изображеніе характера отдѣльной личности, но за то онѣ очень опредѣленно воспроизводятъ общія, типическія свойства богатырей дружинниковъ.

По большей части это — люди со свѣжими, неутомленными силами, въ лучшей, дѣятельнѣйшей порѣ жизни; почти всѣхъ ихъ эпосъ выставляетъ молодыми, и потому прозвище *молодого* почти неразлучно съ лицомъ богатыря.

Такъ какъ война есть важнѣйшее дѣло богатырей, то совокупность военныхъ доблестей и есть главная особенность, первое отличіе богатыря. А какъ войны, въ которыхъ участвуютъ дружинники богатыри, имѣютъ важное народное значеніе, то и въ былинахъ воинской дѣятельности дружинниковъ богатырей приданъ высокій характеръ патріотическій и даже религіозный. Народное творчество, всевозможными средствами стараясь выразить свое сочувствіе къ этимъ лицамъ, старается, такъ сказать, поднять ихъ надъ дѣйствительностью и идеализировать; поэтому оно придаетъ всевозможныя совершенства ихъ природѣ. Такъ, до очевидно гиперболическаго представленія доводитъ оно тѣ физическія свойства, которыя оказываются

вполнѣ соответствующими быту эпохи и дѣятельности дружины, если мы ихъ примемъ въ размѣрахъ обыкновенныхъ.

Какъ воеводамъ, дружинникамъ богатырямъ нужна сила и ловкость, и народное творчество одаряетъ ихъ силою чрезвычайною, почти чародѣйскою: Илья Муромецъ однимъ ударомъ стрѣлы разбиваетъ дубъ въ черешья пожевы и кидаетъ враговъ подъ небеса.

Выше лѣса стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.

Добрыня съ Иваномъ Дубровичемъ побиваютъ цѣлую орду Татарскую:

Пошли къ Добрынюшкѣ Татаровья,
Сталъ Добрынюшка Татаровой отпихивать,
Сталъ онъ Татаръ оттолкивать :
По двое ихъ, по трое стало по двору кататися.
Пошло къ Добрынюшкѣ цѣлыми десятками.
Добрынюшка видитъ, — есть дѣло не малое,
Схватилъ онъ Татарию за ноги,
Сталъ онъ Татариномъ поколачивать:
Какъ отворились-то ворота на широкъ дворъ,
Пошло оттуда силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ онъ во всю голову:
«Ай же, братьица моя крестовые,
«Поспѣвайте ко мнѣ, братьица, на выручку!»
Молодой Иванушка Дубровичъ
Онъ скорешенько бѣжалъ на широкій дворъ:
Во тоя въ великой во горячности
Схватилъ онъ въ руку желѣзную ось
И сталъ онъ Татаровой покалачивать.
Вышли оны на темну орду,
Силушки стали бить, какъ трава косить,

Видать молодцы млы суточки
И не вѣдаются оны, не вылаются.
Прошло поры—времячки двадцать четыре часику,
Силушки видь въ нихъ не уменьшилось,
Сердце богатырско не утихнуло,
А въ орды стало силы мало ставиться.

(Р., I, 160, 161.)

Богатырь Данило Игнатьевичъ носить клюку въ сорокъ
пудъ вѣсу, Алеша

Въ тридцать пудъ шелемугу педорожню,
Въ пятьдесятъ пудъ налугу свиному Чебурацкаго

(К. Д., 184.)

Въ соотвѣтствіе съ силой богатырей и похода ихъ
изображается особенно тяжелою:

Идетъ Михайло Потокъ сынъ Ивановичъ,
Идетъ молодець по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступенки, мостинки подгибаются.

(Р., I, 100.)

и голосъ оглушительно громкимъ:

А скрычалъ Дунай-то гласомъ громкіемъ:
Отъ того палата да и зашаталася.

и сонъ чрезвычайно продолжительнымъ:

Богатырскій сонъ на двѣнадцать дѣлъ
(К., I, 2).

Онъ (Илья) спитъ, старій, храпитъ,
Какъ телега ордынская гремитъ.

(Р., I, 80.)

и наконецъ способность пить огромными приемами, —
чарами въ полтора, полсема, полпята, полтретья ведра.
Представляя богатырей пьющими такъ много, былинны

*

однако влагаютъ въ ихъ уста такого рода насмѣшки надъ прожорливыми великанами:

- Гои еси, ласковой осударь, Владиміръ князь!
- Что у тебя за болванъ сидитъ,
- Что за дуракъ неотесаной?
- Нечестно хлѣба съ солью ѣсть,
- По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть
- И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
- У моего, сударя, батюшки,
- Федора пона Ростовскаго,
- Была коровица старая,
- Насилу изъ двору таскалася,
- Забилася на поварню къ поварамъ,
- Выпила чанъ браги пресныя,
- Отъ того она лопнула...»

(К. Д., 190).

Это можетъ служить однимъ изъ доказательствъ, что былины постоянно соблюдаютъ противоположность между богатырями, обыкновенными людьми, и великанами, чудовищами.

Чрезвычайнымъ особенностямъ личной природы богатырей соответствуетъ и скорость бѣга ихъ коней, и роскошь всей обстановки ихъ жизни.

Но самое сильное проявленіе идеализаціи богатырей дружинниковъ народнымъ творчествомъ заключается въ томъ, что оно окружаетъ ихъ существами сверхъестественными и даже иногда въ собственную жизнь богатырей вводитъ событія чудесныя.

Этотъ элементъ чудеснаго въ нашихъ былинахъ не есть случайный вымыселъ отдѣльныхъ пѣвцовъ, зависящій отъ личнаго произвола ихъ фантазіи; онъ порожденъ тою особенностью общенароднаго міросозерцанія, по которой многое, что совершается съ дѣйствительными

міръ — по внѣшней ли природѣ, какъ онъ явлено, или въ чловѣкѣ, какъ явлено его духа, — народѣ, за недостаткомъ точныхъ понатій и по естественному стремленію, воображаетъ и объясняетъ себя въ видѣ міа или представленіи сверхъестественнаго, при чемъ однако въ сему последнему относится съ полной вѣрой, какъ явленію самой ослѣдательной дѣйствительности. Такое суеверное мышленіе чудеснаго возможно въ разные эпохи народной жизни и вообще стоитъ въ обратномъ отношеніи къ развитію въ народѣ научной образованности. Въ былинахъ, какъ произведеніяхъ словесности устной, постоянно пересказываемыхъ разными лицами, представленіе чудеснаго особенно подтверждено послѣдними измѣненіями и колебаніями: существуя въ одномъ пересказѣ одного эпизода, чудесное представленіе видоизмѣняется или совсѣмъ исчезаетъ въ другомъ — повидимому потому, что вѣнцы этого второго пересказа не допускаютъ его дѣйствительной возможности, въ которую вѣрить вѣнцы перваго. Такъ напр., по пересказу Кирилъ Данилова, стр. 353 и слѣд., Соловей разбойникъ представляется полуптицей, полчеловѣкомъ, который свиститъ по соловьиному, шипитъ по змѣиному, зриваетъ по зѣриному, а по пересказу Кир., I, 26 и слѣд., Соловей — простой разбойникъ изъ мужиковъ; по пересказу Кирилъ Данилова, жена Потока — оборотень лебедь бѣлая, а по нѣкоторыхъ пересказахъ Рыбникова, она только чаровница; по пересказамъ II. и обр., 167 и 377, сама рѣка Дунай произшла изъ крови богатыря этого имени, а по пересказу К. Д., 101, Дунай Ивановичъ, выкупившись въ рѣну, только далъ ей свое имя.

Судя по большинству пересказовъ, можно вообще замѣтить, что въ настоящее время въ былинахъ Владимірова цикла преобладаетъ колоссальное стремленіе слави-

вать чудесное, облакая его въ обстановку дѣйствительнаго быта. Такое стремленіе доказываетъ, что уже самъ народъ въ своемъ возвращеніи перестаетъ давать вѣру етому чудесному. Въ такомъ случаѣ понятно, что и нѣщамъ, пересказывая былины, допускаютъ прелевозъ въ его передачу и вымысль. И дѣйствительно, нѣкоторые эпизоды чудснаго необходимо должны быть объяснены не какъ предметъ обще-народной вѣры, но какъ фантастическій вымысль отдѣльных нѣщевъ. Таковы эпизоды о томъ, что блестящія пугавицы Ильи Муромца напугали разбойниковъ (К., I, 23), слова былины о томъ, что у стрелени Сокольника прикована Змѣя Горышская (К., IV, 13; иначѣ должно предположить цѣлое преданіе о побѣдѣ Сокольника надъ этой Змѣей) и пр.

Будучи по большей части предметомъ обще-народной вѣры, чудесныя представленія былины не составляютъ исключительной принадлежности этихъ произведеній данному эпосу, но повторяются и въ сказкахъ народныхъ, и въ повѣртіяхъ, необлеченныхъ въ поэтическую форму. Но между тѣмъ какъ въ сказкахъ они составляютъ главную завязку сюжета, въ былинахъ они только дополняютъ содержаніе, ваятое изъ дѣйствительнаго быта: выше уже сказано, что назначеніе ихъ въ былинахъ придать болѣе идеальный характеръ богатырямъ. Поэтому или существа и явленія сверхестественныя представляются въ былинахъ враждебными богатырямъ, и послѣдніе надъ ними торжествуютъ, или чудесное благоприятно богатырямъ, содѣйствуетъ успѣху ихъ подвига и составляетъ ихъ апогею.

Къ числу существъ сверхестественныхъ и болѣе или менѣе враждебныхъ богатырямъ принадлежать:

1) *Великаны и великанищи*, съ которыми богатыри вступаютъ въ борьбу, какъ съ носильниками Кіева и Руси во-

обще, почему эти великаны нерѣдно и смѣшиваются съ историческими врагами земли Русской.

Соловей-разбойникъ, съ которымъ борется Илья Муромецъ, — великанъ получеловѣкъ, полуптица; по пересказу К., IV, 3, онъ описывается такимъ образомъ:

По прямиѣжей дорогѣ,
Промежь Кіева и Мурома,
Залегало чудище поганое,
Алатырець некрещеный,
Соловей разбойникъ.
Чинилъ онъ обиды всему міру крещеному:
Никого не пропускалъ
Мимо своей окаленной залоги;
А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
Что вершинами въ небо ввиваются,
Засвиститъ чудище въ полсвиста —
Замретъ листъ въ зеленомъ лѣсу;
Засвиститъ чудище волнымъ свистомъ —
Отглушитъ великаго человека крещенаго.

(К., IV, 2, 3).

А свистъ его, по пересказу Кирши Дан., вотъ какой:

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третьи зривкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильей конь окарачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.

(стр. 353).

У Соловья жена хитрая и мудрая, а сыновья его — оборотни; видя отца привязаннымъ къ стремени булатному, они

Хочутъ обернуться черными воронами,
Съ тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
т. е. Илью (К. Дан., 355).

Ильи страдаетъ въ Соловьѣ —

И попалъ Соловьѣ да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Иномъ къ сырой землѣ.

(К. Дан., 854).

(Сравн. описанія Соловья, какъ существа сверхъестественнаго у К., I, 28, 31, 33, 36 и слѣд., Р., I, 47 и слѣд. 55 и слѣд., II, 6 и 329 и слѣд.)

Въ *Идолиць* или *Одолиць*, также *Идолъ богатырь*, тоже врагъ Ильи, и *Тугаринъ*, противникъ Алеши Подовича, больше человѣческаго, чѣмъ въ Соловьѣ; это богатыри исполины, какъ въ лѣтописи Редедя Косожскій, съ которыми боролся воспитанный Баяномъ Мстиславъ Владиміровичъ.

Въ пересказѣ Кир. IV, 22, 23, *Одолице* описывается слѣдующимъ образомъ:

Не здорово живеть царь Константинъ Боголюбовичъ:
Не стало въ Брусалинѣ четья-цетья церковнаго,
Не стало звона колокольнаго,
Разсѣдилось Одолице поганое,
Поганое Одолице проклятое.
Въ долину Одолице пяти сажень,
Промежду плечами у Одолица коса сажень,
Головища его какъ нивной котель,
Глаза у него какъ чаша питейныя,
Носище какъ палка древокольная.

(К., IV, 22, 23).

Хлѣба онъ ѣстъ по три пуда въ одинъ приемъ, вина духомъ пьетъ по ведру за разъ (К., IV, 28). Сидитъ онъ у князя Владиміра въ новомъ теремѣ, у княгини держитъ руки въ пазухѣ (К., IV, 19) (Ср. описаніе Идолица у Р., I 87, 88, 92, 277 и 278, Ц, 165 и 166).

...*Почти во тьмѣ по словамъ, въ бѣлѣнѣхъ оубо Алешѣ Но-*
повичѣ, одождивающе Тугаринъ Змѣевичъ:

*На вышину двѣ оубо Тугаринъ трехъ сажень,
Промежь плечей косая сажень,
Промежь глазъ калена стрѣла,
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлицы пламень пышетъ,
Изъ ушей дымя столбомъ есметъ.*

(К. Д., 188).

И дѣла:

*Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большее...
А Тугаринъ нечестно хлѣба ѣсть,
Но цѣлой ковриги за шеку мечеть,
Тѣ ковриги монастырскія,
И нечестно Тугаринъ питья пьеть,
По цѣлой чашѣ отхлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.*

(К. Д., 187).

Грудь у него черная; зареветь онъ — дрогнетъ дуброва,
самъ Алеша едва живъ идетъ. Во время боя Тугаринъ хо-
четъ огнемъ спалить, а сидя на конѣ, летаетъ по небе-
бесью на бумажныхъ крыльяхъ.

(К. Д., 184 и 192).

Самая борьба Алеши съ Тугаринымъ происходитъ так-
же, какъ и борьба богатырей съ другими, простыми людь-
ми; побѣда остается на сторонѣ Алеши.

Рядомъ съ великанами нашъ былинный эпосъ знаетъ и
великаншъ. По одной изъ былинъ о битвѣ съ Мамаемъ,
послѣ побитія его войска, на широкое поле Куликово по-
является *Бабинце Мамашина*:

*Головища у бабы съ дощанище,
А главищи-то съ лопаты корщи:*

Она сватается съ Ермакомъ, который и одолеваетъ ее, но только при помощи Ильи Муромца (И. и обр., 152).

Другая былина (К. Д., 365) изображаетъ въ подобныхъ же чертахъ Бабу Горынилку и побѣду надъ ней Добрыни, тоже при помощи Ильи (Ср. тоже у Р., I, 65). При этомъ былина Кирши прибавляетъ, что у Горынилки былъ глубокой погребецъ, въ которомъ богатыри нашли много золота, серебра и цѣннаго русскаго платья.

Жена Добрыни (Кир., II, 29 и Р., I, 128) тоже великанша: она изображается, какъ воинственная паленица, женщина великая, ѣздящая на вѣщемъ конѣ (см. ниже), которой были нечувствительны три тяжелые удара Добрыни; она посадила было его въ свой глубокий карманъ, но потомъ вздумала выйти за него замужъ, потому что онъ ей понравился.

2) *Вѣщія женщины*; таковы:

Жена Михаила Потока или Потыка, красавица Авдотья или Марья, которая представляется въ былинахъ одаренною свойствами чудесными. Какъ дѣвица, она оборотень, лебедь бѣлая:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатымъ жемчугомъ усажена.

(К. Д., 217, ср. Р., I, 206, 207).

Какъ замужняя женщина, она чаровница: по одному предсказу, она ищетъ мудрости надъ мужемъ и обмираетъ (К. Д., 222), по другимъ — обращаетъ его въ камень и поитъ его зельемъ спящимъ или питьемъ забудущимъ (Р., I, 212, 222, 225, 234, II, 75, 79, 83, 86); съ этими свойствами сверхестественными, которымъ былины не сочувствуютъ и за которыя называютъ ее лукавою (Р., I, 214), еретницею (К. Д., 224), роду невѣрнаго и некрещенаго

(Р., I, 200). соединятся и прекрасные короны: она обманывает мужа, измывает ему и вредит разными способами, да что! Носитъ законно: ее убиваетъ.

и. *Прекрасница Марина Катасова*; она ильотъ способности обраться; она любовница Зайы Горынички; она знаетъ разные подлоги и даговоры, поспрашиваетъ кого-ривъ молель, обречивать, другия. Бедныи гавно казнають ее еретницею, стратничае въ цр. и неветуеютъ о лавкахъ ея проваъ Добрыни, изъ которыхъ онакъ онъ выхотисъ пораставуащамъ.

3) *Отенные Змьи*, побждаемы богатырями.

Змья Горыничка или Горыничка, по переселу К., II, 23 и Р., I, 202; описанаеюгъ слѣдующими словами:

Выгра нѣтъ, тучу наднесло,

Тучи нѣтъ, а только дождь дождить,

Дождя — то нѣтъ, искры сыпятся,

Летитъ змише Горыничке,

О двенадцати змий хоботаеъ,

Хочетъ змий его съ конемъ сежеть,

Сама говорятъ таково слово:

•Теперца Добрыня въ моиъ рукахъ,

•Захочу Добрыню теперъ потоплю,

•Захочу—Добрыню въ хобота возьму,

•Въ хобота возьму, на Русь спесу,

•Захочу—Добрыню съймъ-сожру».

Змѣй водится съ развратною Мариной (Кир., II, 41, 45, 48, 53); Добрыня выгналъ его изъ ея палаты, и Змѣй убивалъ, хвостъ поджавъ (К., II, 56). Змѣй живетъ на водѣ, и Добрыня убилъ его именно на берегу рѣки, изъ которой онъ выплылъ; Змѣй похитилъ было сестру Владимира Марью Дивовну (К., VI, 52) или его племянницу Запаву Путятишну (К., II, 26 и слѣд., Р., I, 124 и слѣд.), но Добры-

на освобождѣнъ ее и, по пересказу К. Д., въ бѣломановскихъ пощерахъ Змѣя вынелъ много золота, серебра.

Какъ извѣстно, преданье о похищеннѣ женщины Огненныи Змѣей, борьбѣ съ нею богатыря и освобожденнѣ похищенной — единѣ въ самикъ распространенныхъ мотивахъ народнаго эпоса у многихъ народовъ; этотъ мотивъ существуетъ на Руси и въ сказкахъ, и въ духовныхъ стихахъ, и даже въ житіяхъ святыхъ ¹⁾.

Въ двухъ олонекскихъ пересказахъ одной былинки о Добрынѣ (Р., II, 13, 14) упоминается сверхъестественное существо *Несмака*:

Несмака то среди днѣ летаетъ черныи ворономъ,
По нечакъ ходитъ Змѣякъ Тупаршоманъ,
А по зорямъ то ходитъ добрымъ молодцемъ.

(Р., II, 16).

Какъ Змѣя Горыничъ, Невѣжа застаетъ Добрыню во Пучай рѣкѣ, но Добрыня его

Разсѣлъ-разрубилъ на-мелки части,
И огня то раскдалъ, на огнѣ его сежегъ.

(Р., II, 17).

Змѣя подземелтал, упоминаемая въ былинкахъ о Михайлѣ Потокѣ, тоже погибаетъ отъ него или ему подчиняется.

Къ числу проявленій чудеснаго, обращенныхъ на пользу богатырей, принадлежать *ещице кони*, которые отличаются прензвычайно скорымъ бѣгомъ, чуткостью и тѣмъ, что могутъ говорить человѣческимъ голосомъ. Такіе коней былинки знаютъ у Добрыни (К., II, 23, 33, Р., I, 133, Р., II, 27, 34), Ивана Гостинаго сына (К., III, 26), Михайла

¹⁾ См. напр. Сказки *Аванасьева* вып. 1, 71, 97 и слѣд., *Киреевскаго* Дух. стихи, 2 и слѣд., *Буслаева* Очерки, т. 1, статья о пуронской легендѣ о Петрѣ и Ферронтѣ.

Петина (Р., I, 215), Дюка Степановича (Р., I, 298, II, 182). Такие же кони у великана Тугарина (К. II, 72) и великанини жены Добрыниной (К. II, 29 и Р. I, 129). Впрочем кони известны из сказок (см. напр. Сн. *Ассманссона*, I, 74, II, 74, 87). Должно заметить, что описание чудесных покровов вѣщаго коня принадлежитъ къ числу тѣхъ эпическихъ описаній, которыя постепенно исчезаютъ въ былинахъ; оно примѣняется ко всякимъ конямъ, хотя бы и не чудеснымъ.

Кромѣ того, чудесное, благоприятное богатирямъ, проявляется еще въ слѣдующихъ случаяхъ:

Различныя знаменія природы, сопровождаютъ рожденіе богатыря Добрыни (П. и обр., 360, К., II, 1, 2, 9).

Чудесное море придаетъ богатырю силу; такимъ образомъ калики оттолкну Илью Муромца (К., I, 1, IV, Р., I, 34, II, 2, 3). Подобно тому и въ сказкѣ «Норка възрь», только испивъ такой «сильной» воды, царевичъ могъ поднять мечъ кладенецъ и убить Норку (см. Р. сказки *Ассманссона*, вып. I, 31).

Посредствомъ жидкой и морской воды Хотенъ воскрешаетъ своихъ шурьевъ (П. и обр., 381), Алеша Добрыню (К., IV, 112), а Михайло Потыкъ свою жену (Р., I, 219, II, 62). Хотену принести такую воду змѣя, а Хотену и Алешѣ вѣщій геронъ, камень и въ сказкахъ (см. Р. сн. *Ассманссона*, вып. I, стр. 125). По пересказу К. Д., Михайло Хотену свою жену, которая обмерла, пробуждаетъ тѣмъ, что можетъ тѣло ея *оловою змѣиною* (К. Д., 224). Змѣинныя големы, зашитыя въ паузахъ, камень охраняетъ отъ болѣзней, упоминаются и въ одномъ разговорѣ, приводимомъ г. Терещанкомъ: «въ монхѣ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣйна я сокрыта, отъ змѣя двундесеть оловова, того змѣя страш-

наго. Въ мѣстѣ урлакъ зашити забю мѣткою змѣинни голонь¹⁾.

Съ чудомъ соединяется и смерть *богатырей*: отъ крови Дуная, лишившаго себя жизни, потекла рѣка, прозванная въ память его Дунаемъ (Н. и обр., 167, 377, Р., I, 185 и 186, 194, 197, II, 51). По пересказамъ Рыбникова, отъ крови жены Дунаевой Настаси Королевныи текла потыла рѣка.

Воскрешеніе казненнаго атамана каликъ *Оома Ивановича* (К., III, 84 и слѣд.) составляетъ полную его апофеозу: его спутники, подозревая его въ нарушении клятвы и доповѣди, копали ему очи ясныя,

И тянули языкъ съ теменемъ,
И копали въ сыру землю но бѣдынь грудить.

Когда же онъ оправдался, то

За правду его величю —
Послалъ Господь двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
И пошелъ атаманъ *Оома* сударь *Ивановичъ*
по чисту полю....

Это воскресеніе при участіи ангеловъ представляется кинематоомъ обратнымъ въ отношеніи къ известному разсказу духовнаго стиха объ исходѣ души изъ тѣла и пріемъ ея ангелами (см. Р. Дух. стихи, собр. Н. В. Киреевскихъ, стр. 40).

По пересказу той же былинны у К. Данилова, атаманъ каликій, несправедливо обвиненный въ веровствѣ, шестѣ

¹⁾ Быль Русскаго народа, т. VI, 16.

мѣсяцевъ просидѣлъ въ землѣ, зарытый по поясъ, а когда, на обратномъ пути, калики нашли его, то атаманъ

Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ласень соколъ изъ тепла гнѣзда.

(стр. 237).

Чудесная кончина Ильи Муромца тоже какъ бы составляетъ его апофеозу: по одному пересказу, онъ каменѣетъ въ то время, какъ началъ строить церкву Пещерскую (П. и обр., 356, ср. К., IV, 52). Такое представленіе прямо соотвѣтствуетъ храненію мощей преподобнаго Ильи Муромца въ Кіевскихъ пещерахъ. Самый мотивъ окаменѣнія стоитъ въ связи съ очень распространеннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи повѣрьемъ о томъ, что камни или скалы, существующіе въ этихъ мѣстахъ, суть окаменѣлые люди ¹⁾.

Былина «съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси» (К., IV) распространяетъ преданіе объ окаменѣніи Ильи Муромца и на другихъ богатырей, при чемъ даетъ ему смыслъ нѣсколько иной: окаменѣніе постигаетъ богатырей какъ казнѣ за гордую самонадѣянность, которая побудила ихъ вступить въ бой уже не съ простыми людьми, а съ воителями нездѣшными ²⁾. Этотъ

¹⁾ См. смоленское преданіе «о двенадцати, како и҃ры творили», записанное въ Цѣтникахъ XVII вѣка и напечатанное въ приложенияхъ къ рѣчи Буслова «о народной поэзіи въ древней русской литературѣ», также гуляскоепреданіе «о Башѣ и Башникахъ», сообщенное въ Русскихъ народныхъ праздникахъ, Сивгирева, ч. IV, стр. 69.

²⁾ Замѣтимъ кстати, что образъ этихъ нездѣшныхъ воителей ангеловъ не разъ являлся въ нашей старинной литературѣ: см. Ник. л., т. II, стр. 42 и 43, разсказъ о битвѣ Русскихъ съ Половцами на р. Сальницѣ въ 1142 году, сказаніе о Невскомъ побойшѣ въ Ник. лѣтод. подъ 1241 г. (т. III, стр. 13), и въ Лавр. л., подъ 1263 г., П. С. Р.

идея предѣла власти въ томъ отношеніи, что уравниваетъ на человѣчскій характеръ богатырей: по смыслу его, они погибають именно потому, что хотѣли стать выше своей человѣческой природы.

Обозрѣніе эпизодовъ чудснаго въ былинахъ вообще приводитъ къ тому заключенію, что эти явленія чудснаго присоединяются къ бытовому дѣйствительному содержанію былинъ всегда прямо и непосредственно, какъ самостоятельный, по воззрѣнію народа, фактъ жизни; чудсныя явленія былинъ никогда не исходятъ изъ лица самихъ богатырей, какъ высшихъ существъ, могущихъ распоряжаться судьбою людей по своему произволу; а такимъ образомъ и въ соприкосновеніи съ чудомъ богатыри остаются простыми людьми.

Сохраняя эту человѣческую природу богатырямъ, былины очевидно придаютъ главное значеніе нравственнымъ ихъ свойствамъ; и дѣйствительно—нравственный характеръ нѣкоторыхъ изъ богатырей очерченъ народнымъ творчествомъ довольно подробно и болѣе или менѣе сочувственно, такъ что эти лица являются какъ-бы идеальными типами, въ которыхъ народъ олицетворилъ свои нравственныя идеи.

Л., т. I, стр. 206), также одну изъ редакцій сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ въ Ист. Оч. *Вуслава*, т. II, стр. 174 и 175); сравн., также *Лавр. л.*, годъ 1110 годовъ, по поводу знаменія въ Печерскомъ монастырѣ: «ангелъ приставленъ къ которойubo земли, да соблюдаютъ куюждо землю, аще суть и погани; аще Божій гнѣвъ будетъ на кую либо землю, повелѣвая ангелу тому на кую либо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью Божью. Яко и съ бжше и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганили, и побжахууть ны повелѣнью Божиимъ: они бо блху водами ангеломъ, по повелѣнью Божью» (И. С. Р. Л., т. I, стр. 122).

Соберемъ главныя черты, которыми былины характеризуютъ эти лица въ нравственномъ отношеши; а такъ какъ и общественныя ихъ отличія тѣсно связаны съ нравственными, то нельзя обойти и сихъ послѣднихъ.

Главное лицо между богатырями дружинниками, окружающими Владиміра, есть *Илья Муромецъ*—знамени тѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья разбойника и Идолища, вступникъ князя Владиміра передъ татарскимъ нашествіемъ.

Илья Муромецъ — сынъ крестьянина; онъ дорожитъ своими родовыми связями съ сельскимъ населеніемъ и созданное ими общественное положеніе не хотеть мѣнять на иное, даже болѣе значительное: такъ Смоленягцы (по другимъ пересказамъ, Черниговцы), которыхъ онъ освободилъ отъ татарской осады, зовутъ его къ себѣ воеводою, но онъ отказывается:

«Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
«Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
«Дворянина съ холопа, изъ пона палача,
«А также изъ богатыря воеводу».

(Р., II, 328).

Уже съ запасомъ знаменитыхъ подвиговъ приходитъ онъ ко Владиміру: онъ заявляетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ разбойникомъ, и непостижимо, невѣроятно кажется Владиміру это торжество надъ страннымъ великаномъ, долговременнымъ врагомъ людей кievскихъ; сила, никѣмъ невиданная доселѣ, необходима была для такого дѣла, и именно *силою—ухватною*, какъ отличительною чертою, былины характеризуютъ Илью (К., III, 55, Р., I, 120, 195, II, 21). Только ей одной покоряется Соловей разбойникъ: онъ не слушаетъ призывовъ князя Владиміра и говоритъ ему въ отвѣтъ:

«Не твоя слуга, не тебѣ служу, не тебѣ и слушаю:
«Я служу и слушаю Илью Муромца».

(П. и обр., 119, ср. у Р., I и II).

Чуя приближеніе этой могучей силы, другой противникъ Ильи, Збуть королевичъ, отвязываетъ своего пса отъ стремени, отпускаетъ съ руки яснаго сокола, приговаривая имъ:

«А тепере мнѣ не до тебя пришло».

(К. Д., 362).

Въ сознаніи своей неодолимой силы Илья даже не всегда употребляетъ ее въ дѣло, но только заявляетъ о ней врагамъ: въ чистомъ полѣ напали на него разбойники; Илья не защищается:

Что снимаешь ли старый свой тугій крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сырой толстый дубъ,
Расколомъ онъ этотъ дубъ на четыре грави.
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугались,
По чистому полю разбѣжались.

(К., I, 16).

Вмѣстѣ съ этой неодолимой силой плоти нашего богатыря отличаетъ его *таланъ-участъ* (Р., I, 130), его судьба, которую онъ самъ себѣ создаетъ, руководимый своими нравственными свойствами и инстинктами.

Какъ въ бою противъ трехъ богатырей онъ

стоитъ — не шатнется,

На буйной головѣ, колпакъ не тряхнется,

(К., IV, 47),

такъ же стоекъ онъ и въ людскихъ отношеніяхъ: среди пестрой дружины княжеской онъ вѣрный представитель крестьянства: на врага въ чистомъ полѣ онъ смотритъ не изъ трубочки серебряной, какъ Добрыня, а по просту изъ кулака молодецкаго (К., I, 50); богатство ему не къ разу-

му (К., I, 32); онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязанностей, кромѣ долга богатырскаго, ради котораго онъ пришелъ въ Кіевъ,

къ князю Владиміру
На поможение и сбереженіе.
(К., I, 25, ср. Р., I и II).

Эти слова свидѣтельствуютъ — съ какой довѣрчивостью смотритъ Илья на самого князя; порою это чувство переходитъ въ нѣжную отеческую заботливость: Владиміръ проситъ Илью заставить Соловья свиснуть громкимъ голосомъ, Илья исполняетъ просьбу только съ слѣдующею предосторожностью:

«Ужь ты батюшка нашъ Владиміръ князь!
«Не во гнѣвъ бы тебѣ, батюшка, показалосе:
«Я возьму тея, батюшку, подъ назушку,
«А книжню ту подъ другую».

(II. и обр., 119, ср. К., I, 30).

Томе благодущіе видно и въ обращеніи Ильи съ его товарищами богатырями. Онъ одинъ старикъ между ними, но не раздражительно, а степенно, съ благоразуміемъ, приличнымъ челоуку опытному и бывалому, относится онъ къ людямъ иного, юнѣйшаго поколѣнія: то помогаетъ ослабѣвающему въ битвѣ Добрынь, то учитъ Дюка богатырской поѣздкѣ (Р., II, 164), то, стоя на заставѣ, разсуждаетъ о нравѣ товарищей и сообразно съ нимъ, опредѣляетъ кому идти противъ приближающагося врага. Однажды Алеша Поповичъ раздосадовался на Илью; но и тутъ Муромецъ не вышелъ изъ себя или, лучше сказать, великодушно сдержалъ свой гнѣвъ: Алеша кинулъ въ него ножомъ,

*

Нылыгы на полѣту Илья булатныи ножи,
Взоткнулъ его въ дубовой столѣ.

(П. и обр., 120).

Илья благодушенъ даже съ врагами. Мы видѣли выше, какъ онъ только пугнулъ своей силой разбойниковъ, на него напавшихъ. Только врагамъ иноплеменнымъ онъ не знаетъ пощадъ: при осадѣ Чернигова

Побивалъ онъ всѣхъ Татаръ Чернигскихъ
Съ перваго до послѣдняго.

(К., I, 26).

Съ благодушiемъ въ нравѣ его соединяется и скромность: побѣдивши врага, котораго не могъ одолѣть никто другой изъ богатырей, Илья ограничивается слѣдующею похвалбою:

«Бдиль во полѣ тридцать лѣтъ, —
«Экаго чуда не навъживалъ».

(К., I, 52).

Благодушiе и скромность не мѣшаютъ однако Ильѣ сохранять полную независимость своего характера. Эту независимость онъ обнаруживаетъ преимущественно въ своихъ отношенiяхъ къ княжескимъ дружинникамъ. Простой крестьянинъ, Илья не подчиняется образу ихъ дѣйствiй и поступковъ; такъ, при наступленiи Мамай на Кiевъ, Владимиръ совѣтуется съ дружиною о томъ, какъ съ нимъ воевать. Трусливые князья и бояре говорятъ,

Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да насыщать желтымъ пескомъ,
а Илья подаетъ совѣтъ

Послать къ Мамаю скоро гонца,
Попросить сроку на три мѣсяца,
Чтобы сламъ намъ поисправиться,
А могучимъ богатырямъ посѣхаться.

(П. и обр., 143).

Когда прочие дружинники хотят послужить князю чужой женою, а мужа ее погубить, одинъ Илья возвышаетъ голосъ:

«Ужъ ты батюшка, Владимиръ князь!

«Изведешь ты яскою сокола:

«Не пымать тебѣ белой лебеди!»

(П. и обр., 83).

Врагъ наушничества, Илья самъ дѣлается жертвою боярской клеветы: однажды бояре подмолвились князю:

«Гой еси, батюшко, Владимиръ князь!

«Всѣмъ то намъ яви дары по любви пришли,

«Одному то удалому молодцу

«Дары тѣ не по любви пришли,

«Что поимени то Илья Муромцу».

(П. и обр., 306).

И князь велитъ Илью посадить въ глубокъ погребъ.

Такимъ образомъ, уступая наветамъ боярскимъ, Владимиръ нарушаетъ дружественныя отношенія къ Муромцу. Естественно рождается отъ того пристрастія къ наушничеству, которымъ характеризуется русскій князь издравле, эта враждебность отношеній рѣзкими чертами обозначена въ нѣкоторыхъ былинахъ, — върогатно подъ влияніемъ повднѣйшихъ отношеній центральной власти и близкихъ слугъ ея къ сельскому населенію.

Съ своей стороны, и Муромецъ начинаетъ подозрительно смотрѣть на князя, къ которому такъ довѣрливо относился сначала: однажды Илья приходитъ на пиръ Владиміровъ, не узнавъ княземъ и посаженъ имъ не съ боярами, а съ дѣтьми боярскими:

«Не умѣдъ ты гостя по пріѣздѣ учевствовать,

«На отъѣздѣ гостя, не учевствуешь,

«Самъ ты свѣдѣль со воронами,

«А меня садилъ съ воронятами»

(К., IV, 49, ср. Р., II, 334).

отвѣчаетъ онъ Владиміру. По другой былинѣ, Владиміръ забылъ позвать Илью къ себѣ на пирь:

Тутъ Ильюшенькъ стало зарко:
Скоро онъ тянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ.

(Р., I, 95).

Нѣкоторыя былины только и знаютъ, что враждебныя отношенія между Владиміромъ и Ильей даже при первомъ его появленіи (К., I, 77 и слѣд. Р., I, 323); другія вмѣстѣ съ ссорой знаютъ и примиреніе Ильи съ княземъ (П. и обр., 81 и слѣд., 305 и слѣд.). Вообще многія былины придаютъ Ильѣ прозвище стараго казага и атамана, вѣроятно подъ вліяніемъ позднихъ непріязненныхъ отношеній, между высшимъ классомъ и крестьянствомъ; какъ извѣстно, эти отношенія содѣйствовали распространенію казацкихъ вольницъ на русскихъ окраинахъ. Представляемый казагомъ, Илья Муромецъ въ одной казацкой гвѣснѣ становится даже современникомъ и товарищемъ Стеньки Разина ¹⁾).

¹⁾ См. *Сахарова* Сл. Р. Н., I, 245. Такое измѣненіе общественнаго характера героев народного эпоса замѣтно и въ поэзіи другихъ народовъ; такъ напр. въ древнѣйшихъ поэтическихъ памятникахъ средневековой Испаніи Сидъ представляется какъ непокорный вассалъ Альфонса VI, наказанный его гнѣвомъ, нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, а въ позднѣйшихъ романахъ онъ выведенъ какъ томный любовникъ Химены и представитель самыхъ утонченныхъ понятій о рыцарской чести и вѣрности (указаніе *Дози*, въ его *Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le Moyen Age*, t. I, Leyde, которое мы приводимъ со словъ *Грановскаго* (Соч., т. II, 227), потому что подлинника не имѣли подъ руками).

Въ ладу или не въ ладу съ княземъ, Илья всегда подчиняетъ свои подвиги, свою дѣятельность началу нравственному и религіозному: отправляясь изъ дому въ Кіевъ, онъ ставитъ часовню со своимъ именемъ (П. и обр., 116) или же служить обѣдни запрестольныя, кладетъ завѣты великіе, ставитъ свѣчу дорогую и судитъ другую, еще дороже, за поправление во пути во дороженкѣ (К., I, 77). Его подвиги — не безцѣльный размахъ силы, но защита слабымъ и угнетеннымъ: когда Идолице обнасилничалъ Кіевъ, Илья спѣшитъ освободить стольный городъ; встрѣчая въ полѣ дѣвушку, обѣжавшую отъ соблазнителя Алеши, онъ ей выговариваетъ:

«Охъ ты гої еси, душа ли красна дѣвица!

«Охъ ты что мнѣ да но не сказалася?

«Я бы съ Олешей перевѣдался,

«Я бы снялъ съ Олеша буйну голову.»

(К., I, 5, ср. 92 и 93).

Тѣснымъ врагомъ Сокольничкомъ, Илья взмолился Богу:

«Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,

«Еще болѣ я стоялъ за церковь Божию;

«Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,

«За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ,

«Благочестивыя жены, безмужнія вдовы,

«Онѣ были богомольныя,

«День и ночь онѣ Богу молятся.»

(К., IV, 16, ср. II. и обр., 358).

Конечно цѣною этихъ подвиговъ заслужилъ онъ милость свине: по крайней мѣрѣ бычины вводятъ въ его судьбу непосредственное участіе силъ неземныхъ:

Написано было у святыхъ отцевъ,

Удумано было у Апостоловъ:

Не быть Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.

(К., I, 51, ср. P., I, 58).

Этот то завѣтъ и осуществился въ томъ, что Илья бѣгалъ въ Киевскія пещерахъ.

Это религиозное освещеніе личности Ильи Муромца объясняется тѣмъ, что въ лицѣ его народное творчество съ большою полнотою воплотило лучшія нравственныя понятія и стремленія Русскаго народа и потому естественно не могло не связать ихъ съ народными вѣрованіями и религиозными убѣжденіями.

Добрыня по происхожденію княжичъ. Между тѣмъ какъ Илья Муромецъ является въ дружинѣ Владиміровой какъ представитель крестьянства, во всей простотѣ сельскаго быта, Добрыня — представитель высшаго слоя общества, даже не бояринъ, но родственникъ самого Владиміра, такъ бы князь безъ удѣла. Имя былинны и называютъ его княземъ (П. и обр., 360 и слѣд., ср. К., II, 4 и слѣд.), но тѣмъ не менѣе вообще онѣ представляютъ его не какъ лицо вполне независимое, а какъ члена Владиміровой дружины, на ряду съ прочими дружинниками.

Лицо изъ высшаго сословія общества, богачъ (К. Д., 345), Добрыня служитъ представителемъ высшей степени образованности, возможной въ его время (П. и обр., 114):

А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотъ учиться;
А грамота Добрынѣ въ наукъ пошла;
Присадила его матушка перомъ писать.

(К. Д., 345).

Оттого онъ и слыветъ за человѣка «грамотой востраго» (Р., II, 174, 334).

Кромѣ того онъ мастеръ пѣть и играть на гусяхъ или гудкѣ, такъ что переодѣтый въ платье скomorошеское — онъ не былъ узнавъ ни матерью, ни княземъ Владиміромъ; онъ и стрѣлецъ превосходный (К., II, 88), и плавать гораздъ

(К., II, 25, Р., I, 123), и игрокъ умилыный въ тавлеи-шахматы:

Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,
Съ малыми ребятами игривалъ.

(К. II., 85).

Онъ и борець отличный:

Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,
Съ малыми ребятами барывался.

(К., II, 86, ср. К., III, 56).

Онъ знаетъ всѣ тонкости людскаго обращенія: онъ челоуѣкъ почестливый, учтивый (П. и обр., 357). Входитъ ли въ палаты княжескія, онъ

Крестъ кладеть по писаному,
Покломъ ведеть по ученому,
Солнышку Владиміру во особину.

(К., II, 34, Р., I, 133).

Найдеть ли врага въ полѣ, онъ

знаетъ, какъ съ богатыремъ съхватяся,
Знаетъ, какъ богатырю часть отдать.

(К., IV, 13).

И у врага онъ

Будеть спрашивать про имя, по вотчину.

(П. и обр., 357).

Владиміра онъ упрекаетъ, что князь не умѣлъ гостя на приѣздѣ учествовать, — не учествуетъ и на отъѣздѣ (К., IV, 48). О немъ молва, что за нарушение учтивости, за поступки неумилыныя онъ способенъ даже отрубить буйну голову (К., II, 35, Р., I, 134).

Онъ на рѣчахъ разуменъ (Р., II, 174, 334, ср. П. и обр., 114):

У него ли рѣчи привѣтливы,

У него ли рѣчи умильныя,
Онъ прельстятъ и уговорить.

(Р., I, 195).

Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ, отличающихъ Добрыню, былины называютъ вѣжествомъ (К., II, 31, ср. Р. I и II). Это вѣжество «прирожденное», стало быть наследованное Добрыней отъ предковъ, собственное его княженическому роду. Его вѣжество и происхождение дали направление его дѣятельности, и вотъ какія службы справлялъ Добрыня при Владимірѣ:

Три года у князя стольничалъ,
Да три года у князя харешничалъ,
Да три года у князя въ приворотничкахъ былъ.

(К., Д., 61, К., II, 41, ср. 48)

Наконецъ бывалъ онъ, и не разъ, во послахъ (К., II, 84, III, 54, II. и обр., 114).

Впрочемъ довокъ Добрыня и въ бою: онъ убилъ Змѣя Горыныча, перебилъ много Татаровей,

Сѣздилъ въ дальны орды немирныя,
Вырубилъ Чудь бѣлолазую,
Прекротилъ Сорочину долгополюю
И тѣхъ Черкесь Пятигорскѣихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ со Татарами,
Чукши всѣ и Алюторы.

(К. Д., 201).

Въ бою онъ легко увлекается:

Молодецкое сердечушко разгорчивое и неунычивое.
(К., II, 41).

и далеко не такъ стоекъ, какъ Илья: когда богатырь нахвальщина напущалъ на него своего коня,—

Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ;
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу взмолется,

И Мать Пресвятой Богородицы:

«Унеси, Господи, отъ нахвальщика.»

Подъ Добрыней конь посправился,—

Уъхалъ на заставу богатырскую.

(К., I, 49).

Былины коротко знаютъ нравъ Добрыни въ частной жизни: человекъ тихій и смиренный (Р., I, 195), онъ исполненъ уваженія къ своей матери: напутствуемый ея благословеніемъ, ѣдетъ онъ на богатырскіе подвиги; ея надзору поручаетъ онъ свою молодую жену, отъѣзжая на далекую службу. Знаютъ былины и его гульбу по Кіеву, и его сношенія съ еретницей Мариной, — вѣроятно въ ранней молодости, но тѣмъ не менѣе выставляютъ его нѣжнымъ и попечительнымъ мужемъ, который милостиво принимаетъ жену, принужденную склониться на бракъ съ Алешей во время Добрынина отсутствія.

Не одинъ Добрыня служить въ былинахъ представителемъ высшаго зажиточнаго и образованнѣйшаго класса: таковы, бояринъ Ставръ Годиновичъ и княжескій ловчанинъ Данило Денисьевичъ, оба известные въ былинахъ по своимъ вѣрнымъ женамъ; таковы и молодые бояре Дюкъ Степановичъ, Чурила Пленковичъ, Хотень Блудовичъ. Не такъ славны они своими подвигами, какъ богатствами или житьемъ-бытьемъ — черта, напоминающая о той роскошной и богатой жизни, которую славился Кіевъ XI, XII вѣговъ даже на западѣ. «Боярскіе роды хвастливые», замѣчаетъ одна былина (К., IV, 8), и дѣйствительно эти бояре, и старые и молодые, не прочь похвалиться своимъ житьемъ-бытьемъ.

Хвастовство и чванство особенно отличаютъ молодого богача *Дюка Степановича*, боярскаго или княженецкаго сына. Онъ только на время пріѣзжаетъ къ князю Владимі-

ру изъ далекихъ странъ, изъ Волынца Красна Галичя или даже, по нѣкоторымъ пересказамъ, изъ Индѣи богатой, но въ свое непродолжительное пребываніе въ Кіевѣ онъ успѣваетъ перещегодять всѣхъ блескомъ своихъ одеждъ и, благодаря своимъ превосходнымъ конямъ, выиграть огромный закладъ у Чурилы (по другимъ пересказамъ, у Алеши Поповича); на пиру у Владиміра Дюкъ чванливо брезгуетъ княжескимъ угощеніемъ, противопоставляя ему свое роскошное житье-бытье: это возбуждаетъ любопытство Владиміра, и онъ посылаетъ къ Дюку оцѣнщиковъ, но тѣ, видя неисчислимыя богатства, нишутъ князю такой отвѣтъ:

«Ты славный Владиміръ стодьно-Кіевскій!
«Продай-ко свой стодьно-Кіевъ градъ
«На эти бумаги на гербовыя,
«Да на чернила, перья продай още Черниговъ градъ,
«Тогда можешь Дюково имѣнье описывать».

(Р., I, 295).

Имѣнье-богатство Дюка вошло даже въ пословицу между богатырями.

Личность Чурилы Демчовича охарактеризована въ былинахъ многими яркими подробностями. Чурида чрезвычайно бодръ и красивъ собою: у него

Волосини — золота дуга — серебряная,
Шей у Чурилы быдто бѣлый сѣтъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна собола.

(Р., I, 264).

Встанеть Чурида ранехынько,
Умывается Цыпенковичъ бѣлехынько;
Надѣвать сапожки — зеленъ сафьянъ,
Пятки гладки, носки плоски,

Кругъ пята—хоть щемъ прокати,

Подъ пату воробей проскачи.

(П. и Обр., стр. 120 и 121).

Вздить ли онъ со своей дружиною,

Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,

Чтобъ не занѣкло солнце бѣла его лица.

(К., Д., 162).

Владимиръ охотно беретъ такого красавца къ себѣ въ придворную службу, и Киевлянъ поражаетъ красота Чурилы, особенно его «походкащаливая», не разъ прославляемая блинами:

Онъ добро по городу погуливалъ:

Подъ нимъ травка муравка не топчется,

Лазоревый цвѣтокъ не ломится,

Зеленъ сафьянъ на немъ не тряхнется.

Что съ вечера пороша порошила,

Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,

Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.

По той то порошѣ два слѣдочка лежатъ,

Малымъ то малы коротешеньки.

Стары старики собиралися,

Они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:

«Чьи эти слѣдки малешеньки,

«Малымъ то малы коротешеньки?

«Это молода Чурилы, сына Пленковича».

(П. и обр., 259 и 260).

Заглядѣлись на Чурилу все люди тѣ:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,

Гдѣ молодунки глядятъ—лишь оконенки звенять,

Гдѣ стары глядятъ, манатьи на себѣ берутъ.

(П. и обр., 121).

На пиру заглядѣлась на Чурилу и княгиня Апраксѣвна.

Порѣзала княгиня руку бѣлую,

Со стыду со сраму подъ столъ руку свѣспла

(П. и обр. 120).

У князя Чурила справляетъ должности стольника, позовщика и постельника.

Своими нравственными свойствами щеголь Чурила выражаетъ всю испорченность исключительно придворной жизни: онъ изнѣженъ ея роскошью, онъ самоувѣренъ и спѣшитъ заклеить насмѣшкою чужія достоинства, которымъ самъ завидуетъ; такъ, онъ передъ Владиміромъ оговариваетъ Дюка въ самохвальствѣ и гордости, завидуя его богатству (К. Д., 27). Накопецъ, избалованный своей красотой, онъ страстный искатель любовныхъ приключеній: онъ соблазняетъ жену стараго Бермяты.

Алеша Поповичъ, подобно Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу, — одно изъ главныхъ лицъ среди всего круга былинныхъ героевъ. Эти три богатыря — братья названные между собою; когда они съ другими богатырями стоятъ на заставѣ богатырской, то занимаютъ главныя должности: Илья Муромецъ атамана, Добрыня подъатаманья, Алеша есаула (К., I, 48); когда Батый подступаетъ къ Кіеву, то требуетъ выдачи ихъ троихъ, какъ перваго условія (К., IV, 41). Но между тѣмъ какъ былины въ Ильѣ и Добрынѣ изображаютъ два вполне сочувственные народу лица, Алешу онѣ противопоставляютъ этимъ богатырямъ, какъ воплощеніе нѣсколькихъ свойствъ порочныхъ; эти пороки былины представляютъ отчасти какъ особенности его личнаго характера, отчасти же признаютъ отличительными чертами того сословія, къ которому принадлежитъ Алеша по происхожденію; вотъ какъ эпосъ выражаетъ эту мысль о сословной наследственности Алешиныхъ пороковъ: однажды богатыри, стоя на заставѣ, разсуждаютъ — кого бы послать противъ наѣзжающаго врага: положились было на Алешу Поповича, но Илья Муромецъ молвилъ:

«Не ладно, ребятушки, положили:

«Алешинька рода поповскаго;
«Поповскіе глаза завидуціе,
«Поповскія руки загребуція;
«Увидитъ Алеша на нахвальщицѣ
«Много злата, серебра,
«Злату Алеша позавидууетъ;
«Погинетъ Алеша понапрасному».

(К., I, 48, ср. Р., II, 144 ¹⁾).

Уже отъ XII, XIII и XIV вѣковъ сохранились въ нашей литературѣ обличенія противъ пороковъ церковнослужителей, и именно противъ корыстолюбія и мздоимства направлены были упреки митрополита Кипріяна ²⁾ и протестъ новгородскихъ и псковскихъ стригольниковъ. Нельзя не видѣть связи этихъ заявленій съ сатирическими намеками нашего эпоса, нашедшими себѣ еще большее подтвержденіе во времена позднѣйшія.

По скудости извѣстій трудно сказать, — какое отношеніе имѣетъ характеръ былиннаго Алеши къ тому дѣйствительно историческому лицу, о которомъ говорятъ дѣтописи подъ именемъ Александра Поповича; весьма однако вѣроятно, что не столько ~~личныя~~ черты этого лица, сколько родовое его прозвище опредѣлили былинную характеристику Алеши.

Алеша Поповичъ младъ родомъ изъ славнаго Ростова, красна города, сынъ Федора, стараго попа соборнаго (К. Д., 187, 191).

На службѣ у Владиміра Поповичъ является то дружинникомъ богатыремъ, который съ товарищами стоитъ на за-

¹⁾ Ср. цѣлыя рассказы, въ которыхъ пощъ характеризуется въ такомъ смыслѣ въ Русскихъ народныхъ легендахъ, вид. А. *Аномасевымъ*, стр. 15 слѣд. и 19 слѣд.

²⁾ Ист. Р. сл., *Шеверова*, III, 179.

ставѣ подѣ Киевомъ, то придворнымъ, прислушникомъ князя и княгини.

По личнымъ своимъ качествамъ Алеша особенно отличается смѣлостью; «смѣлый» постоянное его прозвище (напр. Пам. и обр., 316, К., II, 32, Р., I, 132 и пр.); самъ онъ считаетъ себя *всѣхъ богатырей поудалѣе*, и своего коня *порыскуцѣе* (К., I, 8); онъ даже «зарывчатъ» (Р., I, 76); поэтому съ нимъ случается, что онъ «изверветъ силу» до встрѣчи съ противникомъ (Р., I, 76); увлекшись побѣдой надъ земными врагами, Алеша вызываетъ на бой даже силу нездѣшнюю:

«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

но эта чудная сила одолеваетъ. Вмѣстѣ съ этими свойствами Алеша горделивъ спѣсивъ (К., IV, 13) бранчивъ, задоренъ и грубъ:

У Алеша вѣжество нерожденое.

(К. Д., 233).

Въ бою онъ не то, что силенъ и храбръ, какъ Илья, но вертокъ (К. Д., 190), а хитеръ: хитростью онъ подманиваетъ къ себѣ Тугаринъ, чтобы удобнѣе его поразить (К. Д., 184); хитростью дѣлаетъ онъ и другія дѣла житейскія. Онъ насмѣшникъ женскій, пересмѣшникъ (II и обр., 361 К., I, 5, 12, Р., I и II): онъ смѣется надъ княгинею Апраксѣвной, что ей нравится Тугаринъ (К. Д., 194); отъ его преслѣдованія бѣжала съ новыхъ свѣчей красна дѣвица, дочь гостиная (К., I, 3), онъ опуталъ было своими кознями и жену Добрыни, а сестру братьевъ Збродовичей и совсѣмъ было опозорилъ (К., II, 67). Наконецъ, Алеша слыветъ и судейскимъ перелестничкомъ (К., II, 6). Былины не рассказываютъ его походовъ прямо по этой части, но знаютъ однако нѣчто подобное, повѣствуя о томъ, какъ онъ плутовски уговариваетъ каличьго

атаманъ погостить у княгини Авраковны, подкладываетъ атаману Владимірову чарочку и потомъ, обвиняя калитъ въ веровствѣ, является къ нимъ на обѣдъ (К. Д.; былина о 40 калитахъ съ калиткою).

Василій млыниця — беззаботный гуляка, то и дѣло, что гуляеть по крумедары; богатыремъ онъ проявляется случайно: однажды Батый напалъ на Кіевъ,

Не случилось во Кіевѣ богатырей,
Одна объявилась голь кабацкая,
Не прозваньяу Василій смилъ Игнатъевичъ.

(Р., II, 38, стр. II. и обр., 89).

Но прежде, чѣмъ идти въ бой, Василій потребовалъ, чтобы Владиміръ далъ ему опохмѣлиться. Онъ выпилъ три огромныя чары и потомъ, выйдя противъ Татаръ, разбилъ ихъ и убилъ предводителей. По одному пересказу (II. и обр., 88 и слѣд.), Василій и совсѣмъ не хотѣлъ идти въ бой, еслибы его не уговорилъ самъ князь, прійдя въ кружело, гдѣ Василій лежалъ на печи — нагъ, ни ниточки.

Нельзя въ этомъ лицѣ искать какого нибудь дѣльнаго общественнаго или нравственнаго типа: былины даютъ слишкомъ мало для такой характеристики; но въ проявленіяхъ Василія не безъ основанія можно видѣть то отчаянное настроеніе, которое иногда обнаруживали простые классы нашего народа въ эпоху общественныхъ бѣдствій; въ одномъ историческомъ сказаніи, внесенномъ въ лѣтопись, есть даже дѣльный эпизодъ, напоминающій подвигъ Цылици: только по сказанію, въ XIV вѣкѣ и въ Москвѣ происходитъ то, что былины относятъ ко временамъ Батыя, въ нашествіи на Кіевъ. Въ 1381 году, во время осады Москвы Тохтамышемъ, почти все населеніе, застигнутое въ расплохъ и лишенное возможности защищаться, предалось пьянству; не многіе дѣйствовали со стѣнъ противъ непріа-

тади и между прочимъ, «бѣго граванино Москвитина су-
конникъ, дмадомъ Адамъ, са Бродовскіиъ: поритъ нусти
сроду изъ самострела и уби кѣсого отъ князей ордин-
скихъ, сына нарочита и славна суца, і печаль велику, со-
творя Тахтамышу дарю і дѣломъ княземъ его-¹⁾). Биллины
идеализируютъ дѣйствительное событіе, констатируютъ его
въ любимую героическую эпоху и въ заслуженной удачѣ од-
дѣльного лица видятъ пробужденіе побѣдоносной энергіи
народа ²⁾).

Не смотря на свою побѣду, Василій шлохалется зъ бы-
линахъ не совсемъ ловимъ въ бою:

У Васьки помы дождя,
Но землі ходитъ Васька—заплетається,
На бою на дракъ заплетається.

(К., I, 47).

По этому посланный вмѣстѣ съ Добрыней отвозить въ
орду даны выходы, Василій не беретъ на себя богатыр-
скихъ упражненій, на которыя вызываетъ Батый и предо-
ставляетъ ихъ своему спутнику; Василій же только бьетъ
челомъ и держитъ рѣчи къ царю.

Таковы разнохарактерныя лица, составляющія, по бы-
линамъ, богатырскую дружину князя Владимира и являю-
щіеся въ ней представителями различныхъ классовъ наро-
да. Въ дополненіе къ этимъ мужскимъ лицамъ должно упо-
мянуть и о нѣсколькихъ лицахъ женскихъ. Женскія лица
не многочисленны и взяты изъ одного только класса на-
рода: онѣ принадлежатъ или нѣ княжеской семьѣ, или къ
семьямъ дружинниковъ; поэтому въ женскихъ лицахъ не
указаны слѣды общественныхъ различій, столь очевидныя
въ лицахъ богатырей дружинниковъ. Въ своихъ женскихъ

¹⁾ Р. 4. во Цик. см. т. IV, 135.

²⁾ Это сближеніе указано *Шевырскимъ*, Ист. Р. Сл., т. III, 292.

иногда бранили-обображали: преимущественно обидя чер-
ты женской природы, при чемъ индивидуальныя ихъ строгая
нравственной одинокъ. Чаще всего женщина изображается
какъ жена: по понятію былинъ, супружеская привязанность
есть основа семейнаго счастья и пробный камень женскихъ
характеровъ. Подобно знаменитому слову Давида Заточ-
ника, былинныя стени опредѣленно различаютъ нравствен-
ныя стени жены злой и доброй.

Подъ типъ жены злой подходятъ и чудесныя существа,
назови жена Иотона и Марина, и жена Ивана Годиновича,
и Катерина прекрасная, жена Бермита, любовница Чури-
лы. Но наиболее полно выразился этотъ типъ въ лицѣ
молодой жены Владиміра, княгини *Афросини, Отраксы*
или *Африксезны*.

Былины знаютъ ее еще въ дѣвчествѣ; она чествова рода
дочь, королевична, дочь грознаго короля Золотой орды,
Етмануила Етмануиловича или, по другимъ пересказамъ,
дочь короля Лихонинскаго. Богатырь Дунай, прочя ее въ
невесты Владиміру, описываетъ ее слѣдующими словами:

Сидеть Афросинья въ выськомъ терему,
За тридцать самками булатными,
А и буйные вѣтры не вихнуть на се,
А красное солнце не печеть лицо,
А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
Станомъ статна и умомъ сверстна,
Бѣлое лицо какъ бы бѣлой снѣгъ,
А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ.
Черныя брови какъ бы соболи,
Исныя очи какъ у сокола.

(К. Д., 87, К., III, 54, 61)

Къ тому же она и

Въ грамоту и княца поучена.

(К., III, 55).

Слава ей красота такъ велика, что и после брака царя
Каликъ подымаетъ къ за нея войну съ Владиміромъ,

Хочетъ отъ жива мужа жену отнять.

(Р., I, 98, 102, 114 и слѣд.)...

Какъ сужруга Владиміра, она помня хозяйка въ его до-
мѣ: на пирахъ она рядомъ съ кнземъ принимаетъ богаты-
рей, напр. Илья Муромца, Ивана Годиновича, Дюба Сте-
пановича, Соловья Будиміровича, и беретъ отъ нихъ во-
дарки. Съ нею князь ѣдитъ въ гости къ Чурилѣ въ Кие-
вецъ (К. Д., 160, Р., I, 283); она принимаетъ участие въ
дѣлахъ богатырей, сватаетъ Алешу Поповича; (П. и обр.,
87), старается успокоить гнѣвъ Дуная на его жену (К.
Д., 99).

Что она умомъ сверстна, — это обнаруживается тѣмъ,
что княгиня прежде всѣхъ подмѣчаетъ примѣты женскія въ
женѣ Ставра, переходѣтой мужчиною, вопреки убѣжденію
князя, который сердито прибраниваетъ жену, но потомъ
самъ въ томъ убѣждается (К. Д., 127 и слѣд.); она же бы-
ла сдогодлива, три года помла-кормила Илью Муромца,
котораго Владиміръ велѣлъ бросить на смерть въ погреба
глубокіе, и потомъ, когда обстала Киевъ сила невѣрная,
она присоветовала князю справиться: не живъ ли Муро-
мецъ и не поможетъ ли онъ бѣдѣ (К., I, 68, 59)? Но тѣмъ
не менѣе умная и красивая княгиня не исполняетъ долга
доброй жены: она не вѣрна мужу — то соблазняетъ краси-
ваго атамана каликъ Касьяна Михайловича, то заглядится
на Чурилу Пленковича и у души его держитъ (К., IV, 85,
Р., I, 266), те водится съ Идоллицемъ поганымъ (К., IV,
19), то на пиру сажаетъ подлѣ себя Тугарина Змѣевича
и не только не смущается, что онъ ее грубо ласкаетъ и
цѣлуетъ въ уста сахарниа, но еще при всѣхъ гостяхъ пѣ-
насть Алешѣ Поповичу, убившему Тугарина:

«Деревоищица ты, осельщица,
«Разлучила меня съ другомъ милымъ».
(К. Д. 191, 192).

Въ порывѣ страсти она мститъ каликѣ Касьяну, должно обвинивъ его въ воровствѣ, въ наказаніе за свои грѣхи подвергается страшной болѣзни и, исцѣдившись чудомъ калики, опять таки

Молодому Касьяну поклоняется
Безъ стыда, безъ сору,му,
А грѣхъ свой на умѣ держить.
(К. Д., 240.)

Въ противоположность этому порочному существу былины съ сочувствіемъ изображаютъ два женскихъ лица, въ которыхъ онѣ предполагаютъ воплощеніе женскихъ добродѣтелей. Это *Василиса* и *Настасья Никулины*. Василиса Никулинина по былинамъ представляется то женою богатыря Даниила, то женою Ставра боярина¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ она сохраняетъ однѣ и тѣ же основныя черты характера, сообщеннаго ей народнымъ творчествомъ, но между тѣмъ какъ въ былинахъ перваго рода трагическое окончаніе ея судьбы придаетъ ея лицу строгость и важность, счастливыя исходы ея приключеній по былинамъ втораго рода изображаетъ ее въ чертахъ по преимуществу мягкихъ и изящныхъ. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ изъ приближенныхъ Владимира характеризуетъ Василису, какъ жену Даниила:

Много я тужала по димъ землямъ,
Много видалъ я корчлевищюкъ,
Много видалъ и изъ ума пыталъ:

¹⁾ Въ пересказъ Кир., III, стр. 28 в слѣд. Василиса случайно смѣшана съ Настасьею, но по сравненію съ слѣдующимъ пересказомъ видно, что дѣло идетъ о Василисѣ.

Котора лицомъ красна, умомъ не сверстна,
Котора умомъ сверстна, лицомъ не красна;
Не находивалъ я такой красавицы,
Не видывалъ я эдакой пригожницы, —
У тово у Данилы у Денисьича,
Ишшо та ли Василиса Никулишна:
И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
И русскую умѣеть бодню грамоту,
И четью-пѣтью горрада церковному;
Ишшо было бы кого знать намъ матушкой,
Величать намъ государыней!

(II. и орб., 82.)

Словомъ, злой совѣтникъ предлагаетъ князю, тогда еще холостому, взять за себя Василису, а мужа ей если не убить, то удалить безвозвратно. И такъ обстоятельства вынуждаютъ на испытаніе супружескую преданность Василисы. Данила уѣхалъ, а князь зоветъ къ себѣ его жену. Оскорбленная женщина не спѣшитъ однако выразить свое негодованіе. Напротивъ того она безропотно выслушиваетъ приказъ княжескій, залывается слезами и потому ѣдетъ, но не въ Кіевъ, а въ чистое поле, къ мужу, чтобы дать ему вѣсть о случившемся. Данила лишаетъ себя жизни. Тогда князь возобновляетъ свои требованія и велитъ Василисѣ наряжаться въ платье подвѣнчное. И тутъ безропотно вдова исполняетъ его волю, только проситъ позволенія ей проститься съ милымъ покойнымъ мужемъ, и въ чистомъ полѣ, надъ трупомъ Данилы,

Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.

(II. и обр., 86.)

Подвигомъ неуклонной преданности любимому мужу, кончаетъ жизнь эта женщина, одаренная тѣмъ докорностью

судьбы и тем глубинною сдержаннаго, но строго-неподкупнаго чувства, которая былина отбѣчаетъ въ ея характерѣ, давая ей прозвучать грозной.

Почти въ тѣхъ же обстоятельствахъ явлется Василиса и какъ жена Ставра: Владимиръ посадилъ этого боярина въ темницу, жена узнала о мужниной бѣдѣ и выручаетъ его. Такимъ образомъ, какъ жена Ставра—Василиса отличается предприимчивостью, между тѣмъ какъ въ былинахъ о Данилѣ она выражаетъ рѣшимость преимущественно страдательную.

«Цолювсети будетъ Ставра догадками женскими!»

(Р. II, 95, 105.)

говорить Василиса, обдумывая свое намѣреніе. И дѣйствительно, не даромъ Ставрѣ хвалился ею, что она

Всѣхъ то князей—боляръ приобманеть,

Самого тебѣ Владимира съ ума сведеть.

(Р. I, 241, 242, 245, II, 94, 104, 115.)

Василиса пересѣвается мужчиной, грознымъ посланцемъ Васильемъ, и конечно съ опасностью жизни ѣдетъ къ князю; тутъ княгиня узнаетъ было въ ней женщину:

«Знаю я приняты всѣ по женскому;

«Она по двору идетъ—будто уточка плаваетъ,

«А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,

«А на лавку садится—коленца жметъ,

«А и ручки блѣньки, пальчики тоненьки,

«Дужины изъ перстовъ не выщипъ всѣ.»

(К. Д., 128, ср. Р., I и II.)

Но князь, не довѣря этимъ словамъ, предлагаетъ поеду бороться:

Тако иисодъ буде женщина,

Не станеть онъ въ Киевѣ бороться.

(К. Д., 128.)

Василиса выдерживает и это испытаніе, и еще два дру-
гихъ; потомъ, подъ предлогомъ развлеченія, она проситъ
Владиміра вывести изъ погреба Ставра, какъ мастера нѣтъ
и играть на гусляхъ. Владиміръ исполняетъ это жела-
ніе, и Ставръ освобожденъ. Такъ торжествуетъ смѣли-
вость Василисы въ дѣлѣ, которое любящая жена не задумалась
предпринять съ воимъ увлеченіемъ самопожертво-
ванія и въ которомъ ея чувство вдохновило ее на цѣлый
рядъ энергическихъ подвиговъ, достойныхъ мужчины-бо-
гатыря.

Настасью Нидулцину былинны изображаютъ и дѣвицею,
и замуженою женщиною. Дѣвицею она представляется какъ
воинственная паленица, подягающая въ чистотѣ полѣ, и
великанша, предъ величіемъ и силою которой оробѣлъ
самъ Добрыня (см. выше). Въ замужествѣ исчезаютъ чу-
десныя свойства ея природы и воинственность, и былинны
изображаютъ ее нѣжно любящею женою, покорною и му-
жу, и его «государыня матушкѣ». Подобно Василисѣ,
характеристику Настасья былинны ограничиваютъ однимъ
только случаемъ разлуки съ мужемъ. Добрыня принужденъ
съ нею разстаться надолго, а можетъ быть и навсегда:
онъ поручаетъ Настасью заботамъ матери и даетъ женѣ за-
повѣдь шесть лѣтъ не выходить ни за кого замужъ. Вѣрная
Настасья не только исполняетъ долгъ свой, но еще удво-
ваетъ срокъ его; на исходѣ двѣнадцатаго года самъ Вла-
диміръ сватаетъ за нее Алешу Поповича, который приво-
зитъ вѣсть о Добрыниной гибели; менѣе рѣшительная и
энергическая чѣмъ Василиса Данилова, Настасья не ищетъ
себѣ смерти; смущенная, не имѣющая ни въ чемъ опоры,
она принуждена согласиться на бракъ, но въ самое время
свадебнаго пира возвращается Добрыня:

Итакъ Настасья засовалася,

Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.

(К. Д. 222.)

Добрыня ласково встрѣчаетъ такой порывъ ея чувства и прощаетъ свою нѣжную и многолюбящую супругу.

Былины говорятъ, что на пирахъ Владиміра безумные хвастаютъ молодыми женами, а разумные старыми матерями. Женскія лица былинь оправдываютъ такое воззрѣніе: въ числѣ женъ богатырей былины выводятъ и хорошихъ, и дурныхъ; напротивъ того матери богатырей всегда изображаются въ величайшемъ сочувствіемъ и даже почетомъ. Это типъ до того опредѣленный, что матери разныхъ богатырей характеризуются одними и тѣми же постоянными чертами, впрочемъ очень немногочисленными.

Мать богатыря, по имени обыкновенно Амелфа Тимофеевна и Афімья Александровна, всегда честная, матерая вдова, набожная, многоразумная; она всегда любима и уважаема сыномъ:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Ужь не шелковая трава разстилается,
Ужь какъ сынъ передъ матерью кланяется.

(К., II, 1.)

Сама она исполнена нѣжной къ нему привязанности, которую былины изображаютъ яркими чертами:

Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала его родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по налаты похаживать
Начала голосомъ поваживать,
Жалобнохонько она съ причетью.

(Р., II, 31.)

Вмѣстѣ съ сыномъ скорбитъ она о его невагодахъ и утѣ-

шаетъ его: мать богатыря — его наставница и воспитательница, и горе тому сыну, который ослушается материнскихъ совѣтовъ; это ослушаніе всегда не къ добру. Вообще мать изображается какъ лицо въ высшей степени почтенное и достойное уваженія.

Этимъ мы заключимъ очеркъ характера отдѣльныхъ лицъ, изображенныхъ въ былинахъ Владимірова цикла. Намъ остается только прибавить нѣсколько словъ о народномъ значеніи произведеній, насъ занимающихъ.

Подвиги и приключенія Владиміровыхъ богатырей дружинниковъ — по большей части вымышленны, но побужденія, ихъ создающія, и самый образъ дѣйствія былинныхъ героевъ такъ близки къ дѣйствительнымъ явленіямъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась въ отдѣльное государственное тѣло, что общій смыслъ богатырской дѣятельности, а слѣдственно и смыслъ эпоса о ней, — уже историческій, и стало быть быliny Владимірова цикла имѣютъ для народа значеніе какъ воспоминаніе, конечно вполне достовѣрное на его взглядъ, объ отдаленнѣйшемъ прошедшемъ родной земли, воспоминаніе тѣмъ болѣе драгоценное, что оно представляетъ родную старину въ яркихъ краскахъ и самыми привлекательными чертами. Этимъ объясняется та живучесть и свѣжесть, съ которою отъ глубоко-древней эпохи до нашего времени быliny сохранились въ народной памяти.

Значеніе нашихъ былинъ становится еще шире и полнѣе благодаря прочному нравственному смыслу ихъ содржанія. Независимо отъ условій поэтическаго воспроизведенія дорогой народной старины, быliny Владимірова цикла поучительны для народа, какъ рядъ разнообразныхъ картинъ житейскихъ явленій и людскихъ отноше-

ній: въ былинахъ народъ съ умилениемъ видитъ образцы высокихъ доблестей общественныхъ, образцы нѣжной супружеской привязанности, образцы любви къ слабому и угнетенному, кротости, прямодушія, благоразумія, твердости, самопожертвованія, — и рядомъ имѣеть случай справедливо осудить проявленія хвастовства, гордости, наглости, хитрости, жестокости... И всѣ эти картины и образы тѣмъ выше становятся въ нравственномъ отношеніи, что они представляютъ собою не лирическое заявленіе личнаго мнѣнія, не протестъ отдѣльныхъ лицъ противъ гнетащаго зла и несправедливости, но истинно эпическое высшее начало примиренія добра со зломъ, которое въ своемъ приговорѣ по дѣломъ воздаетъ каждому человѣку и спокойно и безпристрастно, но не равнодушно, не безстрастно изображаетъ дѣла человѣческія.

Весь этотъ историческій и нравственный смыслъ былинъ для народа превосходно выраженъ въ слѣдующей припѣвкѣ, которою пѣвцы въ старину заключали былины:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы снѣгу морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на переплыванье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи во бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медь, зелено вино;
Гдѣ-ко диво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

(К. Д., 283).